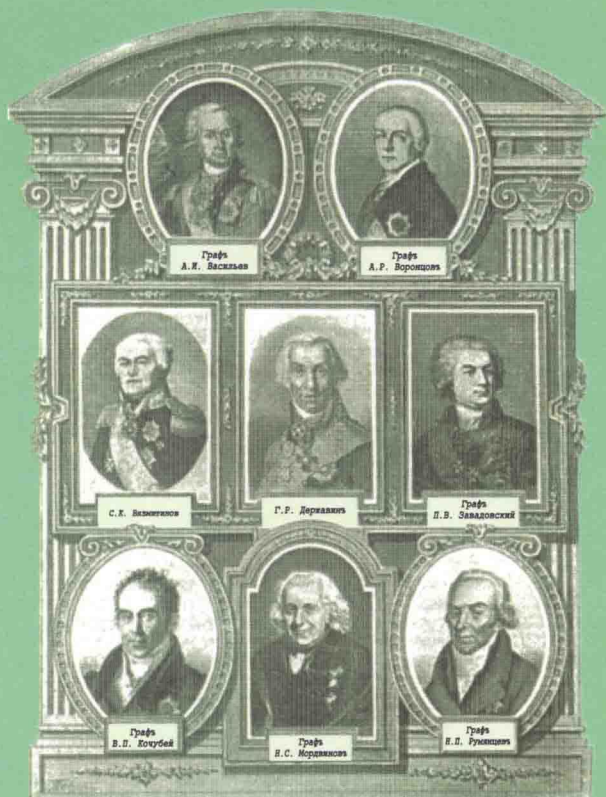

Д. В. Тимофеев

Европейские идеи в России:
восприятие либерализма
правительственной элитой
в первой четверти XIX века

Челябинский государственный университет

Д.В.Тимофеев

**Европейские идеи в России:
восприятие либерализма
правительственной элитой
в первой четверти XIX века**

Челябинск - 2006

УДК 329.12(47+57)(091)

ББК 66.1(2)

Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск: издательство «ПИРС», 2006. - 200 с.

ISBN 5-98977-040-4

Монография посвящена исследованию культурных механизмов адаптации либеральных идей в России первой четверти XIX века. Процесс заимствования либеральных ценностей рассматривается в тесной взаимосвязи с повседневно окружавшей представителей правительственной элиты России в конце XVIII – начале XIX веков социокультурной средой. На основании анализа мемуаров, проектов, «особых мнений», докладных записок, журналов заседаний государственного совета, определены причины появления и содержание стратегической установки на осторожность использования европейских теоретических схем, тактики «движения с оглядкой» в прошлое, а также представлений об оптимальном характере взаимоотношений личности и государства при разрешении сложных социально-экономических и политических проблем.

Научные рецензенты:

- доктор ист. наук, проф. И.В. Нарский,
- доктор ист. наук, проф. И.В. Сибиряков

ISBN 5-98977-040-4

© Д.В.Тимофеев

Введение

Центральное место в системе межкультурных коммуникаций занимает процесс адаптации идей и ценностных установок, выработанных в рамках «чужой» культуры, к условиям сложившейся ранее традиции. Особое значение данный процесс приобретает тогда, когда заимствованные идеи формируют цель и идеологическое обоснование реформ. Иницируемые правящими кругами преобразования ускоряют взаимодействие традиции и инновации, делают его более значимым фактором общественного развития. В этих условиях результаты влияния заимствований на характер внутреннего развития страны зависят не только от способности принимающей стороны проводить сознательный отбор только тех элементов «чужой» культуры, которые, не разрушая основ существующей в обществе традиции, могут способствовать развитию страны, но и от адекватности «перевода» заимствованных ценностных установок в привычные для данной культурной среды термины и понятия.

В данном контексте необходимость разрешения проблемы «переводимости» политических идеологий подтверждается историческим опытом заимствования либеральных идей в России XIX в. Многочисленные попытки внедрить либеральные ценности приводили к неоднозначным последствиям: с одной стороны, инновации способствовали интенсификации экономического и общественно-политического развития страны, а с другой, – обостряли существовавшие внутренние проблемы.

Повышение интереса к истории российского либерализма произошло с начала 90-х гг. XX в. Резкая смена ориентиров развития, обращение к постепенно развивавшимся на протяжении XIX–XX вв. в странах Западной Европы и США либеральным ценностям обусловили необходимость более детального исследования исторического опыта усвоения либерализма, определения на его основе оптимальных алгоритмов рецепции интеллектуальной европейской традиции. Одним из вариантов достижения данной цели, на наш взгляд, может стать всестороннее исследование хронологически первого этапа усвоения либеральных ценностей в России

первой четверти XIX в. При этом особое внимание следует уделить изучению культурных механизмов «перевода» и корректировки содержания европейских либеральных идей, выявлению факторов, определивших появление новых, оригинальных трактовок смысла заимствованных извне либеральных понятий.

Важность выбранной для исследования темы резко контрастирует со степенью ее научной разработанности. В общем виде, множество существующих на сегодняшний день исследований, в которых отражены различные аспекты процесса усвоения либеральных ценностей в России можно разделить на три проблемно-тематические группы.

Первая группа представляет собой комплекс исследований, посвященных истории общественно-политической мысли, проблемам реформ и экономической истории России в первой четверти XIX. В совокупности все исследования данной группы позволяют реконструировать общий социально-экономический и политический фон, выявить внутри- и внешне-политические факторы восприятия западноевропейских идей в России первой четверти XIX в.

В рамках изучения истории общественно-политической мысли предпринимались попытки выявления идейных взаимосвязей России и Европы. В дореволюционный период рассмотрение данной проблематики проходило на фоне изучения эволюции взглядов императора Александра I и характера его взаимоотношений с ближайшим окружением. С этих позиций отслеживались причины и значение проводившихся в стране преобразований, влияние изменений международного положения на колебания внутривнутриполитического курса. Показательными в данном контексте являются работы А.Я. Градовского, М. Довнар-Запольского, Н.Ф. Дубровина, А.А. Корнилова, А.Н. Пыпина, В.И. Семевского, Н.К. Шильдера, В.Е. Якушкина, и др.¹.

В трудах советских историков изучение роли европейского влияния на становление и эволюцию общественно-политической мысли было связано с устойчивым стремлением выявить истоки революционных настроений в России, проследить их эволюцию с начала XIX в. до 1917 г. Господствовавший в то время подход к истории XIX века, как к истории сугубо политической, истории кристаллизации революционных идей, со-

проводился ярко выраженным негативным отношением к либерализму, который зачастую объявлялся «идеологией соглашательства и половинчатых мер». Опираясь на ленинскую периодизацию истории освободительного движения в России, советские историки рассматривали проблему влияния либеральных европейских теорий лишь в непосредственной связи с зарождением и развитием декабристского движения². В некоторых случаях этот вопрос рассматривался в рамках исследований близости идеологических позиций декабристов с отдельными представителями правительственных кругов³.

С 1980-х гг. исследования по истории развития общественно-политической мысли были дополнены рядом работ, посвященных проблеме реформ в России. С этого времени активизируется изучение различных проектов преобразования российской действительности в первой четверти XIX в., – от предложений по смягчению или отмене крепостной зависимости до формирования основ конституционной монархии. Особое место в ряду исследований данной проблематики занимают работы Н.В. Минаевой, С.В. Мироненко, М.М. Сафонова, В.В. Ильина, А.С. Панарина, А.С. Ахиезера⁴. В них на основе тщательного анализа неизвестных ранее источников авторы впервые показали сложность и противоречивость стоящих перед Александром I и его приближенными проблем, признали наличие у правительственной элиты способностей и желания модернизировать сложившиеся в стране социально-экономические и политические отношения.

Не менее важный аспект взаимодействия европейских теорий и отечественной действительности отражен в работах по экономической истории России. Отношение образованной части российского общества в годы правления императора Александра I к либеральным идеям европейских экономистов, причины возникновения и масштабы стоявших перед правительством экономических проблем привлекали внимание, А.В. Аникина, Р.А. Белоусова, И.Г. Блюмина, С.М. Геворкяна, Б.Н. Миронова, С.А. Козлова, В.А. Павлова, В.Т. Рязанова, В.В. Святловского, А.И. Юхт и др.⁵.

Вторая проблемно-тематическая группа – исследования отечественных и зарубежных ученых, в которых рассматривается проблема идентификации либерализма, определения его системообразующих элементов,

для того, чтобы сделать либерализм более «узнаваемым» среди множества проявлений «свободолюбия» в различных странах мира. Наличие подробных историографических обзоров по данной проблематике⁶ позволяет автору обозначить здесь лишь основные, с его точки зрения, тенденции.

Первая тенденция в развитии историографической ситуации связана с попытками целого ряда исследователей сформулировать универсальное определение либерализма, которое включало бы в себя все его атрибуты и могло служить своеобразным «эталоном» для определения степени развитости либерализма в различных странах мира.

В России определенный интерес к проблеме выявления формообразующих элементов либерализма со второй половины XIX – начала XX в. проявляли либерально настроенные ученые и общественные деятели, такие, как Б.Н. Чичерин, Р.И. Сементковский, М.М. Ковалевский, Н.А. Бердяев, Е.В. Спекторский⁷. Ориентируясь на исторический опыт законодательного оформления гражданских прав и свобод в Англии и Франции, все они рассматривали либерализм не только как систему отвлеченных от реальности принципов, провозглашавших «естественные права» любого индивида на свободу и безопасность, но и как «настроение и мирозерцание культурных слоев общества» (Н.А. Бердяев)⁸, а также повседневную практику отстаивания интересов свободной личности в развитых странах Европы.

Повышенное внимание к эволюции либерализма на фоне европейской истории сохранялось и в XX в. В 1950–1980 гг. изучение конкретно-исторических проявлений либерализма в различных странах мира с позиции их тождественности западноевропейскому «эталоноу» было характерной чертой целого ряда работ. Так, В.В. Леонтович, определяя либерализм как «индивидуалистическую систему, дающую человеческой личности и ее правам превосходство надо всем остальным», подчеркивал, что либерализм является «творением западноевропейской культуры», а его «корни уходят в античность»⁹. Универсальный характер европейского либерализма признавал Г. Ласки¹⁰, считавший либерализм общеевропейским феноменом, возникшим в процессе перехода от средневековья к новому времени¹¹. Еще более рельефно, на наш взгляд, стремление определить универсальный набор признаков либерализма на основе европейско-

го опыта присутствует в трудах Дж. Халлоуэла, который считал возможным описать все возможные проявления либерализма 10 «базисными» признаками¹² и в работах Дж. Грея, выдвигавшего в качестве универсального критерия причисления того или иного явления к разряду либеральных 4 принципа классического либерализма. Так, например, Дж. Грей считал, что основополагающими принципами либерализма являются: 1). Индивидуализм, понимаемый как моральное превосходство индивида перед любыми посягательствами на него со стороны любого коллектива, какими бы аргументами коллективной целесообразности такие посягательства не обосновывались; 2). Эгалитаризм – признание за всеми людьми равной моральной ценности и отрицание значения для правовой организации общества индивидуальных различий в этом плане; 3). Универсализм, как признание того, что требование индивидуализма и равенства возможностей не могут быть отвергнуты ссылками на особенности тех или иных культурно-исторических общностей; 4). Мелиоризм – утверждение возможности исправления и совершенствования любых социальных и политических институтов¹³.

Использование универсального набора признаков, по мнению западных исследователей, должно было стать действенным инструментом определения степени развитости либерализма в ряде неевропейских стран. Так, Д. Фишер, например, анализируя эволюцию российского либерализма, высказал мысль о целесообразности различать два типа либерализма: классический либерализм развитых стран и «недолиберализм» развивающихся стран, где либерализм, в силу отсутствия сколько-нибудь широкой социальной опоры, может существовать лишь как «движение меньшинства в развивающемся обществе»¹⁴. Аналогичный вариант типологизации разрабатывали и некоторые современные отечественные исследователи. В.Ф. Пустарнаков, например, предлагал рассматривать российский либерализм как одну из «нетипичных форм», «паралиберализм»¹⁵.

При таком подходе российский либерализм рассматривался не как самостоятельное явление, а лишь с позиции определения его тождественности отдельным европейским аналогам. Подобный ракурс, на мой взгляд, приводит к схематизации и упрощению сложного процесса усвое-

ния либеральных ценностей, т.к. часто при определении формальных отличий какой-либо национальной модели либерализма от европейского образца не учитываются множество разнонаправленных по своей природе воздействий культурной среды на сознание потенциальных носителей либеральных ценностей. Выдвижение теоретически сконструированного идеального образца, используемого при оценке «степени развитости» национальных моделей либерализма ведет к идеализации исторической реальности одних стран и заведомо предвзятому отношению к тем странам, которые по каким-либо параметрам не соответствуют названному идеалу.

Вторая тенденция в историографии проблемы идентификации либерализма прослеживается с конца 1970–1980 гг. С этого времени ряд зарубежных исследователей признали, что либерализм – сложная система принципов и поведенческих установок, множество проявлений которого невозможно свести к раз и навсегда установленному эталону. Постепенно формировалось критическое отношение к европоцентризму при определении сущности либерализма, происходило признание пластичности либеральной идеологии, ее способности быстро адаптироваться к новым условиям. М. Фриден, например, в этой связи писал: «Всякая попытка априорного перечисления либеральных идей приводит к приданию ложного порядка и точности подвижному, меняющемуся явлению. Либерализм содержит в себе не набор идей, а меняющиеся результаты взаимодействия мыслителя и его идей, а также разных мыслителей друг с другом и их всех с меняющимся контекстом времени, направлениями, которое принимает философия, религия, естествознание, с интеллектуальными модами»¹⁶.

В конце 1980-х гг. естественным следствием признания сложности внутренней структуры либерализма и его способности приспосабливаться к быстро меняющимся внешним условиям было осознание того, что в действительности «не было одного либерализма, но были либерализмы, не было одного либерального эксперимента, но были эксперименты»¹⁷.

В отечественной историографии указанная выше тенденция проявилась с середины 1990-х гг. на специально посвященных истории либерализма общероссийских и международных конференциях¹⁸. В процессе обмена мнениями многие российские историки, философы и политологи,

признавая сложность внутренней структуры либерализма, наличие у него, наряду с неизменным «инвариантным ядром», еще и подвижной «вариативной» части, говорили о бесперспективности изучения эволюции российского либерализма через призму некоего «западного эталона», с помощью которого, как предполагалось ранее, можно было бы определить степень его «развитости». Аргументируя такую позицию, один из постоянных участников дискуссий Б.Г. Капустин подчеркивал: «Дело не в том, что ни один из существовавших или существующих на Западе видов либерализма «не дотягивает» до идеального эталона, а в том, что у либерализма... такого эталона вообще нет и быть не может»¹⁹.

Данный подход, на мой взгляд, является достаточно продуктивным и открывает перед исследователем перспективу понимания механизма саморазвития либерализма в разных странах мира. Содержательно, так называемое «инвариантное ядро» либерализма может включать в себя такие основополагающие принципы, как «свобода личности», «неприкосновенность частной собственности» и «безопасность личности». Вариативная часть, содержание которой формируется и корректируется в зависимости от особенностей социокультурной среды распространения либеральных ценностей, может содержать различные трактовки условий реализации основополагающих либеральных принципов, а также представления о приемлемых методах решения актуальных для конкретного общества социально-экономических и политических проблем. В общем виде, признание уникальности конкретно-исторического опыта усвоения либеральных ценностей в каждой отдельной стране, возможности существования множества национальных моделей либерализма, которые могут отличаться друг от друга расстановкой акцентов по целому ряду экономических и социально-политических вопросов, позволяет лучше понять внутреннюю структуру и процесс адаптации либерализма.

К третьей проблемно-тематической группе исследований относится ряд работ, посвященных собственно российскому либерализму. При этом одной из центральных и до сих пор дискуссионных проблем остается проблема формирования и эволюции российской модели либерализма. В рамках изучения данной проблематики предпринимаются попытки определить хронологические границы распространения либерализма в России.

На сегодняшний день одни исследователи, такие как, например, Н.В. Михайлова, С.И. Глушкова, Л. Новикова, И. Сиземская, считают, что нижняя хронологическая граница проникновения либеральных ценностей в России совпадает со временем «просвещенного» царствования императрицы Екатерины Великой. Дальнейшее развитие либерализма распадается на три периода: 1) с середины XVIII в. по 1825 г.; 2) с 50–70-х по 90-е гг. XIX в.; 3) с 90-х гг. XIX в. до начала XX в.²⁰. Аналогичный вариант периодизации предлагает А.В. Гоголевский²¹. По его мнению, эволюция либерализма в нашей стране охватывает хронологический отрезок со второй половины XVIII в. до первых открытых проявлений революционной борьбы в начале XX в. При этом А.В. Гоголевский признает, что либеральные ценности уже к началу XIX в. приобрели характер вполне осознанной политической установки²².

Представители другой группы исследователей считают целесообразным поднять нижнюю хронологическую границу становления российского варианта либерализма до 40–50-х гг. XIX в. По их мнению, организационное и программное становление либерализма в нашей стране произошло только в пореформенное время и было продолжено в период зарождения первых политических партий в начале XX столетия²³. При этом необходимо отметить, что практически все историки, разделяющие подобный взгляд на периодизацию истории российского либерализма, с большими или меньшими оговорками признают существование либерально настроенной группировки в кругах образованного российского дворянства еще в начале XIX в. Однако, упоминая об этом, основное внимание уделяют более позднему периоду распространения либерализма в России, времени, когда он обрел более четкие организационные формы²⁴.

На сегодняшний день достаточно подробно исследованы либеральные интенции в рамках земского движения и либерально ориентированных партий России во второй половине XIX – начале XX в. На фоне многочисленных работ по истории российского либерализма указанного периода выделяется совместная работа С.С. Секиринского и В.В. Шелохаева, в которой авторы на обширном фактологическом материале четко обозначили характерные особенности русского либерализма и причины

его слабости во второй половине XIX – начале XX в.²⁵. Глубокий анализ либерального движения был проведен Л.В. Селезневой²⁶, которая впервые затронула вопрос о культуре заимствования либеральных идей российской интеллектуальной элитой начала XX в. Не менее интересными представляются и исследования И.В. Сибирякова²⁷. Попытка автора взглянуть на историю русского либерализма «изнутри», посредством выявления основных характеристик «социоморальной среды» его распространения, позволила исследователю приблизиться к пониманию основных системообразующих понятий и стереотипов поведения русских либералов, обозначить существовавшие в их мировоззрении противоречия.

Таким образом, несмотря на признание исследователями типологического сходства и исторической приемлемости либеральных настроений в правительственных кругах России первой четверти XIX в. и российского либерализма второй половины XIX – начала XX в., первоначальный период знакомства образованного российского дворянства с либеральными ценностями до сих пор недостаточно изучен. Такое положение существенно ограничивает возможность исследования процесса саморазвития российской модели либерализма, т.к. не позволяет установить идейную преемственность и механизм формирования новых элементов в мировоззрении различных поколений адептов либеральных ценностей в России.

На мой взгляд, наметившийся в современной отечественной и зарубежной историографии отказ от европоцентризма, и, параллельно, осознание уникальности исторического опыта усвоения либеральных ценностей в различных странах мира, обуславливает необходимость разработки новых методологических подходов и инструментов исследования, помогающих понять специфику российского либерализма не в сравнении с априорно конструируемыми общеевропейскими образцами, а посредством исследования особенностей внутренней структуры отечественной модели либерализма. В данном контексте повышенное внимание большинства современных исследователей к изучению относительно «поздних» этапов усвоения либерализма сохраняет положение, при котором одна из ключевых для понимания причин многообразия национальных моделей либерализма, проблема его «переводимости» и выявления механизмов адаптации либеральных ценностей при переходе из одной социокультурной

среды в другую, остается не разрешенной. На сегодняшний день проблема усвоения привнесенных извне политических установок рассматривается лишь в общетеоретическом плане,²⁸ несмотря на то, что конкретно-историческое исследование всего комплекса связанных с данной проблемой вопросов, позволило бы не только более точно определить сущность либерализма в целом и выявить характерные черты его российского варианта, но и сформулировать некоторые «пороговые ограничения» при заимствовании извне различных элементов европейской культуры.

В наиболее общем виде проблему «переводимости» либеральных ценностей, на мой взгляд, следует рассматривать в тесной взаимосвязи с изучением механизма восприятия заимствованных элементов «чужой» культуры на фоне привычных, проверенных опытом основ «собственной» культуры. При этом, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, каким образом в процессе межкультурной коммуникации происходило «встраивание» в существовавший культурный контекст страны-реципиента ценностей, сформировавшихся в рамках «чужой» культуры²⁹. При таком подходе представляется возможным определить внутреннюю структуру и содержание сложносоставных и, как правило, противоречивых по своей идейной направленности, мировоззренческих моделей, таких как, например, либерально-консервативная система ценностей, которая могла быть сформирована в результате синтеза, привнесенных извне либеральных ценностей и традиционных норм и стереотипов поведения.

В настоящем исследовании отправной точкой в изучении проблемы «переводимости» либерализма является признание органичной связи либерализма с сознанием человека, с его мировоззренческими ценностными установками. Неразрывность либерализма с сознанием позволяет нам определить либерализм как особую систему ценностных ориентиров, формирующими элементами которой является принцип индивидуальной свободы, провозглашение равенства всех участников социальных отношений перед законом и признание права личности на обладание собственностью и безопасность.

В конкретно-историческом контексте обращенность либерализма к сознанию человека определяет целесообразность уделять особое внимание изучению общего культурного фона в каждой отдельной стране и пы-

таться реконструировать социокультурную среду становления мировоззрения потенциальных адептов либеральных ценностей. Методологическим основанием подобного подхода является представление о сложносоставном характере развития любых общественных процессов, зарождение и развитие которых происходит в результате деятельности людей в конкретно-исторических обстоятельствах, обусловленных особенностями повседневно окружающей индивида системы социальных и культурных взаимосвязей.

Первоосновы такого взгляда на характер исторических процессов были заложены в работах французских историков школы «Анналов» М. Блока, Л. Февра и др.³⁰. Попытки изучения прошлого с точки зрения влияния на человека окружающей его культурной среды предпринимали также И. Хейзинга, А.Я. Гуревич, Ю.М. Лотман, Ю.А. Бессмертный и др.³¹. Особое место в развитии данного подхода занимают работа немецкого исследователя Н. Элиаса «О процессе цивилизации», в которой автор убедительно показал взаимосвязь повседневного окружения и форм поведения с трансформацией социальных и политических структур³².

При всем многообразии акцентов, большинство обозначенных выше авторов считали, что внимательное отношение к непосредственно окружающему индивида культурному фону позволяет выявить причины активизации деятельности человека в том или ином направлении, определить механизмы преобразования интересов и потребностей в движущие побудительные мотивы, способствует более адекватному объяснению причин и характера протекания исторических процессов без разрушающего его внутреннюю логику втискивания в рамки какой-либо жесткой теоретической схемы.

В настоящем исследовании процесс восприятия либерализма в России первой четверти XIX в. рассматривается в тесной взаимосвязи с внутри- и межсословным статусом приверженцев либеральных ценностей, главенствующими в данном социальном слое нормами и стереотипами поведения. Предполагается, что исследование способа мировосприятия человеком окружающего мира, сложившегося под воздействием непосредственно окружающей его системы социальных взаимосвязей может оказаться очень продуктивным, т.к. именно социокультурная среда

формирует основные ценностные ориентиры и поведенческие стереотипы, корректируя восприятие любой привнесенной извне инновации.

Содержательно термин «социокультурная среда» включает в себя весь комплекс формирующих мировоззрение факторов окружающей действительности, таких как разветвленность непосредственных социальных взаимосвязей личности; доминирующие в каждой социальной страте представления о месте, роли и характере взаимодействий различных сословий между собой; привычные нормы межличностных взаимоотношений, проявляющиеся, как в кругу родственников, так и при выполнении индивидом своих профессиональных обязанностей; доступность и качество образования, а также особенности воспитания той или иной социальной группы; представления о назначении и функциях власти, уровень материального благополучия; состав семьи; традиционно значимые понятия и поведенческие установки.

Существование органичной взаимосвязи между непосредственно окружающей индивида социокультурной средой и характером восприятия тех или иных идей открывает перед исследователем либерализма перспективу понимания причин и механизмов адаптации либеральных ценностей в России. Однако конкретно-историческое изучение проблемы «переводимости» либерализма посредством выявления основных характеристик социокультурной среды его распространения, на мой взгляд, может оказаться результативным только при соблюдении двух взаимосвязанных друг с другом условий.

Во-первых, необходимо сознательное ограничение исследователем количества изучаемых персоналий, т.к. в действительности определенная общность интеллектуально-эмоционального фона может возникнуть только у представителей относительно однородной по своему составу социальной группы. Особенно отчетливо целесообразность изучения процесса восприятия либеральных ценностей в рамках небольшой по численности социальной группы проявляется при анализе социальной структуры российского общества, где существовавшие на протяжении длительного времени сословные, и даже внутрисословные, перегородки четко определяли место человека в обществе и оказывали огромное влияние на его мировоззрение. Во-вторых, все представители исследуемой

группы должны иметь доступ к информации о смысле и содержании либерализма, достаточный для понимания основных его теоретических положений уровень образования, а также возможность проявлять свою приверженность либеральным принципам в сфере практических действий. В России первой четверти XIX в. данными качествами в полном объеме обладали представители правительственной элиты.

Все вышеизложенное определяет цель настоящей работы, которая заключается в том, чтобы на основе анализа воззрений, жизни и деятельности представителей ориентированной на Запад правительственной элиты дать комплексную характеристику процесса адаптации либеральных ценностей в России первой четверти XIX в.

В настоящей работе исследуется социокультурная среда, сформировавшая мировоззрение 44 представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в. (персональный состав см. приложение 1). Основным критерий причисления того или иного индивида к данной группе – руководство и активное участие в работе различных структур системы высшего государственного управления Российской империи. Все входящие в состав исследуемой группы в период с 1801 по 1825 г. возглавляли министерства, были председателями различных Департаментов Государственного Совета, участвовали в работе комитета министров, а также целого ряда особых комитетов и комиссий учрежденных верховной властью при Государственном Совете. Кроме этого в качестве дополнительных критериев включения в состав изучаемой группы учитывались следующие формальные признаки: дворянское происхождение, наличие крупной недвижимой собственности, обладание титулом князя, графа или барона, наличие образования.

Рассматриваемые в комплексе, все указанные выше характеристики повседневно окружающей представителей правительственной элиты России социокультурной среды, позволяют решить ряд исследовательских задач: определить характер и результаты взаимодействия традиционных фоновых ценностей и поведенческих стереотипов с заимствованными извне либеральными постулатами; проследить изменения, произошедшие в трактовке содержания трудов либеральных европейских мыслителей; выявить сложившуюся в сознании представителей исследуемой группы

концепцию заимствований, а также представления о методах, тактике и проблемах реализации на практике основных постулатов либерализма.

Изучение процесса усвоения либеральных ценностей в рамках небольшой социальной группы, складывание мировоззренческих позиций которой происходило в примерно одинаковых социокультурных условиях, во многом определяет и временные границы данного исследования.

Хронологические границы исследования, – вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв., – совпадают с началом процесса социализации и временем пребывания в высших государственных структурах представителей исследуемой группы. В рамках данного хронологического отрезка основное внимание уделяется периоду с 1801 по 1825 г. – времени, когда образованное российское дворянство впервые получило возможность внимательно ознакомиться с теоретическими основами либеральной модели общественного устройства и одновременно, в ходе неоднократных поездок за границу могло составить собственное представление о характере развития ведущих западноевропейских стран, а также масштабах и причинах отставания России по целому ряду социально-экономических и политических параметров. Именно в это время представители исследуемой группы высокопоставленных чиновников получили доступ к системе выработки и исполнения важных государственных решений, обрели реальную возможность довести до сведения императора и членов Государственного Совета свои собственные предложения по ускорению процесса интенсификации российской экономики и модернизации российской социально-политической системы на основе теоретических постулатов известных европейских мыслителей.

Предпринимаемая автором попытка реконструкции социокультурной среды с целью выявления особенностей восприятия либеральных ценностей предполагает использование просопографического метода и метода статистической обработки биографических данных. На основе имеющихся в распоряжении автора архивных материалов и биографических справочников³³ был проведен комплексный анализ биографических данных по следующим параметрам: происхождение и внутрисословный статус рода; наличие наследственной или приобретенной недвижимой собственности и крепостных крестьян; особенности воспитания, качество

и порядок получения образования; религиозная принадлежность; возраст и скорость продвижения по службе; семейное положение и состав семьи; участие в работе различных правительственных структур и общественных объединений; характер знакомства с повседневной жизнью в Европе. Таким образом, использование метода статистической обработки биографических данных позволяет выявить основные этапы социализации и факторы формирования мировоззрения представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в.

Кроме метода статистической обработки биографических данных в настоящем исследовании используется метод сравнительно-сопоставительного анализа мировоззренческих позиций и программных установок отдельных представителей правительственной элиты с либеральными высказываниями ряда европейских мыслителей. Данный метод дает возможность выявить отличия и сходства российского варианта либерализма с некоторыми его европейскими аналогами.

Источниковая база настоящего исследования представлена двумя комплексами различных по своей видовой принадлежности групп исторических источников. Первый комплекс источников включает в себя архивные материалы, отложившиеся в 11 фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). Второй комплекс источников состоит из опубликованных на протяжении второй половины XIX–XX вв. документов.

В общем виде, все используемые в работе исторические источники можно разделить на четыре видовые группы, отличающиеся друг от друга происхождением, целью создания и характером содержащейся в них информации.

Первая группа источников – материалы официального делопроизводства. В них отражен порядок функционирования сложившейся в начале XIX в. системы подготовки документов, процедура обсуждения и принятия решений, а также сведения об этапах карьеры исследуемой группы высокопоставленных чиновников. В соответствии с характером зафиксированной в источниках данной группы информации их можно разделить на три подгруппы.

1) Протоколы (журналы) заседаний Государственного Совета в период с 1801 по 1825 г., которые были опубликованы в составе многотомного издания «Архив Государственного Совета». Используемые в данной работе журналы Государственного Совета, фиксирующие порядок и содержание обсуждений с 1801 по 1810 г., помещены в третий том, а журналы Департамента государственной экономии Государственного Совета, отражающие его работу с января 1810 г. по 19 ноября 1825 г., составили четвертый том этого издания³⁴.

Обозначая хронологические рамки привлекаемых в настоящем исследовании протоколов заседаний Государственного Совета 1801 г., следует уточнить, что уже с первых дней существования Совета современники называли его *Государственным*. Подтверждением этому может служить ряд официальных документов. Так, несмотря на то, что в «Указе Правительствующему Сенату»³⁵ от 30 марта 1801 г. Совет был назван Непременным, в «Наказе Совету»³⁶ и в тексте «Присяги членов Совета»³⁷, а также в «Указе правительствующему Сенату»³⁸ от 9 апреля 1801 г. он именовался *Государственным*. Данное обстоятельство позволяет автору, вопреки устоявшейся в современной историографии традиции, обозначить все используемые протоколы работы учрежденного в марте 1801 г. законосовещательного органа, как материалы работы *Государственного Совета*.

Детальный анализ опубликованных в «Архиве Государственного Совета» протоколов заседаний дает возможность не только определить степень информированности членов Совета о происходящих в стране процессах, но и выявить широкий спектр мнений по целому ряду актуальных вопросов: от способов уменьшения дисбаланса в государственном бюджете до выработки приемлемых мер по смягчению крепостной зависимости частновладельческих крестьян. Кроме этого, зафиксированные в журналах Государственного Совета так называемые «особые мнения», которые по правилам делопроизводства в Совете в течение двух дней после заседания могли быть представлены любым участником обсуждения в том случае, если он был несогласен с принятым большинством голосов решением, позволяют изучить экономические и социально-политические взгляды таких видных государственных деятелей как

А.А. Аракчеев, А.Р. Воронцов, Д.А. Гурьев, А.Б. Куракин, Н.С. Мордвинов, Н.Н. Новосильцев, Н.И. Салтыков, М.М. Сперанский, С.П. Румянцев, А. Чарторыйский и др.

2) Всеподданнейшие докладные записки членов Государственного Совета. Как правило, авторы докладных записок подробно излагали положение дел в подведомственной им сфере управления, объясняли причины существовавших проблем и предлагали конкретные меры по их устранению. В некоторых случаях подобные документы составлялись по особому распоряжению императора Александра I в форме отзыва какого-либо министра или председателя Департамента Государственного Совета на проекты преобразований в сфере экономики и государственного управления.

Привлекаемые в настоящем исследовании докладные записки А.И. Васильева, Д.А. Гурьева, В.П. Кочубея, Н.С. Мордвинова, и др., дают возможность автору проанализировать представления членов Государственного Совета о целях правительственных действий в ближайшей и отдаленной перспективе. Кроме этого докладные записки позволяют выявить отношение либерально настроенной части правительственной элиты к личности императора и его роли в системе государственного управления.

3) Послужные и формулярные списки членов Государственного Совета. Данная подгруппа источников представлена архивными материалами Ф.1162 РГИА и содержит информацию о происхождении, этапах и скорости продвижения по службе, а также о наличии наград и недвижимой собственности у представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в. В отдельных случаях приводятся данные о размере жалованья. Формализованный порядок составления подобных документов и однородность содержащейся в них информации дают возможность использования данной подгруппы источников при проведении статистического анализа и создания графических схем, отображающих основные социокультурные характеристики представителей исследуемой группы (см. приложения 2–7).

Вторая группа источников – программные документы, составленные в форме проектов, «записок», «голосов» и «мнений». В настоящем

исследовании этот вид источников представлен архивными материалами и полнотекстовыми публикациями проектов А.Р. Воронцова, Д.А. Гурьева, В.П. Кочубея, Д.П. Трощинского в «Сборнике императорского русского исторического общества»³⁹, журналах «Русская старина»,⁴⁰ «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете»⁴¹, а также в составе многотомного издания «Архива графов Мордвиновых»⁴² и сборнике документов «Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII–первой четверти XIX в.»⁴³.

Содержательно в источниках данной группы отражены позиции членов Государственного Совета по широкому кругу проблем. Авторы проектов высказывали предложения по разрешению крепостного вопроса, выдвигали различные варианты стимулирования развития отечественной экономики, аргументировали целесообразность создания действенного механизма согласования интересов общества и верховной власти посредством создания выборного законодательного (или законосовещательного) органа при императоре. Внимательный анализ содержания всех источников данной группы позволяет выявить распространенные в кругах правительственной элиты России первой четверти XIX в. представления о стратегии заимствования европейского опыта, тактике и методах преобразования российской действительности.

К третьей группе источников относятся материалы личного происхождения – письма и воспоминания как непосредственных участников обсуждений в Государственном Совете различных вариантов разрешения важнейших социально-экономических проблем, так и их ближайших родственников. Используемые в работе воспоминания А.Р. Воронцова⁴⁴, Г.Р. Державина⁴⁵, И.И. Дмитриева⁴⁶, Н.Н. Мордвиновой⁴⁷, Н.И. Тургенева⁴⁸, А.А. Чарторыйского⁴⁹ содержат подробную информацию о детских и юношеских годах жизни будущих членов Государственного Совета, привычных в данной социальной среде нормам поведения.

Не менее информативным источником являются личные письма В.П. Кочубея А.А. Аракчееву, А.К. Разумовского Б.И. Гермесу, Д.А. Гурьева А.А. Аракчееву, Н.С. Мордвинова Н.Н. Новосильцеву, Д.П. Трощинского А.Р.Воронцову, а также личная переписка А.А. Чарторыйского

с императором Александром I⁵⁰, содержание которых отражает характер межличностных отношений и эволюцию образа монарха в правительственных кругах России первой четверти XIX в.

Четвертую группу источников составляют сочинения либеральных европейских мыслителей. В сопоставлении с протоколами заседаний Государственного Совета, многочисленными проектами и записками ориентированной на Запад дворянской элиты размышления таких известных европейских мыслителей, как Ч. Беккариа, И. Бентам, В. Гумбольдт, Д. Юм, И. Кант дают возможность определить общие и отличительные черты российской модели либерализма на фоне национальных моделей ряда европейских стран⁵¹.

Таким образом, весь спектр используемых в работе источников является достаточным и необходимым для решения поставленных в данной работе исследовательских задач. Взаимодополняя друг друга, все они в совокупности позволяют взглянуть на проблему либерализации общественных отношений в России «изнутри», глазами представителей высшей правительственной бюрократии, что способствует более точному пониманию мировоззренческих позиций европеизированной части дворянской элиты, и предоставляет возможность дать комплексную характеристику процесса адаптации либеральных ценностей в России первой четверти XIX в.

Комплексный характер исследования процесса культурной адаптации либеральных идей обусловил логику расположения материала. В первой главе рассматриваются основные факторы повседневно окружавшей представителей правительственной элиты социокультурной среды, оказавшие влияние на расстановку смысловых акцентов при заимствовании либеральных ценностей. Во второй, третьей и четвертой главах соответственно, рассматриваются экономические, социальные и политические взгляды представителей исследуемой группы. При этом порядок расположения глав воспроизводит последовательность расстановки приоритетов в процессе определения основных направлений практической деятельности государства, а также иерархию оценок степени актуальности, стоявших перед правительством в первой четверти XIX в. проблем.

Примечания

- ¹ См.: *Градовский А.Я.* Начало русского государственного права. СПб., 1875; *Довнар-Запольский М.* Идеалы декабристов. М., 1907; *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1892, янв.; *Корнилов А.А.* Курс истории XIX века. М., 1993; *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900; *Семевский В.И.* Либеральные планы в правительственных сферах // Отечественная война и русское общество. М., 1912; *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897; *Якушкин В.Е.* Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб., 1906; и др.
- ² См., например: *Дружинин Н.М.* Революционное движение в России в XIX в. М., 1965; *Ланда С.С.* О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в 1816–1821 гг. // Пушкин и его время. Л., 1962; *Нечкина М.В.* Движение декабристов М., 1955; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957; *Орлик О.В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; *Пугачев В.В.* Из истории русской общественной мысли начала XIX в. // Ученые записки Горьковского ун-та. Сер. Историко-филолог. Вып. 57. 1962; *Романова С.Н.* Декабристы и революционная мысль в Западной Европе в 20-е годы XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. История. 1975. № 11.
- ³ *Семенова А.В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
- ⁴ См.: *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982; *Сафонов М.М.* Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1988; *он же.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX века. М., 1990; *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996.
- ⁵ См.: *Аникин А.В.* Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990; *Белоусов Р.А.* Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001; *Блюмин И.Г.* Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.–Л., 1940; *Геворкян С.М.* Борьба фритредеров и протекционистов в первой четверти XIX века. М., 1953; *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-черноземные губернии). М., 2002. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990; *Павлов В.А.* История российской политической экономии. М., 1995; *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998; *Святловский В.В.* История экономических идей в России. Т.1. Пг., 1923; *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра великого до Александра I. М., 1994.
- ⁶ См.: *Арсланов Р.Л.* Ранний русский либерализм в освещении французских историков // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия «История, философия». 1993. № 1; *Думова Н.Г.* Российский либерализм в освещении современной англо-американской историографии // История СССР в современной западной немарксистской историографии. М., 1990; *Загородников А.Н.* Западный либерализм в прошлом и настоящем. М., 1993; *Медушевский А.Н.* Либерализм как проблема современной западной историографии // Вопросы истории. 1992. № 8–9; *Жуковская Т.Н.* Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX века: итоги и задачи изучения. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1992; *Нарский И.В.* Российский либерализм в европейском и на-

- циональном контексте (историографический парадокс) // История национальных политических партий в России. М., 1997; *Шелохаев В.В.* Русский либерализм как историографическая и историческая проблема // Вопросы истории. 1998. № 4; *Календарова В.В.* Проблема зарождения русского либерализма в отечественной историографии // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып. 2.
- ⁷ См.: Опыт российского либерализма: Антология. М., 1997. С. 38–51, 140–167, 168–212, 310–328, 331–340.
- ⁸ См.: *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990. С. 142.
- ⁹ См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. С. 2–3.
- ¹⁰ См.: *Laski H.* The rise of European liberalism. Lnd., 1963.
- ¹¹ См. подробнее: Медушевский А.Н. Указ соч. С. 168.
- ¹² См. подробнее: *Капустин Б.Г.* Алгоритмы и варианты западного либерализма // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 46.
- ¹³ Там же. С. 50–51.
- ¹⁴ См.: *Fisher G.* Russian liberalism from Gentry to intelligensia. Cambridge, 1958.
- ¹⁵ См.: Либерализм в России. М., 1996. С. 20, 61–62, 42–54, 360–370.
- ¹⁶ См.: *Freeden M.* The new liberalism: An ideology of social reform. Oxford, 1978. P. 26–27.
- ¹⁷ См.: *Branciard M.* Les liberalismes d' hier a aujourd' hul. P., 1987. P. 7; Цит. по: Либерализм в России. С. 40.
- ¹⁸ См.: Либерализм в России. М., 1996; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Москва. 27–29 мая 1998 г. М., 1999; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону. 25–26 мая 2000 г. М., 2001.
- ¹⁹ См.: *Капустин Б.Г.* Алгоритмы и варианты западного либерализма // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. С. 39.
- ²⁰ См.: *Михайлова Н.В.* Либерализм в России на рубеже XVIII–XIX вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук, М., 1998; *она же.* Зарождение либерализма в России. Челябинск, 1998; *Глушкова С.И.* Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001. С. 61–67; *Новикова Л., Сиземская И.* Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 69–73; *они же.* Идейные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 124–135.
- ²¹ См.: *Гоголевский А.В.* Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996.
- ²² Там же. С. 151.
- ²³ См., например: Российские либералы: Сб. ст. / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999.
- ²⁴ См.: *Алфаев А.А.* Русский либерализм на рубеже 70–80 гг. XIX века. М., 1991; *Думова Н.Г.* Либерал в России. Ч. 1. М., 1993; *Осинов И.Д.* Философия русского либерализма XIX – начала XX вв. СПб., 1996; и др.
- ²⁵ См.: *Секиринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России. М., 1995.
- ²⁶ См.: *Селезнева Л.В.* Западная демократия глазами российских либералов начала XX в. Ростов-на-Дону, 1995.
- ²⁷ См.: *Сибиряков И.В.* Новый российский либерализм: опыт реконструкции социоморальной среды. Челябинск. 1998; *он же.* Нравственные ценности нового русского либерализма (исторический аспект). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск. 1998.

- ²⁸ См.: *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; *он же.* Умножение идеологий или Проблема «переводимости» политического сознания // *Полис.* 1997. № 4. С. 78–87.
- ²⁹ *Иконникова Н.К.* Механизмы межкультурного восприятия // *Социологические исследования.* 1995. № 4; *Ларченко С.Г., Еремин С.Н.* Межкультурное взаимодействие в историческом процессе. Новосибирск, 1991; *Муравлева Н.В.* Понимание и интерпретация фактов чужой культуры // *Россия и Запад: диалог культур.* Вып. 7. 1997; *Рёш О.* Проблема стереотипов в межкультурной коммуникации // *Россия и Запад: диалог культур.* Вып. 6. 1998.
- ³⁰ См. подробнее: *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991; *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции // *Одиссей.* Человек в истории. М., 1991; *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
- ³¹ См.: *Хейзинга И.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV века во Франции и Нидерландах. М., 1988; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1973; *он же.* Социальная история и историческая наука // *Вопросы философии.* 1990. № 4; *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб., 1994; *Бессмертный Ю.А.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
- ³² *Элиас Н.* О процессе цивилизации: социогенетические и психологические исследования. В 2 т. М.–СПб., 2001.
- ³³ См. например: *Государственные деятели России XIX – нач. XX в.* Биографический справочник / сост. И.И. Линьков, В.А. Никитин, О.А. Хотенков. М., 1995; *Орлик О.В.* Государственные люди России первой половины XIX в.: пути и судьбы: Очерки. М., 2000; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001.
- ³⁴ См.: *Архив Государственного Совета:* В 10 т. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.) СПб., 1878; Т. 4. Царствование императора Александра I (1810–19 ноября 1825 г.). Журналы по делам департамента государственной экономии. СПб., 1881. (*Далее – Архив ГС.*)
- ³⁵ См.: *Архив ГС.* Т. 3. С. XVII–XVIII.
- ³⁶ Там же. С. XIX–XXIII.
- ³⁷ Там же. С. XXIII.
- ³⁸ Там же. С. XXVII.
- ³⁹ См.: *Троцкий Д.П.* О неудобствах, происходящих от государственного управления по форме единоличной, введенной закрытием коллегий и отменю коллежского обряда и подтвержденной общим учреждением министерств 1810 и 1811 годов // *Сборник императорского русского исторического общества.* 1868. Т. 3. (*Далее – Сб. РИО*)
- ⁴⁰ См., например: *Граф Н.С.Мордвинов 1754–1845: мнения и проекты по вопросам финансовым, юридическим, политическим (1801–1842)* // *Русская старина.* 1872. Т. 5.
- ⁴¹ См., например: *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете:* 1858. Кн. IV., окт.-дек.; 1859. Кн. II., апр.-июнь; 1859. Кн. IV., окт.-дек.; 1860. Кн. I., янв.-март; 1864. Кн. I., янв.-март; 1864. Кн. III., июль-сент.; и др. (*Далее – ЧИО-ИДР.*)
- ⁴² См.: *Архив графов Мордвиновых.* В 10 тт. СПб., 1901–1903. (*Далее – АМ.*)
- ⁴³ См.: *Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX в.: Сб. док. / Подг., введ. ст. и ред. А.Н. Долгих.* Липецк, 2002.
- ⁴⁴ См.: *Воронцов А.Р.* Заметки о моей жизни и различных событиях, совершившихся в течение этого времени как в России, так и в Европе // *Русский архив.* 1883. № 2.

-
- ⁴⁵ См.: *Державин Г.Р.* Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Записки, 1745–1812: полный текст. М., 2000.
- ⁴⁶ См.: *Дмитриев И.И.* Сочинения / Сост. и коммент. А.М. Пескова и И.З. Сурат. М., 1986; *он же.* Взгляд на мою жизнь // Русские мемуары: Избранные страницы. XVIII век. М., 1988.
- ⁴⁷ См.: *Мордвинова Н.Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. Записки дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990.
- ⁴⁸ См.: *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001.
- ⁴⁹ *Чарторижский А.* Мемуары. М., 1998.
- ⁵⁰ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: В 2 т. М., 1913.
- ⁵¹ См.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. СПб., 1806; *Бентам И.* Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении: В 3 т. СПб., 1805; *Кант И.* Критика практического разума. СПб., 1995; О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995; Антология мировой либеральной мысли. М., 2000; Антология мировой политической мысли: Т.1.: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

Глава I.

Социокультурная среда формирования либерально-консервативной системы ценностей в сознании представителей правительственной элиты России первой четверти XIX века

§ 1. Детские и юношеские годы: факторы первичной социализации

Либерализм, как система ценностных ориентиров, неразрывно связан с особым способом мировосприятия, привычными критериями оценки того или иного явления, определенной суммой знаний и представлений о себе и других людях. Данное обстоятельство обуславливает положение, при котором исследование механизма рецепции либеральных ценностей невозможно без изучения процесса освоения каждой конкретной личностью всего многообразия ежедневно окружающих ее культурных и социальных взаимосвязей. Хронологически этот процесс не совпадал с формальными рамками нахождения дворянина на государственной службе, а охватывал более продолжительный период жизни: с того момента, когда он впервые осознал необходимость соблюдать общепринятые в ближайшем окружении правила поведения и осознанно проявил интерес к причинам их существования, и до конца его жизни.

В общем виде, процесс освоения человеком всего спектра социокультурных взаимосвязей сопровождался расширением «видимых горизонтов», увеличением объема доступной информации, знакомством с мнением окружающих его людей и выработкой собственной позиции по наиболее актуальным, с точки зрения представителя своей социальной группы, проблемам. Протяженность во времени и многовекторность воздействий на индивида извне задает соответствующий алгоритм изучения особенностей восприятия либерализма в России, которые, на мой взгляд, можно выявить только при последовательном рассмотрении всех этапов формирования мировоззрения адептов либеральных ценностей. Тщательное сопоставление биографических данных, отражающих множество вариантов социализации дворянина, позволит понять общий интеллекту-

ально-эмоциональный фон восприятия либерализма в правительственных кругах России первой четверти XIX в.

Первичная самоидентификация будущих членов правительственной элиты России, формирование у них представлений о своем месте, и месте своего ближайшего окружения, проходила в 60–80 гг. XVIII в. в родительской семье. Неосознанно удовлетворяя имманентно присущую каждому человеку ориентационную потребность, проявляющуюся в стремлении индивида знать, на какой ступени социальной лестницы он находится, в каком направлении и каким образом он может проявить свое «я», не нарушив при этом общепризнанных в рамках своей социальной группы «границ приличия», ребенок усваивал привычные в дворянской среде образцы поведения, нормы и стереотипы.

С первых лет жизни особое значение имел характер внутрисемейных отношений: отношения родителей между собой и отношения между взрослыми и детьми были первым примером для подражания, и задавали определенные правила поведения, которых ребенок вынужден был придерживаться. Во второй половине XVIII в. внутрисемейные отношения строились на принципах иерархизма и покровительства, на всесии главы семьи, зависимости функций, прав и обязанностей каждого члена семьи от его пола и возраста, на приоритете общесемейных интересов над индивидуальными. В дворянских семьях того времени беспрекословное подчинение жен мужьям и детей родителям признавалось незыблемой основой общественного порядка¹.

Существование иерархии в повседневной жизни дворянской семьи воспринималось детьми как само собой разумеющаяся норма, в соответствии с которой они обязаны были проявлять сверхпочтение к родителям во всем, – от обязательного обращения к родителям на «Вы», даже в узком семейном кругу, – до публичного целования рук в знак благодарности за что-либо². Ярким примером существования авторитарно-патерналистского стиля взаимоотношений между детьми и родителями, который был типичным для большинства дворянских семей, являются воспоминания Е. П. Янковой (1768–1861) о своем детстве: «В то время дети не бывали при родителях неотлучно, как теперь, и не смели прийти, когда вздумается, а приходили поутру поздороваться, к обеду, к чаю и к ужину или когда позовут за чем-нибудь. [...] Мы наших родителей боялись, любили и почитали. В наше время никому и в мысль не приходило,

чтобы можно было послушаться отца или мать и беспрекословно не исполнить, что приказано»³.

Практически все представители дворянской элиты первой четверти XIX в. первоначально получили традиционное для дворянской среды домашнее образование, стиль и методы которого не выстраивались специально в соответствии с какой-либо педагогической системой. В процессе обучения и учителя, и родители ориентировались на широко распространенный идеал молодого образованного дворянина: он должен был уметь не только читать, писать и свободно говорить на русском и обязательно на каком-либо иностранном языке, но должен был к моменту «выхода в свет» быть способен проанализировать современное положение, высказать свое личное мнение по основным политическим, экономическим и этическим проблемам.

Высокий уровень требовательности к дворянским детям, задаваемый ориентацией родителей на воспроизводство традиционных норм поведения представителя «благородного сословия», определялся, прежде всего, тем, что общественная оценка уровня воспитанности и образованности ребенка имела большое значение для поддержания внутрисословного статуса семьи, ведь по тому, насколько соответствовал, указанному выше идеалу образованного молодого человека, отпрыск той или иной семьи, судили о «просвещенности» рода в целом.

Домашнее обучение под руководством специально приглашенных гувернеров, как правило, начиналось в возрасте 5–7 лет. При этом родители не жалели ни денежных средств на обучение, ни времени на поиск хорошо зарекомендовавших себя учителей. Косвенным подтверждением внимательного отношения к выбору наставников может служить тот факт, что Н. С. Мордвинов лично участвовал в поиске гувернера для своих внуков, не доверяя этого очень важного, по его мнению, дела даже их родителям⁴. Однако после утверждения кандидатуры гувернера роль родителей в процессе обучения была минимальна: они контролировали периодичность и продолжительность занятий, вмешиваясь в учебный процесс лишь в исключительных случаях. Данное обстоятельство, на мой взгляд, оказало большое влияние на процесс адаптации либеральных ценностей. Позднее, находясь на вершине бюрократической пирамиды, такой, патерналистский по своей сути, стиль управления был взят в качестве образца взаимоотношений между государством и личностью, где лич-

ность, обладая неотчуждаемыми «естественными правами», в целях защиты ее собственных интересов, а так же для сохранения социального компромисса и обеспечения прогрессивного развития всего общества, может и должна быть окружена заботой со стороны государства.

Одновременно с признанием иерархичности внутрисемейных отношений, осознанием необходимости соблюдать, диктуемые взрослыми правила поведения, в родительском доме происходило первичное знакомство с ключевыми для самоидентификации дворянина категориями «честь», «долг», «достоинство». Постепенно в сознании ребенка складывался идеальный образ дворянина: ему надлежало быть честным, смелым, образованным, и не потому что все эти качества помогут достичь карьерного роста, а исходя из одной только принадлежности к «благородному сословию».

Соответствовать данному образу предписывали и усваиваемые с детства нормы христианской морали⁵, задававшие близкие дворянскому понятию о чести модели поведения. В идеале христианин, также как и любой представитель благородного дворянского сословия, – внутренне целостная личность, в действиях, оценках, суждениях, и даже в помыслах которой не должно быть принципиальных противоречий⁶. Умышленная ложь, предательство, невыполнение данных ранее обязательств, внезапная и неаргументированная смена высказанной публично позиции, считались недостойными действиями, как с точки зрения христианской морали, так и, исходя из распространенных в дворянской среде стереотипов поведения. В этих условиях дворянин с детства должен был выработать привычку к самоконтролю, научиться сопоставлять возможные последствия своих действий с общепринятыми в рамках своей социальной группы морально-этическими нормами.

Именно поэтому в дальнейшем, многие представители дворянской элиты, разъясняя мотивы своих поступков, или, аргументируя свою позицию по тому или иному вопросу, достаточно часто оперировали морально-этическими категориями. Показательным примером в данном контексте являются мемуары и письма князя А. Чарторижского Александру I, где он смело критиковал деятельность императора, объясняя свой, подчас очень резкий тон, так: «Мне недостаточно быть чистым, прямым и честным в моих поступках, я хочу быть таковым и в моих чувствах, даже в помыслах.

Для меня главное – сохранить уважение к самому себе, во-вторых, сохранить к себе уважение тех, кого я привык любить и почитать»⁷.

Не менее важным фактором складывания идеального образа дворянина было чтение. Влияние книжной культуры на сознание ребенка определялось, прежде всего, тем, что в доме каждого уважающего себя дворянина второй половины XVIII в. имелась достаточно обширная библиотека, включавшая в себя сочинения самого разного происхождения и жанра. Там можно было найти модные европейские романы, исторические сочинения, государственные акты, официальные бумаги, письма. Например, домашнее собрание книг графа С. К. Вязмитинова, которое не считалось очень большим в кругах высшего слоя дворянства, насчитывало около 600 наименований печатных и рукописных книг⁸. Большая часть этой библиотеки состояла из художественных произведений отечественных и зарубежных авторов. Заметное место занимали исторические сочинения, труды известных европейских мыслителей, книги духовного содержания, а так же издания, посвященные театру, живописи и т. д. В некоторых дворянских домах библиотеки были настолько обширны, что владельцам приходилось разделять их на части и хранить в разных комнатах.

Первое знакомство дворянских детей с содержанием домашних собраний начиналось с чтения сказок и романов. Так, например, по свидетельству И. И. Дмитриева, он уже в возрасте 10–12 лет с большим интересом читал «Тысячу и одну ночь», «Шутливые повести Скаррона», «Похождения Робинзона Крузо», приключения «Жильбаса де Сантилана» и т. п.⁹. Читая модные европейские романы или исторические сочинения, рассказывавшие о «великих людях», ребенок погружался в мир героев, которым хотелось подражать: «Я всегда пленялся добрыми примерами, – писал о своих детских впечатлениях после прочтения романов И. И. Дмитриев, – и охотно желал им следовать»¹⁰. Литературные образы героев постепенно вселяли уверенность в том, что люди живут для того, чтобы их имена были вписаны в историю, и, одновременно, порождали желание действовать во имя достижения каких-либо «великих целей». В последствии, благодаря чтению трудов либеральных европейских мыслителей, подобная цель приобретала более конкретные очертания и была неразрывно связана с такими понятиями как «общественное благо» и «естественные права» личности на свободу, собственность и безопасность.

Наряду с формированием в сознании ребенка идеальных образов дворянина, родительский дом был важен еще и как место его первичной социализации. В родительском доме, постепенно осваивая «мир взрослых», ребенок внимательно следил за тем, как они себя вели не только с ближайшими родственниками, но и с теми людьми, которыми приходили на званые обеды, вечера, балы и т. д. Нередко дети с интересом прислушивались к беседам гостей об искусстве, литературе, политике и военных подвигах¹¹. Из них составляли они первое представление о внутрисословном статусе своей семьи, впервые могли видеть примеры межличностных взаимоотношений внутри дворянского сословия. Чаще всего, интерес к внутрисословному статусу рода зарождался в возрасте 7–8 лет, когда в соответствии с действующим законодательством всех мальчиков дворянского происхождения привозили «на смотр» к главному герольдмейстеру в Петербург, или к местному губернатору, в том случае, если ребенок постоянно проживал вне российской столицы. Таким образом подтверждался факт рождения дворянина и производилась его регистрация в специальных дворянских книгах, запись в которых могла быть сделана только на основании документов, подтверждающих дворянское происхождение ребенка. Повторная регистрация проходила в возрасте 16 лет с обязательным представлением в герольдию или Сенат¹². В результате подобных «смотров» дворянин осознавал значимость своего происхождения и получал моральное право причислять себя к одному из известных родов «благородного сословия» России. Будущий министр юстиции Г. Р. Державин, например, вспоминая свое первое посещение губернатора, не без гордости писал о том, что его родословная восходит к древнему роду Багримы-Мурзы, выехавшего в XV в. из «Золотой Орды», и перешедшего на русскую службу в годы правления Ивана Васильевича Темного¹³.

Для многих представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в. значимость происхождения была обусловлена древностью рода, т. к. большинство из них принадлежали к известным с XIII–XVII вв. дворянским родам (см. приложение 2). Так, например, Н. Н. Новосильцев происходил из древнего дворянского рода второй половины XIV в.; братья С. П. Румянцев и Н. П. Румянцев – вели свою родословную с конца XIV в.; А. Б. Куракин был потомком известного литовского княжеского рода, восходящего своими корнями к ветви Гедиминовичей и служившего московским царям с первой половины XVI в.; Н. С. Морд-

винов был выходцем из дворянского рода татарского происхождения, который состоял на русской службе с середины XVI в., а В. П. Кочубей принадлежал к известному малороссийскому дворянскому роду второй половины XVII в. В целом, из 42 человек, данные по которым удалось найти, – 4,7 % вели свою родословную с первой половины XIII в.; 11,9 % – со второй половины XIV в.; 16,6 % – со второй половины XV в.; 21,4 % с XVI в.; 21,4 % – с XVII в.; 2,3 % – с первой четверти XVIII в.; обрусевшие иностранцы – 21,4 %.

Древность рода как критерий для самоидентификации в рамках дворянского сословия являлась чрезвычайно важным показателем не только заслуг предшествовавших поколений, но и наличия у представителя данного рода соответствующего его статусу понимания дворянской чести и достоинства. В наиболее отчетливой форме значимость статуса потомственного дворянина отражена в критических замечаниях графа П. А. Строгонова, высказанных им на одном из заседаний Негласного комитета. Описывая личностные качества людей, получивших дворянское достоинство за службу, он дал жесткую негативную оценку: «Что такое наше дворянство? Дворянство составилось у нас из множества людей, сделавшихся дворянами только службою, не получивших никакого воспитания, которых все мысли направлены к тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора... Это сословие самое невежественное, самое ничтожное...»¹⁴.

Взрослея, дворянин узнавал еще один очень важный критерий оценки внутрисословного статуса своей семьи – наличие недвижимой собственности и количество крепостных крестьян. Последний признак был чрезвычайно важен, ведь во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. основным показателем материальной состоятельности дворянина считался не размер принадлежащей ему собственности, а количество подвластных крепостных крестьян. Обладание крепостными было тем признаком, который отделял родовое дворянство не только от всех свободных «состояний» Российской империи, но даже и от тех представителей своего же сословия, кто получил за службу лишь личное дворянское достоинство и не имел права покупать крестьян.

Современники достаточно четко разделяли дворян-собственников на три основные группы: мелкопоместные дворяне, обладавшие не более чем 20 крепостными, среднепоместные, владевшие от 20 до 100 «душа-

ми мужского пола», и крупнопоместные дворяне, которые имели в своем полном распоряжении от 100 до 500 и более крепостных крестьян¹⁵. На практике особый статус земле- и душевладельца был дополнительной гарантией стабильной платежеспособности дворянина: количество крепостных крестьян прямо влияло на размер банковской ссуды, предоставляемой дворянину под залог собственного имени¹⁶. Более того, количество крепостных было не только важным показателем финансовой состоятельности той или иной дворянской семьи, но и оказывало непосредственное влияние на объем и характер отдельных привилегий. Так, правом активного участия в голосовании при вынесении каких-либо важных решений в губернских дворянских собраниях имели только собственники, обладавшие более 100 крестьянскими душами мужского пола¹⁷. Нередко количество крепостных крестьян становилось своеобразным критерием для зачисления молодого дворянина на службу в гвардейские части, коллегии или в Сенат¹⁸.

На фоне указанного выше деления внутрисословный статус будущих представителей правительственной элиты России был достаточно высок. Все они, за исключением лишь, пожалуй, М. М. Сперанского, обладали в среднем от 500 до 10000 крепостными крестьянами. При этом особенно важным для становления мировоззрения обстоятельством было то, что значительная часть собственности, как показал проведенный нами анализ (см. приложение 3), была получена ими по наследству и с детства воспринималась как естественная и неотчуждаемая собственность рода. Например, родовое имение будущего министра финансов Д. А. Гурьева (1810–1823) насчитывало 1300 душ крепостных крестьян; министр морских сил, председатель Департамента Государственной экономии, а также Департамента Гражданских и духовных дел Государственного Совета Н. С. Мордвинов первоначально обладал не менее 1000 душ крепостных крестьян; министр народного просвещения П. В. Завадовский (1802–1810) получил по наследству около 18000 крепостных; министр внутренних дел (1802–1807, 1819–1823) В. П. Кочубей унаследовал от родителей 6746 крепостных крестьян; О. П. Козодавлев еще до назначения его министром внутренних дел (1810–1819) обладал родовой собственностью в 5245 душ мужского пола; министр коммерции (1802–1810) и министр иностранных дел (1807–1814) Н. П. Румянцев был собственником около 30000 крепостных крестьян¹⁹.

Обладание крупной недвижимой собственностью и крепостными крестьянами оказывало двойственное воздействие на сознание дворянина. С одной стороны, он с детства осознавал, что собственность – это основа благосостояния рода, которую необходимо беречь и приумножать для того, чтобы передать ее своим будущим детям. На протяжении всей жизни именно собственность оставалась основным источником доходов, даже на фоне достаточно высокого жалованья высших государственных чиновников. В зависимости от количества крепостных крестьян, среднегодовой оброк с каждого из которых в 1780-е гг. составлял от 5 до 8 р.,²⁰ доход представителей исследуемой социальной страты, предположительно, мог быть от 5000 до 50000 р. ежегодно. С другой стороны, уже с детских лет, являясь пока всего лишь номинальным собственником родового имени, дворянин имел возможность общения как с дворовыми людьми, так и с крепостными крестьянами и мог своими глазами увидеть контраст между поведением, стилем общения, уровнем «просвещенности» дворянина в лице своих родителей или их друзей, и привычками «невежественного» крестьянина. В дальнейшем, полученные таким образом впечатления легли в основу стремления внимательно присмотреться к крестьянину, понять, что от него следует ожидать, и как он может отреагировать на попытки правительства разработать оптимальный для всех заинтересованных сторон проект отмены крепостного права.

Процесс освоения окружающей действительности продолжался и вне стен родного дома. Важным этапом в становлении мировоззрения дворянина было его пребывание в учебных заведениях самого разного типа и профиля: от частных пансионов, инженерных и артиллеристских училищ, кадетских корпусов, гимназий и иезуитских училищ, до российских и европейских университетов (см. приложение 4). Лишь 14 человек из 43, данные об этапах обучения которых удалось найти, получили только домашнее образование. Остальные 29 человек (67,4 %) продолжили свое обучение: из них 14 получили среднее образование, а 15 – высшее.

В учебных заведениях первой ступени, к которым относились частные пансионы, школы, гимназии, училища и т. д., изучали латинский, французский и немецкий язык, русское правописание, историю, арифметику, геометрию, географию, музыку, танцы, рисование, фехтование²¹. Во всех подобных заведениях, параллельно с изучением содержания преподаваемых предметов, преследовалась и более важная цель – подготовить

ребенка к будущей службе по гражданской или военной части, дать ему четкое представление о существовавших тогда правилах субординации и нормах поведения в обществе. В процессе обучения учителя, ориентируясь на достижение такого рода целей, использовали различные методы. Нередко практиковалось жесткое обращение с учащимися, которые в случае невыполнения ими каких-либо предписаний учителя наказывались. Такой жесткий стиль обучения, по свидетельству Г. Р. Державина, был нормой в частном пансионе господина И. Розе. О своем обучении там будущий министр юстиции писал: «Сей наставник... наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно»²². На фоне порядков данного частного пансиона дальнейшее обучение в Казанской гимназии, где, как писал Гаврила Романович, «...учителя более всего старались, чтоб научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике и быть очень обходительным, заставляя сказывать на кафедрах сочиненные учителем и выученные наизусть речи...»,²³ казалось ему более разумным и эффективным.

В ряде других частных пансионов и гимназий высокий уровень требовательности к ребенку сочетался с поощрением личной инициативы учащегося. Так, И. И. Дмитриев, вспоминая обучение в частном пансионе господина Кобрита, писал: «Кобрит был очень мил в обращении с нами: во время уроков часто давал нам отдыхать, позволяя предлагать ему вопросы, всегда охотно отвечал на них, и сообщал между тем какие-либо полезные сведения он объяснял нам обязанности чинов, рассказывал иногда военные анекдоты и знакомил нас с отличными того времени полководцами»²⁴. Удовлетворяя свое любопытство, учащиеся могли задавать самые разные вопросы. В результате, круг получаемой в ходе занятий информации был более широк, нежели это предусматривалось рамками изучаемых дисциплин.

Таким образом, в процессе домашнего воспитания и пребывания в различных учебных заведениях дворянин к моменту достижения им 15–16 лет усваивал циркулирующие в кругах российского дворянства стереотипы и получал необходимые для поступления на службу знания. В большинстве случаев вся воспринимаемая в этом возрасте информация ориентировала его на воспроизведение традиционных норм.

Активное усвоение элементов новой европейской культуры происходило чуть позднее, в возрасте 18–22 лет в процессе получения высшего образования. Ведь многие из тех, кто в последствии станет сенаторами, министрами, председателями различных департаментов Государственного Совета в юношеские годы обучались в ведущих европейских университетах: Б. Б. Кампенгаузен был «вольнослушателем» в Лейпцигском, Виттенбергском, Геттингенском и Стольгольмском университетах; Е. Ф. Канкрин проучился несколько лет в Гессенском университете, а затем завершил свое образование в Магдебургском университете; В. П. Кочубей слушал лекции в Женевском, Упсальском и Лондонском университетах; А. Б. Куракин обучался в Лейденском университете; О. П. Козодавлев – в Лейпцигском университете; К. В. Нессельроде прослушал курс публичного права в Берлинской военной академии; Н. Н. Новосильцев посещал лекции в Лондонском университете; братья С. П. Румянцев и Н. П. Румянцев завершили свое образование в Лейденском университете; А. К. Разумовский и А. Н. Оленин были студентами Страсбургского университета; и др.²⁵.

Именно в эти годы впервые происходило знакомство с Европой не только по книгам М. Вольтера, Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо, П. Гольбаха, К. Гельвеция, Г. Рейналя, Ш. Монтескье и многих других авторов, сочинения которых легко можно было найти в домашних библиотеках, и не по рассказам учителей-иностранцев, а еще и лично, ежедневно сравнивая нравы, традиции и обычаи европейцев с тем, к чему они привыкли у себя на родине. Прожив в Европе несколько лет, многие российские студенты и «вольнослушатели» по возвращении домой замечали культурные отличия России и тех европейских стран, где они побывали, а так же отмечали несовпадение темпов развития по целому ряду социально-экономических показателей.

Параллельно с приобретением личного опыта жизни в Европе российские студенты достаточно подробно познакомились с теоретическими конструктами европейских мыслителей. Содержательно большинство российских студентов и «вольнослушателей», выбирая наиболее интересные для себя дисциплины, останавливались на курсах юридических или философских наук. Их изучение давало возможность познакомиться с историей и взглядами современных ученых практически по всему спектру, существовавших тогда общественных дисциплин. Дело в том, что во вто-

рой половине XVIII в. многие науки, изучающие общество, такие как право, философия и политическая экономия объединялись под общим названием «юриспруденция». Формально они могли разделяться на две предметные области: «естественное право» или «нравственная философия», и собственно юридические науки, включающие в себя «римское право», законодательство и судопроизводство современных государств²⁶.

В процессе знакомства с лучшими образцами французского и немецкого просвещения, теоретическими постулатами английской школы политической экономии А. Смита в сознании будущих членов Государственного Совета складывалась идеальная модель общественного устройства, в соответствии с которой свободная личность с рождения обладает стремлением к счастью, и в условиях «естественного» конкурентного соревнования может стать главной движущей силой развития по пути к «общественному процветанию». В данном контексте обучение за границей было одним из наиболее действенных факторов складывания лично ориентированной системы ценностей.

Однако усвоение модных теоретических схем происходило не только в аудиториях ведущих европейских университетов. Не менее сильное влияние на мировоззрение оказывали и неформальные способы знакомства с либеральными принципами свободы личности, неприкосновенности частной собственности и верховенства закона.

Яркий пример существования альтернативных вариантов усвоения основных постулатов европейской экономической и социально-политической мысли последней трети XVIII - начала XIX вв. – детские и юношеские годы Н. С. Мордвинова. Родившись 17 апреля 1754 г., он до восьми лет воспитывался дома, а после восшествия на престол Екатерины II был взят ко двору для воспитания вместе с Великим князем Павлом Петровичем. В двенадцать лет он был зачислен в морской кадетский корпус и отправился в свой первый морской поход. Через два года был произведен в мичманы, а еще через три – назначен адъютантом к известному генералу Ноуэльсу, командующему Дунайской флотилией в войне с Турцией 1768–1774 гг. По окончании военных действий Николай Семенович по распоряжению Великого князя Павла Петровича для «усовершенствования в морских делах» был отправлен на три года за границу. За это время он побывал в США и Англии, где впервые познакомился со знаменитым сочинением А. Смита «Исследование о природе и причинах бо-

гатств народов». В дальнейшем, он скрупулезно изучал труды многих европейских мыслителей и «...внимательно следил за всеми политическими действиями в Европе»²⁷. Таким образом, уже в возрасте 20–25 лет у него сформировалось перманентное желание к самообразованию, которое, по свидетельству его дочери Н. Н. Мордвиновой, не уменьшилось на протяжении всей его жизни. Вспоминая привычки отца, она пишет: «Все свои познания он приобрел сам, без помощи учителей. Все, что он читал оставалось у него в памяти потому, что он делал свои замечания и выписки обо всех полученных предметах и продолжал это всю свою жизнь»²⁸.

Интерес к трудам европейских экономистов и философов заметно усилился с момента привлечения Н. С. Мордвинова к работе в Государственном Совете. С этого времени осмысление европейских теоретических схем приобрело вполне определенную практическую направленность: все они рассматривались в качестве основы для выработки эффективных рецептов оздоровления российской социально-экономической системы. В ряде случаев размышления над проблемой применимости основных либеральных принципов в России сопровождались установлением личных контактов с европейскими философами и экономистами: Н. С. Мордвинов на протяжении многих лет переписывался с И. Бентамом, Ш. - Л. Сисмонди, М. Джойем²⁹; с И. Бентамом были лично знакомы также А. Чарторыйский, Н. И. Салтыков и М. М. Сперанский; братья С. Р. Воронцов и А. Р. Воронцов, С. П. Румянцев и Н. П. Румянцев в юношеские годы встречались с М. Вольтером, а чуть позднее были в дружеских отношениях с одним из наиболее последовательных сторонников экономической теории А. Смита А. К. Шторхом, который по приглашению Н. П. Румянцева в 1796 г. прибыл в Россию и прожил в нашей стране несколько лет.

Все изложенные выше способы знакомства с достижениями европейской экономической и философской мысли способствовали формированию особого отношения к знанию и науке как высшей культурной ценности, способной оказывать влияние на темп и направление общественного развития. В данном контексте неоднократно подчеркивалась, что ожидать позитивные результаты любых преобразований в России можно только тогда, когда «... места наполнятся людьми честными и просвещенными»³⁰. Одним из отдаленных проявлений подобного отношения к «знанию» вообще, и европейской науке в частности, является

проект учреждения министерства Народного Просвещения, представленный графом А. К. Разумовским. В нем бывший выпускник Страсбургского университета в качестве одного из методов интенсификации экономики и разрешения ряда социально-политических проблем предлагал «...посылать академических и университетских студентов, магистров и других людей к ученым и учебным заведениям принадлежащим путешествовать как по России, так и в чужие края...», а так же «...приглашать из чужих краев ученых людей, художников и врачей»³¹. Именно образование, по мнению большинства будущих представителей правительственной элиты России, оказывало огромное влияние на самосознание человека, его способность правильно определить свое место в обществе и понять сложность разрешения актуальных социально-экономических проблем.

§ 2. Культурные нормы внутри- и межсословных взаимодействий

После завершения образования начинался новый период в жизни дворянина – выход на действительную службу. Как правило, первые ступени служебной лестницы будущие члены Государственного Совета преодолевали в армии, а затем переходили на гражданскую службу. При этом с самого начала своей карьеры они знали, что для успешного продвижения по службе необходимо негласное покровительство сверху, которое можно было ожидать либо от какого-нибудь высокопоставленного родственника, либо от друзей семьи. Наличие у соискателя лучшего «места» рекомендательного письма давало возможность не только получить желанную должность, но и успешно «выйти в свет», где отношение к молодому дворянину во многом зависело от положения его родителей и влиятельности покровителя. С первых лет пребывания на действительной службе Г. Р. Державин, например, отчетливо осознавал, необходимость в покровителях, которые, по его словам, были у большинства его товарищей³². Таким образом, в процессе освоения новых «правил игры» в сознании дворянина приобретали более конкретные очертания и уточнялись уже известные ему с детства понятия «забота» и «покровительство». Позднее, находясь на вершине бюрократической пирамиды, они неодно-

кратно воспроизводили усвоенные в юности нормы, и сами выступали в роли покровителей.

На воспроизводство традиционных стереотипов поведения дворянина ориентировало все, что было связано со службой, вне зависимости от того находился ли он на своем рабочем месте или присутствовал на званом обеде, – везде он должен был придерживаться, диктуемых традицией правил поведения, главным из которых было строгое соблюдение субординации³³. О существовании внутрисословной иерархии напоминало многое – от различий в обращении, форменной одежде и количестве лошадей, выдаваемых на почтовых станциях (12 для чиновников первых трех рангов и 1–2 для титулярных советников), – до порядка распределения лучших мест в театре³⁴ и правил оформления писем. Так, нижестоящий должен был кроме фамилии всегда указывать еще и свой чин, а дату отправления всегда писать внизу листа, в то время как чиновник, стоящий хотя бы на одну ступень выше, мог писать только свою фамилию, а дату указывал в верхней части листа.

Иерархичность отношений внутри дворянского сословия задавала особую модель поведения. Каждый стремился заслужить признания в глазах начальства и добиться безусловного уважения со стороны подчиненных: «...знакомства и ласки основаны по большей части на расчетах своекорыстия, – с сожалением писал И. И. Дмитриев о первых годах пребывания на статской службе, – эгоизм господствует во всей силе; образ обхождения непременно изменяется наравне с положением каждого; нет искренности в ответах: ловят, помнят и передают каждое слово»³⁵. В этих условиях дворянин должен был быть сдержан и терпелив, ведь от этого во многом зависело насколько благоприятно будут складываться взаимоотношения с другими представителями дворянского сословия.

Однако, наличие иерархичности в отношениях воспитывало у будущих членов правительственной элиты не только привычку соотносить свое поведение с общепринятыми нормами, но и способствовало укреплению чувства собственного достоинства. Дело в том, что в качестве универсальных критериев оценки, которые четко определяли внутрисословный статус дворянина, рассматривался «чин» и «титул». Такая система координат позволяла многим будущим членам Государственного Совета еще до восшествия на престол молодого императора Александра I причислять себя к дворянской элите: 46,6 % из них имели наследственный

титул князя, графа или барона, а еще 26,5 % получили свой титул в качестве награды за службу в царствование Екатерины II или Павла I (см. приложение 5). Данное обстоятельство в условиях заметного увеличения доли нетитулованного дворянства, которая в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. достигла 44–45 %³⁶, значительно повышало самооценку дворянина. На этом фоне древность рода и наличие наследственного титула у многих представителей исследуемой социальной группы способствовало формированию уверенности в наличии у них морального права помогать императору управлять страной.

Не менее сильное воздействие на процесс вызревания высокой самооценки возможностей оказывало и особое положение в чиновничьей иерархии. О значении чина в России того времени известный европейский мыслитель Жозеф де Местр, проживший в России четырнадцать лет, 23 января 1817 г. писал: «Когда имеешь важные дела в России нужно всегда помнить о чине, чине и чине³⁷, и никогда не терять его из виду»³⁸. По данному параметру большинство будущих членов Государственного Совета так же имели достаточные основания причислять себя к дворянской элите: 37 из 44 человек, начав действительную службу в 1770–1780 гг., к 1801 г. достигли чина действительного статского советника, тайного советника или действительного тайного советника (см. приложение 6).

С восшествием на престол Российской империи Александра I и созданием Государственного Совета, наличие титула и высокого чина было дополнено еще одним важным для самосознания дворянина обстоятельством. С этого времени в соответствии с «Указом Правительствующему Сенату 30 марта 1801 г.» и «Наказом Совету от 5 апреля 1801 г.» многие представители интересующей нас социальной группы были официально приглашены в Совет для «...рассмотрения и уважения государственных дел и постановлений»³⁹. Немного позднее, с осени 1802 г. некоторые из них были назначены министрами или товарищами министра. В большинстве случаев подобное приглашение на службу в новые государственные структуры, олицетворявшие собой начало движения к «просвещенной монархии» и «общественному благополучию», воспринималось дворянином как признание верховной властью всех прежних его заслуг и наличия у него всех необходимых государственному деятелю способностей и талантов. Такое внимание со стороны верховной власти значительно повышало личную самооценку возможностей дворянина.

Параллельно с укреплением самооценки, участие в работе высших государственных учреждений формировало представление о содержании и оптимальных методах проведения реформ. При этом взгляд и расстановка акцентов по наиболее актуальным проблемам в значительной степени определялись теперь тем, что с момента вхождения в Совет был получен доступ к самой разнообразной информации, объем и содержание которой позволяли составить более или менее полное представление о положении в стране. Многогранность информации, как правило, была обусловлена совмещением работы в различных подразделениях Государственного Совета. Анализ послужных списков членов Государственного Совета позволяет предположить, что совмещение должности министра, председателя департамента с членством в каком-нибудь из многочисленных особых комитетов и комиссий, работавших при Государственном Совете на постоянной или временной основе, было достаточно распространено и считалось почти нормой.

Ярким подтверждением такого положения являются формулярные списки таких видных государственных деятелей александровского царствования, как В. П. Кочубей,⁴⁰ П. В. Лопухин,⁴¹ Н. С. Мордвинов,⁴² Д. А. Гурьев⁴³. Так, например, В. П. Кочубей с декабря 1801 г. входил в состав Непременного Совета, а с сентября 1802 г. по ноябрь 1807 г. был министром внутренних дел, и одновременно председателем «Комитета для составления положения о лифляндских и эстонских крестьянах» (с 1803 г.), членом «Комитета для совещания по делам сохранения всеобщего спокойствия и тишины граждан и облегчения народного продовольствия на время отсутствия императора в столице» (с 1805 г.) и «Комитета охранения общественной безопасности», созданного по распоряжению императора 13 января 1807 г. С 1809 г. Виктор Павлович был назначен председателем «Комитета для изыскания средств к восстановлению равновесия в бюджете», а сначала 1810 г. и до конца службы, участвовал в работе Государственного Совета на разных должностях: с января по март 1812 г. – в качестве председателя Департамента законов Государственного Совета, с января 1816 г. по ноябрь 1819 г. – совмещал председательство в Департаменте Законов и Департаменте Гражданских и духовных дел. В 1819 г. он был вновь назначен министром внутренних дел и находился в этой должности до 1823 г. Параллельно с 1820 г. В. П. Кочубей участвовал в работе целого ряда особых комитетов: «Осо-

бий комитет по азиатским делам», «Комитет Финансов», «Комитет для рассмотрения различных предложений касательно улучшений в государственном устройстве», «Комитета для расследования злоупотреблений по флоту», «Комитета по усовершенствованию земледелия в России» и др. В итоге, В. П. Кочубей, как и многие другие члены Государственного Совета, обладал информацией по достаточно широкому кругу проблем: от вопросов, связанных с противодействием заговорам против верховной власти⁴⁴ и разработкой различных проектов административных преобразований, до поиска приемлемых вариантов отмены «рабства крестьян» и способов финансовой стабилизации.

Кроме указанных выше факторов, повышению самооценки возможностей способствовали сложившиеся в первые десятилетия XIX в. взаимоотношения правительства и образованной части российского общества. По свидетельству современников, первая половина царствования Александра I была ознаменована ростом оптимистических ожиданий, основанных на уверенности в том, что новое руководство страны способно эффективно и безболезненно решить ряд социально-экономических проблем. Об отношении к правительственным кругам статс-секретарь Государственного Совета, и одновременно, член «Союза благоденствия», Н. И. Тургенев писал: «Русское правительство пользовалось в обществе почти безграничным доверием, ибо полагали, что оно искренне поощряет спасительные реформы, и основатели общества всерьез обсуждали, не стоит ли обратиться к правительству за поддержкой»⁴⁵. Правительство пользовалось доверием даже среди тех проевропейски настроенных общественных деятелей, которые, указывая на отставание России от развитых стран, считали сотрудничество с правительством более продуктивным методом достижения своих целей, нежели жесткое противостояние властям. По словам Н. И. Тургенева, некоторые члены тайных обществ «...пытались побудить нас принять за правило соискание членами общества государственных должностей, дабы, занимая влиятельные посты, они могли действовать с большей плодотворностью»⁴⁶. Примерно такое же настроение было распространено во многих литературных салонах и обществах. В 1817–1820 гг. П. А. Вяземский на одном из заседаний общественного литературного кружка «Арзамасское братство» предложил создать новое «дружеское объединение» под председательством министра внутренних дел для выработки оптимальных подходов к разрешению

крепостного вопроса, а так же с целью создания совместного журнала, с помощью которого правительство и образованная часть общества могла бы «просвещать» народ⁴⁷.

Распространенные в обществе настроения были хорошо известны в правительственных кругах России. Более того, некоторые министры и члены Государственного Совета были активными участниками дискуссий в различных «вольных обществах», литературных салонах и кружках⁴⁸. Так, например, с 1803 г. по приглашению адмирала Н. С. Мордвинова в его доме иногда собирался литературный салон жены А. Н. Оленина, на заседания которого приходили Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский и др.⁴⁹. В доме Н. П. Румянцева устраивались публичные чтения отдельных глав «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, после чего Николай Петрович предложил автору 50 т. р. на издание данного исторического сочинения⁵⁰. Еще одной точкой соприкосновения правительственной элиты и образованного российского дворянства было общество «Беседа любителей русского слова», часто проводившее свои вечера у Г. Р. Державина. Эти собрания нередко посещали Н. С. Мордвинов, И. И. Дмитриев, М. М. Сперанский.

Существование в кругах образованной российской публики оптимистических ожиданий, переплетаясь со знакомыми с детства категориями «долг», «честь», «служение Отечеству», способствовали складыванию в сознании членов Государственного Совета новой мотивации служебной деятельности. В основании этого процесса лежали два взаимосвязанных друг с другом обстоятельства. С одной стороны, огромный интерес к правительству стимулировал у высокопоставленного дворянина стремление проявить себя лучшим образом, и не с помощью «выслуживания» внешних атрибутов в виде наград или каких-либо иных знаков внимания верховной власти, а заслужив признание обществом конкретных результатов своей деятельности. Ведь с момента вступления в должность сенатора, министра, председателя Департамента Государственного Совета и т. д., дворянин оказывался в центре общественного внимания и отчетливо понимал, что каждое его действие оценивалось современниками в самых разнообразных формах – от сплетен и анекдотов, рассказывавшихся на балах или званых обедах, – до уважительного обсуждения в салонах или упоминания в письмах и воспоминаниях.

С другой стороны, формированию нового отношения к службе способствовали и произошедшие на протяжении последней трети XVIII – начала XIX вв. изменения в самосознании дворянства⁵¹. Чтение романов и историко-философских трудов знаменитых европейских мыслителей изменяли представление о роли человека в обществе, постепенно ослабляли чувство ежеминутной подотчетности начальству. После дарования дворянину права самостоятельно принимать решение о том, будет он служить или нет, индивид приобрел определенную свободу действий, которая предполагала, что даже у дворянина, состоящего на военной или гражданской службе, может быть своя частная жизнь. К началу XIX в. осознание данного факта привело к признанию существования у каждой свободной личности собственных интересов и личной семейной истории, где все, что касается частной жизни дворянина представлялось уже не менее значительным нежели многочисленные дворцовые перевороты, войны и революции. Теперь самые разные события – частные или общенациональные – были представлены в письмах и воспоминаниях, как в равной степени интересные и уникальные. Яркой иллюстрацией подобных изменений в мироощущении дворянина может служить стиль и содержание мемуаров П. А. Вяземского, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, С. П. Жихарева⁵².

В итоге, воспитанное с детства чувство собственного достоинства, подкрепленное в дальнейшем особым положением в системе государственного управления и достаточно высоким уровнем общественного доверия правительству, рост индивидуализма, знакомство с теоретическими постулатами либеральных европейских мыслителей, – все это предопределило изменения в мироощущении дворянина и обусловило поиск новых способов самореализации. С момента включения в состав Сената, Комитета министров или Государственного Совета главным способом удовлетворения потребности в самореализации становится активная работа по разработке проектов различных преобразований. Ярким примером осознания целесообразности своего участия в законотворческой деятельности является «Всеподданнейшее прошение адмирала Мордвинова» (август 1801 г.), в котором автор предложил императору Александру I включить его в состав недавно образованного Государственного Совета, мотивируя свою просьбу тем, что «заседая в Совете...» он «...мог быть полезен»⁵³.

В сознании представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в. изменяется отношение и цель службы: на первое место теперь ставили не достижение личного благополучия посредством получения наград и быстрого продвижения по строго иерархичной служебной лестнице, а целесообразность и продуктивность деятельности.

Личная заинтересованность в получении позитивных результатов службы, присутствовала, как в официально подаваемых в Государственный Совет «особых мнениях», так и в личной переписке. Граф Н. И. Салтыков и Н. С. Мордвинов, например, на одном из заседаний Государственного Совета высказались за повышение роли каждого сенатора или члена Государственного Совета при принятии важных государственных решений. По мнению Н. И. Салтыкова, принятие подобных решений простым большинством голосов не всегда приемлемо. При этом, аргументируя необходимость более внимательного отношения к критическим замечаниям каждого участника обсуждения, он напоминал собравшимся, что «...нередко мнение одного сенатора предупреждало вредные для государства меры»⁵⁴. О необходимости выработки более внимательного рассмотрения спорных дел «по разногласиям» высказались А. Н. Голицын, И. И. Дмитриев и А. Саблуков⁵⁵. Н. С. Мордвинов одним из возможных вариантов повышения значимости голоса каждого участника обсуждений в Сенате или Совете предлагал значительно увеличить двухдневный срок подачи «особых мнений» в том случае, если их позиция принципиально отличается от принятого большинством голосов решения⁵⁶.

Признание личной ответственности за принимаемые в Совете решения сопровождалось конструированием идеального образа государственного деятеля. Прежде всего, по мнению одного из членов Государственного Совета, участники законотворческого процесса «...имеют обязанность быть в суждении своем свободными...» и «...каждый долженствует в делоотправлениях пребывать без малейшего унижения человеческого достоинства»⁵⁷. Достаточно широко было распространено мнение о том, что государственный деятель должен был обладать достаточным для всестороннего рассмотрения того или иного вопроса объемом знаний, умением выявлять противоречия между существующими правовыми нормами и действительностью. Однако, главным качеством любого индивида, причастного к управлению страной, считалась честность и внутренняя цельность личности. Последнее означало, что любой дворянин мог зани-

мать высокие посты в системе государственного управления только в том случае, если он был полностью согласен с общим направлением правительственного курса. В противном случае он должен по собственной инициативе подать прошение об отставке.

Именно такой идеальный образ государственного деятеля нарисовал в личном письме Александру I князь А. Чарторыйский, объясняя в марте 1806 г. причину своего желания уйти в отставку: «Какая польза Вашему Величеству оставлять на посту министра, ...который чувствует себя лишенным энергии и неспособным с должным усердием постигать и исполнять приказания, противоположные его убеждениям, если бы даже по своему характеру он и мог быть Вашим послушным орудием»⁵⁸. По мнению А. Чарторыйского, власть не должна относиться к министрам или другим представителям правительственного окружения, лишь как к безмолвным инструментам реализации воли деспотичного монарха, а сами министры должны понимать смысл и цели проводимых в стране преобразований. В данной связи, прямо апеллируя к либеральным ценностям, князь А. Чарторыйский писал так: «Ваше Величество всегда сочувствовали либеральному образу мыслей, поэтому Вы не пожелаете осуществить до крайности деспотичный принцип, – требовать от человека слепого исполнения приказаний, против которых возрастает его совесть»⁵⁹. Наличие у государственного деятеля права на собственное мнение даже в том случае, если оно не совпадало с мнением императора или большинства членов Государственного Совета, признавалось неотъемлемым условием исполнения дворянином своего социального долга.

Следствием роста индивидуализма, укрепления чувства собственного достоинства и социальной ответственности было не только формирование особого взгляда на себя и свое место в системе государственного управления, но и изменение взгляда на другие социальные группы российского социума. Прежде всего, произошла определенная эволюция господствовавшего еще в XVIII в. отношения к Государю. Российский самодержец, с одной стороны, оставался фигурой социального соотнесения, благосклонное расположение которого укрепляло самооценку дворянина. По свидетельству современника, граф П. А. Строганов, например, «...в силу своих природных способностей и благодаря убеждениям, заимствованным у французов, ...был либерален в своих воззрениях и стремлениях» и «стоял за то, чтобы каждому человеку была дана возможность

счастья и свободы, но в то же время, ...царская милость, расположение и хороший прием при дворе были ему необходимы»⁶⁰.

С другой стороны, анализ многочисленных высказываний представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в. показывает, что личность императора в сознании европеизированной части дворянства утратила сакральность: российский император воспринимался как человек, обладавший всеми людскими слабостями, который лишь временно поставлен над всеми жителями страны. С этого времени дворянин пытался ответить для себя на вопрос, мысленно обращенный к императору: «Каким образом можешь Ты самому себе обещать, что никакое облако человеческой слабости не покроем ясности понятий...»,⁶¹ и, не находя сколько-нибудь удовлетворительного ответа, мог позволить себе сомневаться в правильности принимаемых самодержцем решений. В некоторых случаях подобные сомнения прямо подтверждались отдельными высказываниями самого императора. Так, И. И. Дмитриев, вспоминая одну из своих первых встреч с Павлом I, свидетельствовал, что император публично произнес перед собравшимися: «Я сам знаю, что Государь такой же человек, как и все, что он может иметь слабость и пороки»⁶².

Первоначально «очеловечивание» личности монарха выражалось в изменении содержания негативно-критических высказываний. Если ранее он подвергался критике за несправедливость в распределении наград и почестей, или за передачу важнейших государственных функций в руки бездарных чиновников,⁶³ то с начала царствования императора Александра I все чаще раздавались замечания по вопросам стратегии и тактики проведения необходимых стране преобразований. Теперь представители дворянской элиты подчеркивали, что любой человек, находящийся на российском престоле, вне зависимости от его личных качеств, не способен единолично управлять, а тем более эффективно проводить «благотворные преобразования», в таком огромном государстве как Российская империя. Для многих данное утверждение казалось очевидным, и не требующим дополнительных доказательств, фактом. Так, например, В. П. Кочубей, в одной из представленных в декабре 1814 г. Александру I докладных записок, не оспаривая необходимости сохранения монархии в России, убеждал императора в целесообразности более широкого обращения за советом к образованному дворянству: «...как доказано, что Государь, как бы ни был он дальновиден не может один обнять всех частей

правления, то и обязан он искать прочных Государственных установлений, которыми бы сближал империю Его с другими наилучше устроенными Государствами, представив подданным Его выгоды правительства справедливого, кроткого и просвещенного»⁶⁴.

Дополнительным аргументом подтверждающим справедливость тезиса о существовании «естественных», природных границ для развития способностей любого человека, в том числе и российского императора, можно было найти в трудах некоторых российских ученых. Так, например, в одной из наиболее известных работ профессора Санкт-петербургского педагогического института К. Арсеньева «Начертание статистики Российского государства» автор, признавая, что «монархическое неограниченное правление есть самое приличнейшее для обширных государств» таких как российская империя, прямо указывал на необходимость существования эффективно функционирующего механизма помощи российскому императору: «...состав Государственный так многосложен, дела, требующие исполнения, так многообразны, что силы нравственные и физические одного человека не достаточны все приводить в движение, а посему особа, имеющая в руках своих верховную власть по необходимости должна разделять Государственные дела с другими, кои бы действовали от имени по правилам предписанным Верховным Повелителем»⁶⁵.

В скрытой, почти мифологизированной форме, но, на мой взгляд, не менее ярко процесс десакрализации образа монарха был отражен и на страницах периодической печати. Так, например, в одном из номеров журнала «Русский вестник» за 1810 г. был опубликован документ по заголовком «Разговор Петра Первого с Анною, английскою королевою», в котором в форме прямой речи приводились слова якобы сказанные Петром I: «Богу отверсто мое сердце; Он видит какого истинного блага желаю моему Отечеству. Но я человек, я могу погрешить: ввести что-нибудь и вредное, могу быстро увлечься быстрым течением обстоятельств и нетерпением...»⁶⁶. Обращение к историческому прошлому, к фигуре Петра Великого, представленной в таком контексте должно было вызывать у современников ассоциации с ныне царствующим императором, который также объявил о намерениях реформирования российской действительности, и, по всей видимости, также способен признаться в том, что он человек и может совершать ошибки. В итоге, все подобного рода публикации,

наряду с высоким уровнем собственной самооценки возможностей, составляли очень благоприятный эмоциональный фон для формирования у представителей правительственной элиты устойчивого стремления помогать российскому императору управлять страной.

Не менее важным фактором, способствующим укреплению уверенности в наличии у наиболее образованной части российского дворянства права помощи самодержцу, было широко распространенное в дворянских кругах представление о социальной структуре российского общества и оптимальных нормах межсословных взаимодействий.

В сознании дворянина российское общество представлялось в виде иерархично организованной системы, элементами которой являются четко разграниченные в своих функциях сословия: на вершине пирамиды находился император, управляющий страной совместно с «приуроченным образованием и воспитанием» дворянством, чуть ниже располагалось купечество и городское население, а основание пирамиды составляло крестьянство. Характер межсословных взаимодействий в этой системе, с точки зрения дворянской элиты, был предопределен «нравственными качествами» большинства представителей той или иной социальной страты, наличием у них желания, а главное, способностей для полномасштабного осмысления сложнейших социально-экономических и политических проблем.

С учетом указанных выше требований, количество претендентов на роль помощника верховной власти было минимально. В правительственных кругах России того времени считали, что даже экономически активное и отчетливо осознающее свои экономические интересы купечество не обладало всеми необходимыми качествами. Основанием для данного утверждения служило широко распространенное представление о застое или даже упадке многих российских городов⁶⁷. Ярким показателем существования негативных тенденций в развитии российских городов, по мнению представителей правительства, было значительное сокращение численности купечества⁶⁸, уменьшение темпов роста заводского и фабричного производства, низкая платежеспособность городского населения, которое не всегда могло своевременно и в полном объеме выплачивать установленные государством налоги⁶⁹. В этих условиях купечество предпочитало заботиться только о своих коммерческих интересах и не проявляло сколько-нибудь заметного интереса к общественной деятельности.

Не привлекала данный социальный слой и перспектива участия в работе выборных органов местного самоуправления, где они могли бы в большей или меньшей степени отстаивать свои корпоративные интересы. Пассивность купечества и владельцев промышленных предприятий, отсутствие у них всякого интереса к общественным делам, прямо не связанных с их коммерческой деятельностью, была для представителей правительственной элиты очевидным фактом. Так, В. П. Кочубей в одной из многочисленных докладных записок императору Александру I, не без сожаления констатировал, что «...лучшие люди из купечества уклоняются от должностей городских и к занятию оных почти с принуждением определяются»⁷⁰. Утилитарность мышления представителей торгово-промышленных кругов России, отражающаяся в отношении к любым теоретическим моделям общественного переустройства, как к бесполезной и безжизненной схеме, на обсуждение которой не стоит тратить время и силы, обуславливала, по мнению большинства членов Государственного Совета, неспособность данной социальной группы стать помощником верховной власти в деле сближения уровней развития России и ведущих европейских государств.

Не менее важным для осознания дворянином своей роли и выработки оптимальных норм межсословных взаимоотношений было двойственное отношение к крестьянству. С одной стороны, зависимость уровня личного материального благосостояния дворянина, а также финансовой стабильности государства от количества и способностей крестьян, порождало функционально-прагматичное отношение к этому сословию. В одной из записок Н. С. Мордвинов, аргументируя необходимость улучшения положения крестьянства, писал: «...земледельцы составляют в России самое большое число народонаселения и число сие простирается более сорока миллионов душ. Сие сословие наиболее дружно наполняет листы государственных доходов подушными оброками, ...а потому и благосостояние сего сословия должно наиболее ублажать»⁷¹. В итоге, признание значимости земледельческого труда кристаллизовалось в формуле «крестьянин есть коренной гражданин отечества»⁷², а чрезмерная эксплуатация, жестокое обращение с крестьянами связывалось с невежеством, грубостью и неумением эффективно управлять собственностью.

С другой стороны, увлечение модными в Европе либеральными идеями и опыт повседневного общения с крепостными крестьянами во

время периодических летних посещений родовых имений, постепенно «раскрывали в крестьянине человека со своей судьбой и своими чувствами, такими же, какие испытывал сам дворянин»⁷³. Данное положение не означало, конечно, исчезновения уверенности в интеллектуальном превосходстве благородного российского дворянства, но несколько снижало презрительное отношение к крестьянам как к людям «иной породы», второго сорта, незаметно вытесняя пренебрежение пониманием трагической отсталости простого народа. Теперь признание того, что крестьянин, как и любой другой человек, изначально обладал «естественными правами» переплеталось с убеждением в невежестве большинства крепостных.

Для представителей правительственной элиты России было очевидно, что крестьянин был не способен, абстрагируясь от своих сиюминутных потребностей, осмыслить важнейшие государственные проблемы. Более того, он был склонен в большей степени доверять слухам и домыслам, нежели информации исходящей от помещика или правительства. Справедливость такого рода суждений о крепостных крестьянах неоднократно подтверждалась в процессе работы в министерстве юстиции, Департаменте законов Государственного Совета и различных особых комитетах. Наиболее информативным в данном контексте было участие в работе особого «Комитета охранения общей безопасности», членами которого были А. А. Аракчеев, С. К. Вязмитинов, И. И. Дмитриев, П. В. Завадовский, В. П. Кочубей, А. Б. Куракин, В. С. Ланской, Д. И. Лобанов-Ростовский, П. В. Лопухин, Н. И. Салтыков, Н. Н. Новосильцев, Д. П. Трощинский. На одном из первых заседаний комитета, состоявшегося 15 января 1807 г., рассматривалось дело о распространении опасных слухов крепостными людьми некоего надворного советника Тузова, которые публично рассказывали будто бы Наполеон в ультимативной форме потребовал от императора Александра I освободить всех крепостных, угрожая ему тем, что «...в противном случае война будет всегда»⁷⁴. Вниманию членов комитета были представлены показания свидетелей и признания обвиняемых в распространении этих слухов крепостных людей. Большинство членов комитета появление в крестьянской среде слухов о намерении Наполеона «...взять Россию и сделать всех вольными»⁷⁵ было воспринято как яркое подтверждение наивности крестьян. Подобные слухи были признаны «...пустыми и глупыми ново-

стями», широкое распространение которых, тем не менее, может быть опасным для поддержания социального мира в стране⁷⁶.

Самоидентификация дворянина на фоне других сословий, сопровождавшаяся углублением чувства «Noblesse oblige»⁷⁷, задавала особый взгляд на то, каким образом дворянин может выстраивать свои отношения с представителями других сословий так, чтобы его поведение не только не обостряло исторически сложившихся в стране социальных противоречий, но и содействовало бы их скорейшему разрешению. Изнутри дворянство представлялось как сословие «приготовленное воспитанием и наукой к высшим родам службы»⁷⁸, и, поэтому, обязанное всеми имеющимися в его распоряжении средствами способствовать общественному прогрессу. Признание своей личной ответственности за результаты происходящих в стране социально-экономических процессов и стремление с честью исполнить свой «общественный долг» зафиксированы в многочисленных проектах преобразований, обсуждаемых на заседаниях Государственного Совета. Так, Н. С. Мордвинов в «Записке о принципах управления государством», определяя главное предназначение дворянства, писал об обязанности «...остановить дальнейшее расстройство и положить начало благоденствия многочисленного народа»⁷⁹. Именно такая цель, по его мнению, отражала смысл общественной службы дворянина и «...есть дело великое, на которое невозможно взирать с равнодушием, но с горячим усердием и радостно должно быть оное предприемлемо»⁸⁰.

Наличие у дворянства особых социальных обязательств по отношению к представителям других сословий следовало, по мнению европеизированной части российского дворянства, из самой природы общества, сущностные характеристики которого достаточно часто выражались в терминах «единосложность», «сложность в разделении», «неразрывный союз всеобщего целого, ...одной части с другой»⁸¹. При таком понимании общество – сложнейшая система взаимодействий отдельных индивидов, где повседневное поведение каждой личности оказывает воздействие не только на отношения внутри своей социальной страты, но и может влиять на поведение представителей других социальных групп.

В процессе определения оптимальных норм межсословных взаимоотношений большинство членов Государственного Совета, занимая ответственные посты в системе государственного управления, считали своим долгом, одновременно, служить «Государю и Отечеству», и выпол-

нять не менее важную для сохранения в стране социального мира функцию – защищать от произвола и насилия тех, кто в силу исторически сложившихся причин не мог самостоятельно разрешить возникающие перед ними проблемы, а также создавать благоприятные условия тем, кто способен на это без помощи извне.

Исполнение своего социального долга посредством «заботы» и «покровительства» представлялось оптимальной формой межсословных отношений с наименее «просвещенной» частью российского социума – крестьянством. Предположительно, такие отношения должны были бы стать общим правилом поведения для каждого дворянина в отдельности, и для всего дворянского сословия в целом. В идеале каждый помещик должен был проявлять «отеческую заботу» о благосостоянии своих крестьян, которые, по выражению Н. С. Мордвинова, «...в отношении помещиков их суть домочадцы»⁸². В начале XIX вв. многие придерживались мнения о том, что образованный, обладающий присущим дворянскому сословию «нравственным достоинством» помещик, вносил в жизнь крестьянина просвещение, защищал его от самоуправства соседей и представителей местной государственной власти. Такой, патерналистский по своей сути, тип взаимоотношений с крепостными крестьянами многие члены Государственного Совета пытались реализовать на практике. А. А. Аракчеев, например, создал для поддержки собственных крестьян своеобразный заемный банк, в котором все проживающие на территории его обширных земельных владений крепостные могли получить кредит или ссуду на постройку дома, покупку скота, ликвидацию последствий каких-либо стихийных бедствий⁸³. При этом А. А. Аракчеев считал, что подобное отношение к крестьянину может и должно стать общим правилом: «В понимании моем помещик или владелец обязан, по праву человечества... не мыслить о своем обогащении, а более заботиться о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению...» и «...доходы, с них получаемые и составляемые всегда ценою пота и крови их, обращать главнейше на улучшение их положения»⁸⁴.

Следует отметить, что справедливость подобного идеала взаимоотношений дворянства с неграмотным крестьянством подтверждалась не только через осознание особой социальной роли дворянства. Огромное влияние оказывали отдельные законодательные акты, прямо устанавливавшие ответственность дворянина за жизнь подвластных ему крепост-

ных крестьян. Одним из таких «государственных установлений» был указ Александра I Правительствующему Сенату от 14 апреля 1822 г.⁸⁵ В соответствии с ним помещик был обязан обеспечивать всех, находящихся в его распоряжении крестьян необходимым количеством хлеба в неурожайные годы. В противном случае правительство оставляло за собой право применить по отношению к нерадивому помещику достаточно жесткие санкции. Так, если до губернских властей доходила информация о недостатке продовольствия у крепостных крестьян какого-либо помещика, ими незамедлительно создавалась особая «Комиссия продовольствия», которая убедившись в том, что «...крестьяне того или другого имения действительно подвержены недостатку в хлебе», ходатайствовала перед губернским правлением о передаче данного поместья в «казенный присмотр». Одновременно с этим государственное казначейство выделяло необходимые на приобретение продовольствия для крестьян денежные средства, а находившееся под «казенным присмотром» имение, подлежало, после соответствующего распоряжения министра финансов, продаже на конкурсной основе, о чем обязательно публиковались объявления «...в ведомостях обеих столиц». По истечении трех месяцев с момента публикации объявления о торгах данное имение, в том случае, если за это время никто не выразил желания его приобрести «...причисляется к казенным имениям», либо продается новому хозяину⁸⁶. При этом прежнему владельцу предоставлялось право выкупить свое имение не позднее, чем за три дня до начала торгов, заплатив государству «...употребленную казною на продовольствие крестьян сумму»⁸⁷. Если торги все же состоялись, то все полученные от продажи денежные средства, после возмещения государству затрат на обеспечение крестьян продовольствием и уплаты всех долговых обязательств казне или частным лицам, передавались бывшему владельцу имения. На практике порядок, определенный указом 14 апреля 1822 г., существовал в некоторых российских губерниях и ранее. Косвенным подтверждением этому является письмо А. Разумовского сенатору Б. И. Гермесу от 6 февраля 1821 г., в котором автор сетовал на требование местных властей Черниговской губернии в условиях неурожая 1821 г. от помещиков расписки в том, «...чтоб они непременно прокормили крестьян своих до будущего урожая». В противном случае, по словам А. Разумовского, «...грозили им строжайшим взысканием и отобранием в казенное ведомство имения»⁸⁸.

В наличии у дворянина особых обязательств по отношению к крестьянину не только в теоретическом, но в практическом плане высокопоставленный чиновник мог убедиться и при обсуждении в Совете общего порядка рассмотрения уголовных дел, возбужденных против помещиков, которые были обвинены в жестоком обращении с собственными крепостными крестьянами. Так, например, в феврале–марте 1802 г. вниманию членов Совета было предложено дело помещика Орлова, который в ходе проведения следствия по факту нападения на него крепостных крестьян, был уличен в «изнуряющих крестьян своих жестоких и бесчеловечных поступках». По свидетельству следственной комиссии, крестьяне данного помещика подвергались «несносной строгости», голодали и жили в избах по 40 человек вместе со скотом. Итогом обсуждения всех обстоятельств дела было постановление Государственного Совета, в соответствии с которым имение нерадивого помещика было взято в государственную опеку, а самого Орлова, «...как неспособного управлять имением и во злоупотреблявшего права ему данные... заключить в монастырь, доставляя из доходов его в монастырь до 50 копеек на день, а остальные отдавать законным его наследникам»⁸⁹.

Для дворянина существование юридически оформленного порядка замены нерадивого помещика наглядно подтверждало наличие у него особой социальной функции, обуславливало осознание своих обязательств не только на уровне эмоций или декларации приверженности общехристианским морально-этическим принципам но, и способствовало переводу чувства социальной ответственности в плоскость практических действий.

По отношению к свободным сословиям наиболее оптимальной, с точки зрения членов Государственного Совета, была несколько иная модель взаимодействия. Стратегическим направлением деятельности дворянства при взаимоотношениях с купечеством, владельцами различных предприятий, ремесленниками и городской интеллигенцией признавали не только защиту от произвола посредством установления соответствующих законов, а также разработку действенного механизма их реализации на практике, но и разъяснение смысла тех или иных мероприятий правительства.

Такая модель взаимоотношений способствовала бы появлению обратной связи между правительством и обществом, повышению степени

доверия правительству, а следовательно, значительно повышала вероятность получения позитивных результатов при проведении необходимых стране преобразований. Нередко подчеркивалось, что любые распоряжения правительства останутся только на бумаге, если они не будут понятны населению. Так, например, в трактате «О силе общественного мнения» (1802 г.) М. М. Сперанский, пытаясь ответить на вопрос «отчего наилучшие законы часто не производят своего действия или исполняются медленно», главной причиной низкой эффективности законотворческой деятельности правительства называл неподготовленность общества понять смысл новых прогрессивных законов. По его словам, данное положение обусловлено тем, что «...не находят они в сердцах соответствующего им распоряжения, оттого, что сие внутреннее и сильное начало убеждения и доверия, оживотворяющее все движения людей, им не содействует...»⁹⁰.

Для большинства образованного дворянства справедливость апелляции к «силе общественного мнения» была вполне оправдана и во многом подтверждалась, личными впечатлениями, полученными в царствование императора Павла I, когда абсолютное большинство свободного населения страны не только не понимало смысла указаний верховной власти, но и относилось к ним с настороженностью, постепенно переросшей в раздражение. Кроме этого, немаловажным аргументом был и исторический опыт ряда развитых европейских государств, где правительство нередко прислушивалось к мнению образованной части общества. Именно поэтому в начале XIX в. аксиоматичным становится утверждение о том, что «в государствах, где существует общее мнение о предметах управления, суждения могут быть в видах своих весьма различны, но все они идут к одной цели, к общему добру. Там добрый закон не скользит по поверхности, но укореняется в сердцах, и исполнение его делается общественной потребностью»⁹¹. На этом фоне социальная функция дворянства сводилась к формированию у граждан способности самостоятельно оценивать положение в стране и появлению у них стремления активно проявлять личную инициативу в контексте выдвигаемых правительством целей.

Таким образом, весь спектр социокультурных влияний, сопровождавших дворянина на протяжении всей его жизни, – от внутрисемейных отношений, а также общепринятых в данной социальной группе моральных и статусных критериев оценки поведения индивида, наличия крупной недвижимой собственности и принадлежности к высшему эшелону

управления, до внимательного изучения трудов ведущих европейских мыслителей и неоднократных посещений развитых стран Европы, – задавал различные по своей направленности ценностные ориентиры и модели поведения, взаимопереплетение которых отражалось в многочисленных проектах, записках, «голосах» и «мнениях» по наиболее актуальным экономическим и социально-политическим проблемам.

Примечания

- ¹ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 257.
- ² См.: Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995. С. 176–183.
- ³ См.: Благово Д.Д. Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л., 1989. С. 24.
- ⁴ См.: Мордвинова Н.Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. Записки дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990. С. 430.
- ⁵ Все представители правительственной элиты первой четверти XIX в. исповедовали христианство: из 44 человек, данные о конфессиональной принадлежности которых удалось найти, 81,8% – исповедовали православие, 4,5% – были католиками, а 13,6% – протестантами (лютеране).
- ⁶ См.: Зеньковский В.В. Проблема воспитания в свете христианской антропологии. М., 1996. С. 135.
- ⁷ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. М., 1913. С. 204.
- ⁸ См. подробнее: Любавин М. А. Библиотека графа С.К. Вязмитинова // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 59–64.
- ⁹ См.: Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986. С. 271.
- ¹⁰ Там же. С. 272.
- ¹¹ См.: Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь // Русские мемуары: избранные страницы XVIII в. М., 1988. С. 182.
- ¹² См.: Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Записки, 1743–1812: полный текст. М., 2000. С. 10, 274.
- ¹³ Там же. С. 11–12.
- ¹⁴ Цит. по: Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб., 2002. С. 9.

-
- ¹⁵ См.: Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М., 1999. С. 10; Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 86.
- ¹⁶ См.: Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 69.
- ¹⁷ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 87–88; Развитие русского права в первой половине XIX в. М., 1993. С. 59.
- ¹⁸ См. подробнее: Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 54–68.
- ¹⁹ Подсчитано по: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 138, 204, 299, 324, 432, 572.
- ²⁰ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 87.
- ²¹ См.: Державин Г.Р. Указ. соч. С. 12; Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986. С. 269.
- ²² Державин Г.Р. Указ. соч. С. 10.
- ²³ Там же. С. 12.
- ²⁴ Дмитриев И.И. Указ. соч. С. 270.
- ²⁵ См.: Государственные деятели России XIX–нач. XX в. Биографический справочник М., 1995; Шилов Д.Н. Указ. соч. С. 274, 276, 299, 324, 346, 455, 465, 472, 556, 573.
- ²⁶ См.: Аникин А.В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 61.
- ²⁷ См.: Мордвинова Н.Н. Указ. соч. С. 417.
- ²⁸ Там же. С. 430.
- ²⁹ См.: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 928, 285, 371; Три письма Мордвинова к Бенхаму // Русская старина. 1901. Т. 106. апрель–июнь. С. 199–202.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI., 1811. Д. 9–10. Л. 5.
- ³¹ Там же. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI., 1810. Д. 2. Л. 190–191.
- ³² См.: Державин Г.Р. Указ. соч. С. 17–18, 23, 29, 81–82, 84.
- ³³ См. подробнее: Облонский А. На государевой службе. Бюрократия в старой и новой России. М., 1997; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII–начала XX. СПб., 1999.
- ³⁴ См.: Дмитриев И.И. Указ. соч. С. 285.
- ³⁵ Там же. С. 335.
- ³⁶ См. подробнее: Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 137–140; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 222.
- ³⁷ Выделено автором письма.
- ³⁸ Письма Жозефа де Местра из Петербурга в Сардинию // Русский архив. 1912. № 2. С. 224.
- ³⁹ См.: Архив ГС. Т. 3. С. XVII–XXIII.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 250, 256.
- ⁴¹ Там же. Д. 300.
- ⁴² Там же. Д. 338.
- ⁴³ Там же. Д. 160.

-
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 40; 1814. Д. 3, 5; 1818. Д. 1 а, 1 б.
- ⁴⁵ Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 53.
- ⁴⁶ Там же. С. 62.
- ⁴⁷ См. подробнее: Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 205; Рудницкая Е.Л. Александр Иванович Тургенев // Российские либералы: Сб. статей / Под ред. Б.С. Итенберга, В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 32–33.
- ⁴⁸ См. подробнее: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003.
- ⁴⁹ Минаева Н.В. Указ соч. С. 89.
- ⁵⁰ См.: Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М.Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 14.
- ⁵¹ См. подробнее: Марасинова Е.Н. Указ. соч. С. 61–133, 158–202.
- ⁵² См.: Вяземский П.А. Записные книжки М., 1992; Державин Г.Р. Указ. соч.; Дмитриев И.И. Указ соч.; Жихарев С.П. Записки современника. В 2 т. М., 1989.
- ⁵³ АМ. Т. 3. Д. 699. С. 54.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. XXIII. Л. 17.
- ⁵⁵ Там же. Л. 49–50.
- ⁵⁶ Там же. Л. 21.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 18 / 14. Л. 3, 5.
- ⁵⁸ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка ... С. 93.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ См.: Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 208.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 52 / 48. Л. 18–19.
- ⁶² См.: Дмитриев И.И. Указ. соч. С. 329.
- ⁶³ См. подробнее: Марасинова Е.Н. Указ. соч. С. 134–157.
- ⁶⁴ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 50. Л. 6.
- ⁶⁵ См.: Арсеньев К. Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2. О состоянии правительства. СПб., 1819. С.110.
- ⁶⁶ Разговор Петра Первого с Анною, английскою королевою // Русский вестник. 1810. № 4, апрель. С. 106–107.
- ⁶⁷ См. подробнее: Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы ... С. 31–48.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 256. Л. 3.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 560. Оп. 10. Д. 110. Л. 1–14; Ф. 1146. Оп. 1. Т. 1., 1801. Д. 260.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 223. Л. 3.
- ⁷¹ Там же. Ф. 994. Оп. 2. Д. 124. Л. 18.
- ⁷² Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 18 / 14. Л. 22.
- ⁷³ См.: Марасинова Е.Н. Указ. соч. С. 215.
- ⁷⁴ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 4. Л. 1.
- ⁷⁵ Там же. Л. 13.

-
- ⁷⁶ Там же. Л. 17.
- ⁷⁷ Положение обязывает (фр.).
- ⁷⁸ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 90.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 994. Оп. 2. Д. 124. Л. 23.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI., 1826. Д. 18 / 14. Л. 5, 6, 27.
- ⁸² См.: Мнение адмирала Мордвинова по делу о продаже людей без земли // ЧИО-ИДР. 1859., апр.-июнь. Кн. II. Разд. V. С. 2.
- ⁸³ См. подробнее: Сахаров А.Н. Александр I и Аракчеев // Отечественная история. 1998. № 4. С. 28.
- ⁸⁴ Цит по: Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997. С. 81.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 156. Л. 1–2 об.
- ⁸⁶ Там же. Л. 2–2 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 2.
- ⁸⁸ Письмо А. Разумовского сенатору Б.И. Герману 6 февраля 1821 года // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807–1829 гг.) СПб., 1883. С. 282.
- ⁸⁹ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–16.
- ⁹⁰ См.: Сперанский М.М. Проекты и записки. М.–Л., 1961. С. 81.
- ⁹¹ Там же. С. 82.

Глава II.

Идеалы и практика экономических взаимоотношений личности и государства в проектах членов Государственного Совета

§ 1. Экономические права индивида и стратегические цели государства

Экономические взгляды дворянина задавались его особым социально-экономическим статусом собственника движимой и недвижимой собственности, земле- и душевладельца. Постепенно, по мере взросления и дальнейшей социализации, дворянин-ребенок узнавал о приемлемом для данного района страны уровне урожайности, получал информацию о стоимости земли, крестьян, общей доходности имения, осваивал необходимые для ведения хозяйства навыки и методы управления принадлежащей ему собственностью, как лично, так и через приказчиков.

Все эти, усвоенные на начальном, эмпирическом по своей сущности, этапе формирования экономических представлений знания, в дальнейшем становились важным элементом мировоззренческой системы европеизированной части дворянской элиты. Личный опыт управления имением для многих становился критерием оценки модных экономических теорий, познакомиться с основными положениями которых можно было не выезжая за пределы Санкт-Петербурга.

С восшествием на престол молодого императора Александра I доступность информации о содержании и смысле модных в то время экономических теорий выражалась, прежде всего, в том, что многие столичные журналы регулярно публиковали переводы работ знаменитых европейских экономистов, таких, как А. Смит, И. Бентам, А. Фергюсон, Ж.-Б. Сэй, Ж.-С. Сисмонди и др. В ряду таких журналов можно назвать «Экономический журнал», «Статистический журнал», «Северная звезда», «Дух журналов», «Санкт-Петербургский журнал», «Труды Вольного экономического общества» и регулярно издаваемые Академией наук сборники «Сочинения и переводы». При этом русская периодическая печать не ограничивалась

простым изданием переводов сочинений либеральных европейских экономистов, а шла дальше, разворачивая на своих страницах своего рода дискуссию о свободной торговле и протекционизме. Так, например, в 1804 г. на страницах «Санкт-Петербургского журнала» было опубликовано «Изложение учения Адама Смита и сравнение оногo с учением французских экономистов»; в 1806 г. в «Статистическом журнале», была напечатана статья М. А. Балудянского «Изображение различных хозяйственных систем», в которой автор подробно изложил и проанализировал учение А. Смита, а в 1808 г., в том же журнале, была опубликована статья под заголовком «О национальном богатстве. Теория Адама Смита»¹.

Одновременно с появлением трудов либеральных западноевропейских экономистов в периодической печати, они выходили в свет и отдельными книгами: в 1802–1806 гг. было издано главное сочинение А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», а с 1803 г. российский читатель мог ознакомиться с работой Ж.-С. Сисмонди «Новые начала политической экономии, или богатства в его отношении к народонаселению», а также с основными работами Ж.-Б. Сэя².

Мотивы для чтения модных экономических журналов были самые разнообразные: кто-то читал их для того, чтобы уметь поддержать светскую беседу и показаться просвещенным и начитанным, другие искали полезные рецепты повышения рентабельности собственных хозяйств, третьи на основе теоретических постулатов европейских экономистов пытались разработать оптимальные в российских условиях проекты преобразований. Однако, вне зависимости от побудительных мотивов, общим итогом моды на сочинения европейских экономистов стало постепенное распространение в кругах образованного российского дворянства основных понятий экономической теории, таких как, например, «полезность», «стоимость», «достоинство вещи в мене» (ценность), «капитал», «ссудный процент», «рента» и др., т. е. тех терминов, которые делали понятными рассуждения как зарубежных, так и отечественных экономистов³. В результате над эмпирическим уровнем в сознании русского дворянина надстраивался более абстрактный, теоретический уровень экономических знаний, основное содержание которого было заимствовано из сочинений либеральных европейских мыслителей.

В правительственных кругах России первой четверти XIX в. указанные выше макроэкономические категории особое актуальное звучание получили на фоне распространившегося в начале XIX в. представления о назначении и функциях «политической экономии», которая зачастую преподносилась в качестве действенного инструмента финансовой стабилизации и ускорения развития страны. Постепенно в сознании сформировалась уверенность в том, что в основе любых практических мероприятий правительства должны были лежать научно обоснованные теоретические схемы, которые системно охватывали бы весь спектр стоящих перед страной социально-экономических проблем, и помогли бы выработать логически непротиворечивые, а, главное, эффективные методики стимулирования экономического развития России. Именно в процессе поиска приемлемых методов предотвращения надвигавшегося финансового кризиса и очевидного для многих технико-экономического отставания России от развитых стран мира, происходило осознание причин постепенного замедления темпов развития отечественной экономики. Главной из них объявлялось отсутствие свободы личности, существование положения, когда, заложенный природой в каждом человеке творческий потенциал не может раскрыться полностью.

С этого момента свободная личность рассматривалась как главный системообразующий элемент общества, который, взаимодействуя с другими подобными ему элементами в условиях «естественного» конкурентного соревнования, способствует прогрессу всего социума. Постепенно сформировалось убеждение в том, что «...самое предопределение человека увлекает его созидать свое благо»⁴ и для нормального, эволюционного развития необходимо лишь разбудить в человеке творческую инициативу, устранив предварительно все препятствия для его деятельности.

Свободная игра интересов и способностей различных индивидов, по мнению представителей правительственной элиты первой четверти XIX в., составляло сущность, во многом идеализируемой ими, европейской экономики. Более того, часто между понятиями «свобода личности» и «процветание» ставился знак равенства. Масштабы веры в силу активно действующей свободной личности отражены в одном из писем Н. С. Мордвинова Н. Н. Новосильцеву, в котором он, рассуждая о проблемах создания в нашей стране частной банковской системы, единст-

венным надежным методом оздоровления экономики называет личную инициативу граждан. Автор письма уверен в том, что только в условиях свободы экономической деятельности «...благоденствие России независимо от благоприятствующего случая, временного возбуждения, минутного воспаления мысли, благоизволяющего пристрастия, редко постоянного, часто изменяющегося...» и «...был бы посажен корень всякому усовершенствованию, корень животворный и цветущий на каждом месте»⁵. Таким образом, свободная от внешнего принуждения личность представлялась главной, объективно действующей силой общественного развития.

Однако признание отечественными адептами либеральных идеалов самоценности свободы не сопровождалось уходом от окружающей российской действительности. Напротив, – многие из них отчетливо осознавали несоответствие либеральной модели общественного устройства со сложившейся в нашей стране сословной системой и методами управления экономическими процессами. Подтверждение этому – критика существующей в стране практики сословного и внутрисословного регламентирования государством сфер экономической деятельности.

Гильдии, цехи, монополии – все это, по мнению, например, того же Николая Семеновича Мордвинова, создавало дополнительные препятствия частной инициативе. В «Записке по случаю издания дополнительного постановления об устройстве гильдий и прочих состояний» он не только резко протестовал против установления зависимости между принадлежностью человека к той или иной гильдии и суммой банковского кредита, на которую этот индивид может рассчитывать, но и доказывал необходимость уничтожения гильдейских различий в любой форме. Губительность подобных ограничений для него очевидна, как с точки зрения мирового опыта, который подтверждает, что «...узаконяемое где-либо от правительства разделение упражнений человеческих, во все времена и от всех народов опытами было признано за главнейшую препону к народному обогащению»,⁶ так и применительно к конкретно-историческим условиям нашей страны. Н. С. Мордвинов был убежден, – Россия не сможет догнать ведущие станы Европы «...доколе у нас торговля и внутренняя промышленность не получат совершенной свободы, с предоставлением заниматься оными всем сословиям народа без всякого со стороны участия и притязания...»⁷.

Критика ограничения свободы экономической деятельности неоднократно звучала на заседаниях различных департаментов Государственного Совета. Иногда простая констатация факта перерастала в более широкое, принципиальное обобщение – свобода самовыражения личности в сфере экономики должна иметь внесословный характер. Ярким примером существования таких настроений может служить, протокол заседания Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета от 26 октября 1810 г. На этом заседании решался вопрос о «дозволении крестьянам торговать излишками произведенной ими продукции в городах». Участники обсуждения, внимательно рассмотрев аргументы князя А. Б. Куракина против запрета крестьянам торговать в городах, высказанное им еще в 1797 г., и жалобу купцов на ущемление их сословных привилегий и коммерческих интересов в случае получения крестьянами права торговли, разрешили непосредственным производителям сельскохозяйственной продукции заниматься ее реализацией, хотя и с некоторой оговоркой «...чтоб крестьяне не заводили лавок и магазинов»⁸, т. к. это может вызвать «зловредную монополию».

Анализ многочисленных проектов, «мнений», «голосов», протоколов показывает, что к началу XIX в. в сознании проевропейски настроенной правительственной элиты сложился идеальный образ свободной, активно действующей личности, все действия и внутренние интенции которой изначально добры и ведут, в конечном счете, к росту благосостояния всего общества. Этот образ был основан на заимствованном из трудов либеральных западноевропейских мыслителей оптимистическом понимании сущностной природы Homo sapiens: человек всегда стремится к счастью, которое отождествлялось, например И. Бентамом, с «пользой» или «суммой удовольствий»⁹, а все отрицательные, разрушительные моменты в его поведении, такие как враждебность по отношению к другим индивидам, желание построить свое счастье на несчастье другого, обусловлены разного рода ограничениями внешней среды. В данном контексте свобода личности означала лишь возвращение к природному «естественному» состоянию. При этом большинство адептов либеральных ценностей в России понимали, что в условиях современного им общества речь может идти лишь о частичной реконструкции первоначальной «природной свободы». Более того, безграничная, абсолютная свобода, по их

мнению, может привести к таким же разрушительным для общества последствиям, как и полное ее отсутствие. Абсолютная свобода нарушила бы социальный мир и порядок, спровоцировала бескомпромиссную борьбу «всех против всех» за выживание.

Таким образом, сформированный в сознании представителей правительственной элиты образ свободной личности не заслонил собой реальность. Отчетливо понимая неустранимость существования материального и культурного неравенства, большинство адептов идеи свободы личности в России мечтали о создании хорошо продуманной, универсальной правовой системы, которая учитывала бы одновременно и наличие конкурентного соревнования индивидов, обеспечивая эффективное функционирование механизма мирного разрешения неизбежно возникающих конфликтов, и необходимость предоставления личности максимальной свободы творческого самовыражения.

Следует отметить, что такой достаточно осторожный подход к идее свободы личности не противоречит либеральным принципам. Аналогичные рассуждения присутствовали и в трудах европейских мыслителей того времени. Например, И. Кант, одним из обязательных условий существования современного социума, считал наличие законодательной базы, ограждающей граждан от взаимного посягательства на их права, утверждая, что индивид «...совершенно оставил дикую, не основанную на законе свободу для того, чтобы вновь в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости»¹⁰. И в европейском и в российском вариантах понимания либерализма идея свободы была неразрывно связана с идеей достижения социального компромисса посредством права. Так, например М. М. Сперанский, определял свободу, прежде всего, как комплекс «гражданских прав», основанных на «разумных законах»: «свобода не что иное есть, как закон, равно на всех действующий и всеобъемлющий»¹¹.

Своеобразие понимания свободы отечественными либералами проявлялось в том, что свобода, оставаясь всегда желанной целью, рассматривалась с более приземленных, утилитарных позиций. Конструирование сложных теоретических схем, раскрывающих метафизическую сущность свободы, представлялось им не актуальной и не целесообразной задачей. Косвенным подтверждением этого может служить высказывание того же

М. М. Сперанского: «...метафизические понятия о правах человека ведут только к безначалию, злу стократ горшему, нежели самое жестокое самовластие»¹². Интерес вызывала возможность запустить естественные механизмы самообновления общественных отношений, которое способствовало бы ускорению развития Российской империи.

Свобода личности, по мнению приверженцев либеральных ценностей, могла оказать значительный эффект только тогда, когда деятельность индивида будет сопровождаться удовлетворением его потребностей. В этом случае свобода – источник внутренней мотивации личности, генератор новых нестандартных решений даже самых сложных проблем. Поддержать этот творческий импульс, придать ему характер долговременной тенденции возможно лишь при сохранении за индивидом всей суммы результатов его труда, концентрированным выражением которого является собственность.

Собственность наряду со свободой признавалась «естественным правом» каждого человека. Большую роль в усвоении данного положения сыграло не только знакомство с трудами европейских либеральных мыслителей, но и наличие у абсолютного большинства дворянской элиты средней и крупной недвижимой собственности. Благодаря этому обстоятельству все они хорошо знали, какие преимущества дает человеку собственность. Собственник в любой ситуации чувствовал себя гораздо увереннее и мог позволить себе пойти на определенный риск в условиях постоянно изменяющейся рыночной конъюнктуры. Недвижимость была экономической опорой и надежной гарантией сохранения хотя бы минимальной стабильности: в случае необходимости она могла быть продана, заложена или сдана в аренду, что помогало пережить ее владельцу даже самые серьезные финансовые затруднения.

По мере социализации личности, накопления опыта управления собственностью и знакомства с работами модных европейских экономистов, Н. С. Мордвиновым, например, было сформулировано более общее, принципиальное утверждение о том, что «в праве собственности нет различия в отношении кому она принадлежит»¹³. Собственность, также как и свобода личности, в идеале должна была иметь внесловный характер. В данном контексте далеко не случайным представляется то, что в проект манифеста, который должен был быть объявлен при вступлении Алек-

сандра I на российский престол, А. Р. Воронцов включил положение, гарантирующее право собственности крестьян: «В случае изъятия или конфискации за долги или по другому поводу весь инвентарь и орудия труда, необходимые для пахоты... не могут быть никогда, ни в коем случае и ни под каким предлогом отняты. Это движимое имущество должно быть тем более гарантировано и обеспечено потому, что этот класс имеет только одну и единственную собственность в нашем обществе; личной и земельной в его распоряжении нет и поэтому важно, что то единственное, что он имеет и может иметь... не может быть у него отнято ни государством, ни хозяином»¹⁴.

Право собственности выводилось из природной сущности человека, инстинкта самосохранения и перманентного желания обустроить непосредственно окружающий микромир, включавший в себя родной дом, усадьбу, имение и т. д., таким образом, чтобы все, кто были ему дороги могли чувствовать себя комфортно. Любой собственник, будь то крестьянин, купец или дворянин, обладая собственностью, заботился бы о ее сохранении и приумножении, активно используя все данные от природы способности.

Единственное ограничение общего равенства прав собственников было допустимо, по мнению отечественных приверженцев либеральных ценностей, в отношении права обладания крепостными крестьянами. Данное ограничение воспринималось как вынужденное и неизбежное в условиях существования крепостного права. При этом к душевладельцу предъявлялись особые требования: он должен был иметь достаточное для управления подобного рода собственностью образование и воспитание, т. к. от его ошибочных действий могли пострадать подвластные ему люди. Такой морально-этический подход к проблеме вынужденного ограничения прав собственника был широко распространен в дворянской среде.

В наиболее отчетливой форме обоснование фактического неравенства прав собственника в России отражено в работах М. М. Сперанского. Во «Введении к уложению государственных законов» Михаил Михайлович писал об этом так: «Право собственности движимой и недвижимой, но не населенной должно принадлежать всем без различия: но собственность населенная предполагает такие отношения к коим не все могут быть способны. Она предполагает управление, и следовательно знание

законов правительства, коего нельзя достигнуть без особенного к тому образования. Страшно было бы допустить, чтоб помещичий крестьянин, разбогатеv по случаю, купил деревню, населенную другими подобными крестьянами и управлял бы ею по закону тогда, когда власть его воспитанием не приуготовленная, ни познания закона, ни морального к себе уважения приобрести не может»¹⁵.

Указанные сословные ограничения прав собственника признавались временными. В перспективе одновременно с отменой крепостной зависимости должны были быть ликвидированы все формы внеэкономического принуждения человека человеком. Это привело бы и к исчезновению морально-этических оснований для ограничения прав собственника. Однако уверенность в неизбежности стирания, пусть и в отдаленной перспективе, правовых границ между собственниками не означало, что для достижения желаемых результатов достаточно простого пассивного ожидания. Подтверждение этому – многочисленные «записки», «голоса» и «рассуждения», постоянно циркулирующие в правительственных кругах того времени, в которых говорилось о целесообразности немедленного провозглашения незыблемости права частной собственности в России. М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей и многие другие, считали необходимым, не дожидаясь отмены крепостной зависимости, активизировать работу по созданию и внедрению на практике комплекса «гражданских прав», в котором «безопасность лица и имущества» объявлялась бы «первым и неотчуждаемым достоянием всякого человека входящего в общество»¹⁶.

Отсутствие твердых законодательных оснований права частной собственности, по их мнению, блокировало рост частной инициативы и приводило к необратимым изменениям в экономике, проявляющимся в постепенном замедлении темпов интенсификации производства и разорении экономически активной части населения страны. Именно поэтому введение законодательных гарантий неприкосновенности частной собственности представлялось надежной опорой и действенным стимулом для ускорения развития России. Показательной в данном контексте является «Записка неизвестного члена Государственного Совета», где автор, обозначая главное направление деятельности правительства в 1806 г., писал: «Во первых требуется, чтоб каждый гражданин обеспечен был в сво-

ем состоянии имуществом, которое бы видел он так твердо и неколебимо себе принадлежащим, что собственность его... никем либо и никогда нарушаема быть не может»¹⁷.

Естественно, что такая принципиальная позиция по вопросу о неприкосновенности частной собственности в России была обусловлена не только заботой о подъеме экономики в масштабах всей страны, но и личными интенциями обезопасить себя и свою собственность от посягательств со стороны кого бы то ни было, и в первую очередь государства. Для достижения такой двуединой цели требовалось обеспечить контроль за неукоснительным исполнением обязательных для всех участников общественных отношений «коренных законов». При этом предполагалось, что «коренные законы», утвержденные однажды, не могли быть изменены. Со временем они сформировали бы новую традицию правовых взаимоотношений, как между отдельными гражданами, так и между ними и государством.

Процесс разработки основных положений «коренных законов» не был каким бы то ни было образом организационно оформлен. Многие члены Государственного Совета в «особых мнениях», «записках» и «голосах», направляемых для рассмотрения либо в Совет, либо на имя императора, самостоятельно формулировали, прежде всего для себя и своих коллег, принципиальные положения будущего законодательства.

Попытки составления такого рода положений прослеживаются, и в «Государственной уставной грамоте Российской Империи»¹⁸ Н. Н. Новосильцева, «Мнении адмирала Мордвинова о причинах расстройств финансов наших и о мерах, могущих способствовать к отсечению сих прочих причин и постепенному улучшению народного благосостояния и государственных доходов»,¹⁹ а так же в проекте А. Р. Воронцова «Статьи или материалы для составления указа или манифеста о привилегиях, освобождений от налогов и т. д.»²⁰. Так, например, А. Р. Воронцов прямо писал о необходимости установления правовых гарантий прав собственника в России: «Пусть любой вид собственности личной, недвижимой или земельной, как родовой, так и приобретенной обеспечивается и гарантируется каждому по закону»²¹.

В наиболее четкой форме содержание «коренных законов» в части гарантирования права собственности сформулировал М. М. Сперанский.

В одном из проектов он высказал два принципиальных положения. Первое из них призвано оградить собственника от несанкционированного законом вмешательства других участников экономических взаимоотношений, и было сформулировано так: «Всякий может располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону – без суда никто собственности лишен быть не может». Второе положение должно было окончательно предотвратить появление на территории Российской империи любых форм незаконного экономического принуждения личности: «Никто не обязан отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, как по закону или по условию, а не по произволу другого»²².

Четкость и недвусмысленность приведенных выше цитат не оставляет сомнений в ярко выраженной либеральной направленности предлагаемых «коренных законов» и в существовании идейной взаимосвязи с европейским пониманием идеальной модели общественного устройства как «системы юридических отношений, которая могла доставить величайшее возможное счастье для величайшего возможного числа людей» (И. Бентам)²³. Аналогичные высказывания присутствовали в работах Ч. Беккариа, А. Смита, В. фон Гумбольдта и др. Однако отечественные адепты либерализма не ограничивались простым воспроизведением основного содержания работ либеральных европейских философов и экономистов. В отдельных случаях они шли дальше и пытались разработать действенный механизм защиты личности с учетом особенностей исторически сложившейся в России социально-политической системы.

Понимая масштабы потенциальных возможностей государственного аппарата принуждения в России, например, в случае прихода к власти склонного к деспотизму монарха, образ которого в начале XIX в. отождествлялся с императором Павлом I, некоторые представители дворянской элиты развивали либеральное требование обязательного соблюдения естественных прав личности на свободу и неприкосновенность частной собственности всеми субъектами социально-экономических взаимодействий, и считали недопустимым издание любых законодательных актов, регламентирующих порядок конфискации имущества частных лиц в пользу государства. Существование такого рода документов, по их мнению, укрепило бы позиции государства и могло создать нежеланный пра-

новой прецедент нарушения прав собственника. Именно исходя из этих соображений Н. С. Мордвинов в «Мнении по случаю поручения комиссии сочинения законов изложить правила для отобрания частной собственности в пользу общественной», писал, что «сочинение правил разрешающих прикосновение со стороны правительства к частной собственности причинить могут более вреда нежели пользы,... более для частных лиц притеснения нежели ограждения»²⁴. Законодательному оформлению могли подлежать только способы разрешения конфликтных ситуаций возникающих между гражданами по вопросам наследования или приобретения собственности.

В отношении права собственности А. Р. Воронцов, Д. А. Гурьев, В. П. Кочубей, А. Б. Куракин, Н. С. Мордвинов, Н. Н. Новосидьцев, Н. П. Румянцев, М. М. Сперанский и многие другие рассматривали государство и личность как равноправные субъекты экономической жизни: на все действия государства распространяются те же правила, что и при взаимодействии индивидов. А. Р. Воронцов в одном из своих проектов прямо писал об этом: «В случае оспаривания или тяжбы между государственным имуществом или казной короны с одной стороны, и частным лицом с другой, государственное имущество или казна рассматриваются как обычная спорящая сторона и не будут иметь никаких преимуществ по отношению к другой стороне. Человеку, который будет представлять интересы государственного имущества или короны, и которому поручено защищать ее интересы, пойдет теми же путями и будет подчиняться тем же юридическим формальностям, что и простой собственник»²⁵.

Равенство обязательств неукоснительно соблюдать закон налагало бы на государство, по аналогии с нормами экономических взаимоотношений между гражданами, обязанность возмещать частному собственнику любой материальный ущерб, причиненный правительством в ходе выполнения своих общественных функций. В противном случае неизбежна утрата доверия граждан не только к существующему правительству, но и к государству в целом, что, по мнению, например Д. А. Гурьева, сделало бы тщетными все усилия правительства по стабилизации и ускорению темпов развития российской экономики. Он, как и многие члены Государственного Совета, был убежден – главным условием поддержания доверия к государству как важнейшему социальному институту, а, следова-

тельно, и выполнения им жизненно важных для всего общества задач, является безусловное соблюдение прав собственника²⁶.

Целесообразность внедрения практики возмещения потерь частным собственникам не вызывала сколько-нибудь серьезных возражений. Напротив подчеркивалось, что реализация данного положения, в отличие от разрешения сложных экономических и социально-политических проблем, таких как освобождение крепостных крестьян или создание законодательного органа сословного представительства, не требует продолжительного подготовительного периода, и могла быть проведена незамедлительно.

Подобные мысли неоднократно высказывались на заседаниях Департамента Государственной экономии Государственного Совета. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно ознакомиться с разделом XVII «Казенные имущества» архива Государственного Совета, где сгруппированы протоколы заседаний по делам о продаже, обмене и покупке государственной собственности. На протяжении целого ряда лет в Совете было рассмотрено множество дел по искам частных лиц к государству. Наиболее показательными с точки зрения признания за государством обязанности соблюдать при взаимодействии с индивидом все без исключения правовые нормы являются протоколы заседаний 28 января 1811 г. и 27 февраля 1820 г. На первом из них рассматривалось дело о выплате частным лицам компенсации в размере 56361 руб. за потерю земель и другого недвижимого имущества в результате строительства государством Динабургской крепости. Практически безоговорочно большинством голосов было принято решение «признать требования частных людей справедливыми» и компенсировать все имущественные потери пострадавшим от деятельности властей²⁷. На втором – разбирался иск коллежского секретаря Косагова к государству с просьбой расторгнуть договор купли-продажи казенного участка земли в связи с тем, что ему на момент покупки были предоставлены неверные сведения о количестве и качестве лесов расположенных на приобретаемой земле. В итоге, после непродолжительного обсуждения, большинство членов Департамента Государственной экономии проголосовали за расторжение данной сделки²⁸.

Легкость разрешения этих и многих других подобных дел позволяет сделать предположение о существовании у высокопоставленных россий-

ских сановников глубокой внутренней мотивации, сформированной как положением крупного земельного собственника, так и возросшим с конца XVIII в. чувством социальной ответственности. С одной стороны, наличие собственности стимулировало деятельность по созданию многократно зафиксированного правового прецедента, по аналогии с которым могли бы решаться дела в случае столкновения их личных интересов с интересами государства, а с другой, – голосуя «за» компенсацию материального ущерба частному собственнику, человек мог расценивать свой поступок как личное участие в процессе внедрения на практике основных принципов либеральной модели общественных отношений.

Важным инструментом реализации привнесенного извне либерального идеала общественного устройства российские адепты либеральной системы ценностей считали законы. Однако наличие законов представлялось необходимой, но не достаточной гарантией соблюдения «естественных прав человека». Усвоенная под влиянием сочинений Ж.-Ж. Руссо, Г. Рейналя, Ш. Л. Монтескье и др. философов европейского Просвещения, вера в силу закона и безграничные возможности человеческого разума была достаточно сильна, но не настолько, чтобы заслонить собой окружающую дворянина российскую действительность, где, по словам М. М. Сперанского, «собственность и личность в реальной жизни не ограждена от произвола, ...а законности нет и в помине»²⁹. В этих условиях появилось желание дополнить писаный закон юридическим прецедентом. Издание «коренных законов» в совокупности со сложившейся практикой защиты прав личности от посягательств со стороны кого бы то ни было, должно было обеспечить постепенную либерализацию общественных отношений.

По мере накопления опыта работы в Государственном Совете и в министерствах представители правительственной элиты убеждались в невозможности быстрого исправления положения только посредством издания законов. Многие из них считали, что даже хороший закон станет реальным, а следовательно, и полезным для общества лишь с того момента, когда его основные положения станут своего рода непререкаемой традицией. Понимая, что сложность социально-экономической и внутривнутриполитической обстановки в стране, усугубленной к тому же нестабильностью на внешнеполитической арене, не дает времени на формирование

подобной правовой традиции, некоторые либерально настроенные члены Государственного Совета предлагали конкретные меры по стимулированию развития отечественной экономики. Достаточно часто говорилось о необходимости изменить существующий в России характер взаимоотношений личности и государства. Правительство всегда должно помнить, что «...обогащению и твердому возвышению государств ничто не содействует, ни сильная армия, ...ни изобилие рудников, ни все прочее подобное, как всегдашнее соблюдение правды в поступках правительства с частными людьми»³⁰. Реализация на практике данного принципа укрепило доверие граждан к государству и способствовало бы активизации их деятельности.

В данном контексте первоочередная задача правительства – разбудить частную инициативу посредством допущения наиболее образованной части общества к системе выработки решений в сфере экономики. Так, например Д. А. Гурьев, в письме А. А. Аракчееву, высказывая свое мнение об одном из проектов Н. С. Мордвинова, писал о целесообразности публикации и всестороннего обсуждения подобных проектов в прессе, т. к. это позволит максимально полно выявить их достоинства и недостатки, «возбудит рецензию и критику, которая, опровергая поверхностные рассуждения, ...послужит к распространению общепользных познаний и истин»³¹. По мысли автора, такое обсуждение наиболее интересных проектов не только поможет правительству принимать взвешенные решения, но и, что еще более важно, будет способствовать распространению знаний и повышению интереса общества к новейшим достижениям политической экономии. К сожалению, данное предложение не было реализовано и все проекты реформирования отечественной экономики за исключением некоторых, распространявшихся отдельными членами Государственного Совета в рукописной форме, оставались недоступными для общества.

Убеждение в необходимости привлечения экономически активной части населения к процессу поиска путей интенсификации российской экономики просматривается в работах М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, В. П. Кочубея. Одним из возможных способов стимулирования частной инициативы граждан признавалось введение в руководство некоторых государственных банков выборных представителей. Концентриро-

ванным выражением такого рода настроений является, принятое на заседании Государственного Совета 21 января 1810 г. решение о включении в число директоров Ассигнационного банка «избранных от купечества Санкт-Петербурга, Москвы и Риги по одному человеку»³². Предполагалось, что в результате выборов в состав правления войдут лучшие представители российского купечества, на собственном опыте изучившие как особенности российской экономической системы, так и механизм функционирования рыночных отношений в ведущих странах Европы. Их участие в управлении государственным ассигнационным банком могло стать дополнительной гарантией соблюдения «естественных» прав личности.

Все указанные выше шаги правительства могли создать благоприятный эмоциональный фон для становления партнерских взаимоотношений личности и государства. Однако, наиболее последовательные сторонники либеральных ценностей в правительственных кругах России первой четверти XIX в. считали эти меры недостаточными, утверждая, что фактическое равенство достижимо только при наличии независимого от государства механизма правовой защиты интересов личности. Формообразующим элементом такого механизма представлялись создаваемые при непосредственном участии граждан, независимые, но официально признанные властью, общественные структуры, способные обеспечить действенный контроль за точностью исполнения гражданских законов.

Один из наиболее ярких представителей либерально настроенной правительственной элиты того времени, Н. С. Мордвинов, предлагал учредить в России особые коммерческие суды. Они должны были быть призваны выполнить двуединую задачу: «...прямо обращаться к государственным министрам во всем том, что к отвращению вреда и стеснения торговли... простирается будет» и, «отправляя правосудие во всех делах до коммерции касающихся... давать защиту и покровительство каждому лично против всякого насильственного поступка власти, хотя бы то произошло от полицейской либо другой власти»³³. Подобные суды играли бы роль арбитра, не связанного какими-либо моральными или финансовыми обязательствами ни с одной из противоборствующих сторон, как в спорах между гражданами, так и в случае возникновения конфликтов между личностью и государством. Для обеспечения материальной незаинтересованности судей они не получали государственного жалованья или какого

бы то ни было другого вознаграждения за выполняемую ими работу и должны были расценивать свою деятельность как почетную обязанность, «бескорыстный подвиг» при исполнении общественного долга³⁴.

Естественно, что создание подобной независимой от государства структуры в России начала XIX в. было делом чрезвычайно сложным. Н. С. Мордвинов отчетливо понимал масштабность стоящей перед ним задачи. Ее решение автор проекта, как опытный государственный чиновник, видел в сфере организации работы коммерческих судов. Прежде всего, необходимо было разработать особый порядок их формирования. По проекту Николая Семеновича, представленному в Совет в марте 1802 г., коммерческие суды должны были формироваться по принципу выборности в два этапа.

На первом подготовительном этапе в крупнейших городах Российской империи «определялся попечитель в звании инспектора коммерции», который выбирал среди местных жителей трех «граждан из самых просвещенных и благомыслящих людей»³⁵. Отобранные таким образом люди становились членами коммерческого суда и поочередно с периодичностью один раз в год сменяли друг друга на посту председателя. При этом, проработав год председателем, человек выбывал из состава суда, а на его место по усмотрению «попечителя» выбирался новый. Главной задачей первого этапа считалось организационное оформление коммерческого суда, становление его как особого общественного института, складывание не существовавшей ранее категории независимых от власти судей.

На втором этапе, через шесть лет с начала работы коммерческого суда, порядок формирования его основного состава изменялся. Выборы становились более свободными и полностью независимыми от воли одного человека. С этого момента должность «коммерческого попечителя» упразднялась, а все члены суда избирались общим собранием бывших и действующих на тот момент времени судей коммерческого суда. К сожалению, дальнейший порядок обновления состава суда автором проекта не оговаривается специально. По всей видимости, сроки и алгоритм ротации членов суда предполагалось сохранить в прежнем виде.

Помимо описанного выше механизма формирования коммерческого суда, его независимость должна была быть гарантирована высочайше подтвержденным законом, по которому «никакой суд или член суда,

никакой начальник либо чиновник, ни военный, ни гражданский не может входить в разбирательство или суждение таких дел, кои относятся к разбору коммерческого суда»³⁶. Нарушение этого правила влекло за собой достаточно серьезное наказание в виде немедленного увольнения со службы и штрафа в размере 2000 р. В идеале суд вообще не должен был испытывать какого-либо административного давления и принимал бы решения только на основании действующего в стране законодательства. Все его постановления были обязательными для исполнения на всем пространстве Российской империи.

Приговор суда не мог быть изменен, приостановлен или аннулирован даже по прямому указанию правительства. По мнению проевропейски настроенных членов Государственного Совета, данному положению необходимо было уделить особое внимание. Для автора проекта принцип самостоятельности суда при принятии решений в концентрированном виде отображал смысл и главное условие его существования. Свидетельство этому – четкость формулировок, описывающих отношения суда и государства: «Суд коммерческий решительный заключать будет приговоры без всякого со стороны вышних правительств перевершения»³⁷. Единственным руководством для работы коммерческого суда должны были быть, гарантирующие права личности на свободу и неприкосновенность частной собственности, «коренные законы». При этом в равной степени учитывались интересы всех соревнующихся в ходе разбирательства дела сторон: предусматривалось правило, по которому любые конфликты на сумму более 4000 р. могли быть повторно рассмотрены в том случае, если проигравшая сторона подавала апелляцию в коммерц-коллегию.

В компетенцию коммерческого суда входили гражданские и уголовные дела «до коммерции по всем частям и зависимостям касающиеся». Рассмотрению подлежали иски кредиторов к должникам, дела о банкротстве или незаконном присвоении собственности. Суд имел право выносить постановления о расторжении договоров и принудительной распродаже имущества тех субъектов экономических отношений, которые умышленно не выполняли условия подписанной ими ранее сделки. Недобросовестное исполнение финансовых обязательств считалось в этом случае прямым нарушением прав собственника.

На сегодняшний день очевидно, что воплощение на практике проекта Н. С. Мордвинова о коммерческих судах значительно укрепило бы

экономическое положение и правовой статус российских предпринимателей. Однако данный проект, как и многие другие аналогичные предложения ориентированной на запад дворянской элиты, стали лишь своего рода декларацией, обозначившей стратегические цели и инструменты конструирования эффективного механизма защиты прав личности. Созданные в действительности с 1808 г. в Одессе, Таганроге, а в 1819-1820 гг. в Феодосии и Архангельске, коммерческие суды были лишены многих, предусмотренных первоначально полномочий: они не могли выносить приговоры о принудительном взыскании задолжности и компенсации материального ущерба. В результате большинство решений имели, по сути, рекомендательный характер, что существенно искажало смысл деятельности коммерческих судов и превращало их существование в простую формальность.

К сожалению, процесс перерождения изначально заложенной в проекте либеральной идеи создания независимых от власти общественных структур, способных защитить «естественные» права человека, к моменту ее реализации чрезвычайно сложно проследить по дошедшим до нас источникам в силу их противоречивости и фрагментарности. Лишь на основании отдельных фраз, оговорок и отрывков личной переписки можно предположить, что причины такой трансформации лежали в двух плоскостях. С одной стороны, немаловажную роль играло отсутствие какого-либо опыта эффективного функционирования аналогичных судов, как в обозримом историческом прошлом Российской империи, так и ведущих европейских стран. С другой стороны, немедленное полномасштабное внедрение всех положений проекта не соответствовало сложившимся представлениям об оптимальных методах проведения преобразований: темпы реформирования должны диктоваться не столько желанием разработчика в корне изменить окружающую действительность, сколько стремлением улучшить существующий порядок, подготовить почву для появления новых, более прогрессивных отношений, не разрушая при этом все жизнеспособные элементы старых. Одномоментное создание на всей территории Российской империи независимых от власти судебных структур, обладающих широкими полномочиями при разрешении имущественных споров, считалось достаточно рискованным экспериментом. Необдуманное его проведение могло, по мнению представителей правительственной элиты, привести к увеличению количества судебных тяжб и как следствие, – повышению общего уровня конфликтности взаимоотношений между собственниками. В этой связи учреждение коммерческих судов

лишь в нескольких городах рассматривалось как первичная апробация, проверка на применимость и «вживляемость» либеральных институтов защиты интересов личности в российских условиях. Для большинства адептов либеральных ценностей в России важно было не столько организационное оформление идеи независимых третейских судов, которое могло варьироваться, сколько принципиальная оценка, признание необходимости учреждения в России подобных структур. О целесообразности создания таких судов, называемых «особыми», «коммерческими» или «третейскими», неоднократно говорилось на заседаниях Государственного Совета на протяжении всего царствования императора Александра I. Так, например, на заседании 31 декабря 1811 г. большинство членов Государственного Совета высказались за «составление особенного учреждения для разбора спорных дел между казною и частными людьми»³⁸. При этом подчеркивалось, что с появлением такого рода «учреждений» российские предприниматели смогут чувствовать себя более уверенно.

В понимании проевропейски ориентированной правительственной элиты либеральное требование защиты личности от вмешательства извне не означало противопоставления индивида государству. Взаимоотношения этих двух субъектов экономических отношений не имели, с точки зрения адептов либерализма в России, контрастного характера: правительство никогда не должно рассматривать личность в качестве противника или конкурента и ставить перед собой цель каким-либо образом ущемить ее интересы. Напротив, анализ многочисленных проектов, «мнений» и «голосов» показывает, что большинство представителей правительственной элиты отчетливо понимали взаимозависимость личности и государства.

Бесспорным считалось утверждение о невозможности функционирования государства без участия граждан, т. к. именно труд отдельных индивидов, их активная хозяйственная деятельность создает основные материальные ценности и является главным производственным ресурсом для развития любой страны. После знакомства с работами А. Смита не требующим дополнительной аргументации постулатом стало утверждение о том, что «от числа народа зависит числа и богатство государства»³⁹. Все, от ежегодного пополнения государственной казны до поддержания боеспособности армии и повышения международного авторитета страны, связывалось с экономическим благополучием граждан.

Со своей стороны личность была не менее заинтересована в существовании государства. Без установленной правительством системы законов, ограждающих от посягательств на свободу и частную собственность, личность оказалась бы вовлечена в жесточайшую борьбу с другими индивидами за более полное удовлетворение своих потребностей. В этих условиях, человек будет вынужден в большей степени заботиться о своей безопасности, нежели о приумножении богатства.

Содержательно подобный взгляд на отношения личности и государства не был результатом самостоятельного осмысления закономерностей жизнедеятельности общественного организма. Подобные рассуждения встречались в работах многих европейских мыслителей, начиная от Т. Гоббса и Дж. Локка до Д. Дидро, И. Бентама и Ч. Беккариа. Однако заимствованные извне идеи сами по себе не могли перерасти в убеждение в случае резкого противоречия со сложившимися в непосредственно окружающей индивида среде стереотипами. В данном контексте огромную роль в процессе усвоения концепции взаимозависимости государства и личности, на мой взгляд, играла принадлежность к высшему слою российского чиновничества, к системе выработки и принятия решений. Перманентная вовлеченность в процесс поиска оптимальных форм организации денежно-эмиссионной, налоговой и таможенной политики, обуславливала осознание практической значимости определения основных принципов экономических взаимоотношений личности и государства.

§ 2. Оптимальные модели исполнения государственных обязательств в сфере экономики

По мере накопления опыта работы во властных структурах и увеличения объема доступной информации о положении в стране, формировалось понимание того, что теоретическое правовое равенство личности и государства как двух самостоятельных субъектов экономических отношений на практике не означает равенства обязанностей. Государство, обладая целым рядом действенных рычагов управления общественным развитием, кроме обязанности гарантировать соблюдение «естественных»

прав личности, выполняет особые функции и имеет повышенные моральные обязательства перед гражданами.

Прежде всего, правительство обязано всеми доступными ему законными способами поддерживать стабильность национальной денежной системы. Любые ошибки правительства, приведшие к снижению платежеспособности рубля, должны были бы компенсироваться гражданам. В начале XIX в. одной из таких ошибок, допущенных еще в царствование императрицы Екатерины II, считался выпуск ассигнаций. Первоначально они должны были заменить собой огромную массу неудобных при транспортировке и проведении расчетов медных монет. При этом формально ассигнации по желанию их владельца могли свободно обмениваться в государственных банках, как на медные монеты, так и на серебряные рубли. Фактически же обмен производился, как правило, только на медные деньги.

В первые несколько лет введение бумажных денежных знаков дало положительный экономический эффект. Однако одновременно с увеличением товарооборота правительство получило достаточно легкий способ пополнения, в случае необходимости, государственной казны за счет выпуска новых ассигнаций, которым оно пользовалось неоднократно. В итоге неумеренный рост числа ассигнаций привел к их обесцениванию. За последнее десятилетие XVIII в. произошло значительное снижение курса ассигнаций по отношению к серебряному рублю: в 1790-е гг. он упал с 87 к. до 66¼ к. за 1 р. к 1800 г.⁴⁰ Со временем падение курса стало долговременной тенденцией и привело к еще более серьезным последствиям – быстрому росту темпов инфляции. По данным, опубликованным в «Статистическом журнале» за период с 1801 по 1802 гг. произошло четырехкратное увеличение потребительских цен на основные продовольственные товары⁴¹. По свидетельству В. П. Кочубея, к 1814 г. ассигнации обменивались на «звонкую монету» лишь в соотношении один к четырем, а рост цен составлял 20 %⁴². Частично ухудшение финансового положения связывалось с военными действиями 1812–1815 гг., но главной причиной, чаще всего, называлось «непомерное увеличение числа ассигнаций».

В сложившихся условиях Д. А. Гурьев, В. П. Кочубей, Н. С. Мордвинов, П. В. Лопухин, А. Б. Куракин, М. М. Сперанский, Н. Н. Новосильцев и многие др. представители правительственной элиты России счита-

ли, что государство обязано возместить населению хотя бы часть, обесценившихся в результате его непродуманной эмиссионной деятельности, денежных средств. Они были уверены: без проведения соответствующих реабилитационных, по своей сути, мероприятий, дальнейшая активизация экономической деятельности в нашей стране невозможна. Кроме этого государство в течение достаточно длительного промежутка времени не сможет рассчитывать на финансовую поддержку частных лиц в форме каких-либо займов, т. к. теперь, по словам В. П. Кочубея «...по недостатку доверия к правительству... неохотно частные люди вверят капиталы свои...»⁴³. Восстановление доверительных отношений между гражданами и государством в данном контексте представлялось необходимым и взаимовыгодным.

Большинством голосов в Государственном Совете было рекомендовано правительству прекратить дальнейший выпуск новых и начать изъятие из обращения старых ассигнаций с последующим их уничтожением. До момента полного завершения данной операции все находящиеся в обороте ассигнации были признаны внутренним государственным долгом. По расчетам М. М. Сперанского на 1810 г. сумма долга равнялась 577 млн. р.⁴⁴ Официальное признание долговых обязательств государства было закреплено в манифестах от 2 февраля и 27 июня 1810 г., в которых было высказано намерение учредить особую «комиссию погашения долгов». Основной задачей созданной 27 мая 1810 г. комиссии погашения долгов объявлялось «изыскание» финансовых ресурсов для стабилизации курса ассигнаций и частичной замене их на новую «звонкую монету».

Члены комиссии предлагали различные варианты финансирования данной операции. М. М. Сперанский, например, считал возможным получить необходимые средства за счет перераспределения таможенных сборов и продажи государственной собственности. Проданы могли быть «оброчные статьи, леса, старостинские и духовные имения в губерниях от Польши приобретенных»,⁴⁵ излишки меди, накопленные после приостановки чеканки медных монет, и даже часть казенных земель, проживающим на них государственным крестьянам⁴⁶. В 1817 г., когда общая номинальная стоимость находящихся в обращении ассигнаций составляла уже 836 млн. р.,⁴⁷ министр финансов Д. А. Гурьев утверждал, что погашение внутреннего ассигнационного долга невозможно без помощи со стороны

граждан. В записке «О государственных долгах», прочитанной на одном из заседаний Временного департамента Государственного Совета,⁴⁸ он подчеркивал необходимость разработки нового порядка кредитования гражданами различных государственных программ. Принципиально важно, с точки зрения соблюдения правительством своих обязательств перед гражданами, по его мнению, обеспечить не только целевое использование полученных от населения средств, но и регулярно выплачивать дивиденды, размер которых зависел бы от суммы и срочности кредита. Данные о займах должны были фиксироваться в особых «долговых книгах». На все подобные вклады граждан должно было быть распространено правило, в соответствии с которым ни государство, ни какое-либо частное лицо не имело бы права аннулировать, наложить штраф или требовать уплаты долгов из сумм добровольно предоставленных индивидом правительству. Неукоснительное соблюдение предлагаемых автором положений сделает, по его словам, «заем государственный, на благоразумных правилах учрежденный, ...новым источником собственности, который обращается в пользу... торговле, промышленности и земледелию»⁴⁹.

Для Д. А. Гурьева, так же как и для М. М. Сперанского и В. П. Кочубея, была очевидна взаимосвязь между «всегдашним соблюдением правды» в отношениях с гражданами и темпами интенсификации отечественной экономики. Они были убеждены, – ускорение темпов экономического развития страны станет возможным только тогда, когда правительство будет стремиться к достижению компромиссных решений, учитывающих как государственные потребности, так и интересы частных предпринимателей. Именно такое теоретическое обоснование выдвигал Дмитрий Александрович, называя главным достоинством своего проекта тот факт, что предлагаемый им порядок формирования капиталов комиссии погашения долгов одновременно «не нарушает принятых казною обязательств и не стесняет частной свободы»⁵⁰.

Кроме сохранения стабильности национальной финансовой системы и компенсации населению материального ущерба, нанесенного в результате ошибочных действий правительства, в кругах образованного российского дворянства важнейшей обязанностью государства считалось создание благоприятных условий для развития частного предпринимательства. Речь, как правило, велась не о пассивном ожидании результатов «разре-

шительных» постановлений правительства, а об активном стимулировании отечественного производителя. При этом особо подчеркивалось, что активная позиция государства не должна проявляться в форме какого-либо принуждения и ограничивать свободу экономической деятельности личности. Чаще всего, в ходе обсуждения в Государственном Совете идеальных норм взаимоотношений правительства и общества, высказывалась мысль о целесообразности оказания государством посильной финансовой помощи и покровительства всем тем, кто хотел бы открыть собственное производство.

Ярким примером существования в Совете подобных настроений может служить проект Н. С. Мордвинова «О трудопоощрительном банке» (1801–1803 гг.)⁵¹. Основная цель его создания определялась автором так: «намерение учреждения сего есть всеми образами поощрять и возбуждать охоту к трудолюбию, яко источнику, из которого истекает изобилие, сила, и благополучие народное...» для чего «всякий, не имеющий довольного достатка к производству умозрений своих в действо, получает от банка руку помощи»⁵². Основным инструментом «помощи» должен был стать долгосрочный кредит. В перспективе деятельность трудопоощрительного банка, по мысли автора проекта, должна была привести к значительному подъему производства. Но получение такого результата можно было ожидать только при «разумном» использовании предоставляемых банком средств. Наибольшая эффективность работы банка могла быть достигнута в том случае, если все выданные им кредиты были бы направлены на развитие промышленности и сельского хозяйства. Именно поэтому Н. С. Мордвинов считал целесообразным установить жесткий контроль за порядком кредитования частных лиц. Так, например, банк не имел права финансировать деятельность, связанную с «кратковременным наслаждением или ненужным украшением и роскошью некоторого числа людей»⁵³. Производство или покупка драгоценностей, организация разного рода торжеств, путешествий и т. д., не могли быть признаны достаточным основанием для обращения в трудопоощрительный банк.

По проекту лицо, желавшее получить пособие от банка, должно было предоставить подробный план своего будущего предприятия, засвидетельствованный губернатором и двумя-тремя дворянами своей губернии. Размер кредита и величина ссудного процента устанавливалась в зависимости

от наличия у предпринимателя собственности и опыта ведения самостоятельной хозяйственной деятельности. Для обеспечения надежности и стабильности трудопоощрительного банка он должен был находиться под патронажем государства: ежегодно из государственного бюджета на его счета предполагалось переводить до 2 млн. р.⁵⁴ Такая зависимость от государства обусловлена, по мнению Н. С. Мордвинова, прежде всего, отсутствием в России развитой кредитно-банковской системы.

Выполняя роль катализатора развития отечественной экономики, трудопоощрительный банк должен был быть не просто кредитно-финансовым учреждением. Он задумывался как всероссийский центр развития производства, внедрения передовых технологий и распространения основ экономической теории. Отношения банка с клиентом не должны были ограничиваться заключением договора регулирующего порядок получения и возвращения кредита. Предоставляя кредит, трудопоощрительный банк обязан был в случае необходимости (допустим, при расширении или модернизации предприятия), осуществлять квалифицированную помощь по организации производства, для чего в его штате должны были состоять физики, химики, механики, агрономы, минерологи др. Высокий уровень научно-технической поддержки обеспечивала собственная типография, в которой издавались бы различные периодические издания, информирующие предпринимателей о последних мировых достижениях в области организации производства⁵⁵. Кроме этого ускоренной интенсификации российской экономики, по мысли автора проекта, должны были способствовать и дополнительные льготы проживающим в России иностранцам, которые могли получить в банке ссуду без залога при условии, что они обучат новым технологиям двух-трех учеников из числа местного населения.

Следует отметить, что предлагаемый Николаем Семеновичем вариант стимулирования частной инициативы, в соответствии с которым государство выступало в роли заинтересованного партнера, готового в любой момент оказать необходимую предпринимателю помощь, вызывал достаточно большой интерес в правительственных кругах и был одобрен в январе 1802 г. императором Александром I⁵⁶. Чуть позднее, в сентябре 1803 г., по инициативе министра финансов графа А. И. Васильева, проект был представлен на рассмотрение Непременного (Государственного) Со-

вета. Однако масштабность поставленных автором перед Трудопоощрительным банком задач, сложность механизма его функционирования и объем предполагаемых в случае реализации проекта государственных затрат, обусловили принятое при первом же его рассмотрении решение о необходимости более внимательного и детального ознакомления: проект Н. С. Мордвинова мог быть вынесен на обсуждение Общего собрания Государственного Совета только после того, как все его члены письменно представят свои поправки и замечания. В результате «особой процедуры» рассмотрения проекта его обсуждение периодически переносилось, т. к. не все члены Совета своевременно предоставляли свои отзывы. Такое положение сохранялось достаточно долго. Уже в сентябре 1812 г. Н. С. Мордвинов писал о судьбе своего предложения: «Кто из министров и членов Совета читает оный со вниманием мне не известно»⁵⁷. В итоге, рассмотрение проекта Н. С. Мордвинова «О трудопоощрительном банке» было изъято из планов работы Государственного Совета.

Возможно, причинами такого исхода было стремление представителей правительственной элиты не только детально рассмотреть предложение Николая Семеновича, но и дождаться появления других, альтернативных ему проектов. Немаловажную роль, по всей видимости, сыграло и то обстоятельство, что в случае реализации данного проекта государство вынуждено было бы существенно увеличить свои расходы. В условиях же устойчивого роста бюджетного дефицита увеличение его расходной части считалось несвоевременным.

Не менее интересным, с точки зрения исследования процесса поиска адептами либеральных ценностей в России различных вариантов стимулирования отечественной экономики, является письмо министра внутренних дел О. П. Козодавлева Государственному секретарю М. М. Сперанскому от 22 ноября 1810 г.⁵⁸. Автор письма представил подробный анализ результатов внедрения предложенной в 1803 г. В. П. Кочубеем схемы кредитования российских предпринимателей. В соответствии с планом В. П. Кочубея в Заемный банк, начиная с 1804 г. из государственного казначейства перечислялось по 100 т. р. ежегодно. Сформированный таким образом капитал, должен был использоваться, по мысли автора, «...для вспомоществования промышленности и трудолюбия». Однако по истечении шести лет с начала субсидирования, проведенная в 1810 г. ре-

визия установила, что все предпринимаемые правительством усилия не привели к сколько-нибудь удовлетворительным результатам. Обращаясь к М. М. Сперанскому, О. П. Козодавлев подчеркивал, что этот факт не должен остаться без внимания правительства, напротив, – сложившееся положение давало повод к выявлению недостатков и выработке нового порядка кредитования граждан.

Необходимость пересмотра кредитной политики государственного заемного банка, по его мнению, очевидна, т. к. весь собранный правительством капитал «...роздан был большею частью на предметы к мануфактурной промышленности никакого отношения не имеющие». В подтверждение своих слов он приводит неоспоримые доказательства. По его расчетам на кредиты и субсидии частным лицам заемный банк израсходовал 2141458 р. 43 к., но только 315226 р. 82 к. из них были фактически потрачены на развитие производства⁵⁹. Все эти данные были переданы в Департамент Государственной экономии Государственного Совета.

Обсудив на одном из заседаний полученную информацию, большинство членов данного департамента высказалось за приостановку дальнейшей выдачи ссуд частным гражданам и усиление финансового контроля за деятельностью заемного банка. При этом, по свидетельству Н. И. Тургенева, особую тревогу вызывало не только нецелевое использование денежных средств, но и то обстоятельство, что большинство из тех, кто израсходовал полученную от банка ссуду на развитие собственного производства, рано или поздно разорялись⁶⁰.

Негативный опыт поощрения частной хозяйственной деятельности обусловил двойственное отношение к используемым до сих пор методам оказания государственной поддержки. Одновременно с признанием моральных обязательств государства перед гражданами, у некоторых представителей правительственной элиты России возникло сомнение в целесообразности дальнейшей деятельности в этом направлении. Множество вопросов вызывал тот факт, что хорошо проработанные на бумаге и, не вызывающие первоначально никаких сомнений теоретические схемы «воспомоществования» экономически активной части населения, при их реализации не срабатывали или приводили к совершенно противоположному результату. К примеру, направление правительством средств на кредитование частных лиц увеличивало дисбаланс в государственном

бюджете и, как следствие, детерминировало увеличение налогов, что существенно осложняло положение коммерсантов. Таким образом государство, стремясь помочь предпринимателю, фактически создавало дополнительные препятствия для его активного развития.

Разрешение данного противоречия в экономической политике государства представлялось возможным двумя способами. С одной стороны, действенной мерой считалось введение принципа личной ответственности министра финансов и установление жесткого контроля за расходной частью бюджета. Отражением подобных настроений стало создание в 1818 г. Совета государственных кредитных установлений, который осуществлял надзор за всеми кредитными операциями и состоял из чиновников различных министерств и ведомств⁶¹. Он не входил в состав министерства финансов и работал под руководством председателя Государственного Совета князя П. В. Лопухина, хотя и координировал свою деятельность с министерством финансов и учрежденным с 1808 г. межведомственным Финансовым комитетом. В этой связи следует отметить, что появление новых управленческих структур многими членами Государственного Совета признавалось почти единственным способом выполнения обязательств перед гражданами. Укрепление бюрократического аппарата создавало иллюзию контролируемости, полной управляемости экономическими процессами, придавало дополнительную уверенность в возможность полноценного воплощения на практике идеальных теоретических конструкций. В некоторых случаях происходило смещение акцентов с проблемы выработки эффективных мер по стимулированию экономически активной личности на проблему повышения управляемости государственных институтов. Подобный взгляд на характер взаимоотношений личности и государства был обусловлен ежедневно окружающей представителей правительственной элиты России средой, и воспроизводил сложившиеся в данной социальной группе еще с XVIII в. стереотипы.

С другой стороны, параллельно с признанием необходимости усиления финансовой дисциплины, главной целью государственного участия в экономической сфере считался запуск механизма естественного саморазвития отечественного производства. В соответствии с усвоенным из трудов либеральных европейских экономистов принципом *laissez faire, laissez*

sez passer, некоторые представители правительственной элиты, в ряду которых можно назвать Н. С. Мордвинова, М. М. Сперанского, Д. А. Гурьева, Н. Н. Новосильцева, С. П. Румянцева, В. П. Кочубея и др., были убеждены, что выход из сложившегося положения связан не столько с учреждением новых, контролирующих целевое использование бюджетных средств государственных структур, сколько с созданием благоприятных условий для экономической деятельности личности. Государство должно было заботиться о развитии частной инициативы, способствовать самоорганизации заинтересованных в финансовой стабилизации общественных институтов, способных обеспечить более эффективное использование денежных средств. При этом некоторые члены Государственного Совета, определяя идеальные нормы взаимоотношений государства и личности, отмечали, что присущая большей части населения страны привычка надеяться на помощь со стороны правительства тормозит развитие отечественной экономики. В одном из писем Н. Н. Новосильцеву Н. С. Мордвинов прямо пишет об этом: «Доколе народы ожидать будут события великих благ от правительства и искать будут средств в единых его сокровищах, то пройдут века, умрут поколения, исчезнут роды и всеобщее благоденствие не водворится между ними», до того момента, пока люди не осознают, что «совершенство общего благоустройства зависит от единения воли и усердия частных людей»⁶². Пассивность граждан, непонимание того, что «никакое из пособий правительства не может удовлетворить все общественные нужды»⁶³ во многом определяли безрезультатность усилий правительства в экономической сфере. Вторая причина провала политики государственного кредитования, по мнению многих представителей правительственной элиты того времени, состояла в чрезмерной бюрократизации существующего порядка субсидирования граждан, а также в стремлении чиновников всеми законными и незаконными способами получить прибыль от оформления подобных операций.

Для активизации деятельности граждан и уменьшения негативного влияния бюрократии Н. С. Мордвинов считал необходимым разработать принципиально иной, нежели существовавший до тех пор, порядок стимулирования частного предпринимательства. В идеале, созданный по инициативе государства новый механизм должен был стать независимым

от его прямого давления и контролироваться гражданами. Объясняя свою позицию по данному вопросу, он в 1816 г. в одном из личных писем Н. Н. Новосильцеву писал: «Я соучаствуя в управлении, видел на опыте невозможность преодолеть все восстающие одна за другою препятствия, и тогда я начал помышлять о способах независимых...»⁶⁴.

Формообразующим элементом новой системы кредитования, по мысли Николая Семеновича, могли стать частные губернские банки. В «Рассуждении о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» (1813) Н. С. Мордвинов изложил проект создания в России разветвленной системы местных банков⁶⁵. Интересно отметить, что по форме собственности и способам управления, предлагаемые им банки должны были быть и не государственными, и не частными в полном смысле этого слова. Независимые от государственного контроля губернские банки не являлись бы собственностью одного лица, а представляли собой своеобразные банковские кооперативы, в которых каждый вкладчик пропорционально размеру его финансового участия считался бы совладельцем банка. Весь капитал губернских банков образовывался бы посредством относительно небольших добровольных взносов населения, причем за крепостных крестьян взнос могли делать их «душевладелец».

Существующие за счет финансовых вложений частных лиц банки, стали бы, по мысли автора, местными центрами кредитования и взаимной финансовой поддержки граждан. В обязательном порядке создать подобные банки предполагалось в каждом губернском городе России, что позволило бы стимулировать экономическую активность граждан даже в самых отдаленных районах страны. «Великое пространство Империи Российской, – писал Н. С. Мордвинов, – требует и собственных хранилищ, могущих каждому лицу, всегда быть открываемы для доставления в своем круге того, что удовлетворяет нужды и пользы, и что служит к просвещению»⁶⁶. По мере расширения банковской сети предполагалось предоставить им право эмиссии денежных банкнот, которые должны были быть обеспечены коммерческими векселями и свободно обменивались бы на серебро. Таким образом, параллельно с повышением эффективности субсидирования частного предпринимательства, возможно, была бы восстановлена устойчивость национальной денежной системы.

Концептуально, предложенный адмиралом Н. С. Мордвиновым метод активизации экономической деятельности индивида был одобрен императором Александром I⁶⁷. По его распоряжению в 1813 г. для всестороннего обсуждения в Государственном Совете было отпечатано 25 экземпляров данного проекта, а в 1816, 1817 и 1829 гг. «Рассуждение о могущих последовать пользах от учреждений частных по губерниям банков» было издано для широкого круга читателей⁶⁸. Однако, уже одобренный верховной властью, данный проект в кругах образованной дворянской элиты получил неоднозначную оценку. Наряду с положительными отзывами предложение вызвало и ряд негативных высказываний. Одни считали, что иницилируемые Н. С. Мордвиновым действия, приведут к ослаблению финансовых позиций государства, и в конечном итоге, могут поставить под удар выполнение им своих внутри- и внешнеполитических функций, что в условиях постоянно возникающих международных конфликтов представлялось совершенно недопустимым. Примером настороженного отношения к проекту Н. С. Мордвинова может служить высказывание Е. Ф. Канкрина, занимавшего с 1823 по 1844 гг. пост министра финансов: «По нашему крайнему убеждению, вовсе не должно бы позволять учреждение частных банков, так как заменить их можно было бы учреждениями более прочными; были бы то правительственные банки или же банки официозные, состоящие не только под контролем правительства, но и под его руководством. В противном же случае страна при возрастающем критическом положении в Европе, будет постоянно стоять на вулкане катастроф...» или «...по крайней мере, каких-то вредоносных недоразумений»⁶⁹. Другие представители правительственной элиты, напротив, подчеркивали, что предложенный Николаем Семеновичем вариант стимулирования частного предпринимательства в условиях постепенного снижения финансовых возможностей государства является вполне приемлемым.

Признание за государством обязанности помогать гражданам при одновременном понимании сложности, связанных с исполнением этих обязательств проблем, отражает противоречивость мировоззрения правительственной элиты первой четверти XIX в. Принадлежность к системе выработки решений и особый, русско-европейский тип образования обусловили сосуществование двух идейных установок. С одной стороны, бесспорным

считалось утверждение, что пассивная позиция государства в сфере экономики может привести к дестабилизации положения в стране. В этом смысле апелляция к государству как к организатору либеральных преобразований базировалась на представлении о множественности и чрезвычайной сложности, возникающих в ходе реформирования сложившегося в России социально-экономического уклада, проблем. Многие либерально настроенные члены Государственного Совета, осознавая гетерогенность интересов личности и государства, считали целесообразным сохранение сильного государства, способного последовательно воплощать либеральные принципы в жизнь, обеспечивая посредством, имеющихся в его распоряжении средств, соблюдение социального мира и порядка в обществе. С другой стороны, усвоенное в процессе знакомства с трудами европейских либеральных мыслителей атомарно-механистическое представление о природе общественных процессов, где личность – главный двигатель развития социума, сформировало потребность определить для себя границы и оптимальные формы государственного участия в экономике.

Одним из возможных способов выполнения государственных обязательств перед гражданами члены Государственного Совета считали уменьшение количества регламентирующих хозяйственную деятельность индивида нормативных актов. Минимизация вмешательства в дела предпринимателей, по их мнению, могло стать действенным методом повышения инициативности граждан. Для Д. А. Гурьева, например, данное утверждение было аксиоматичным. В одном из особых мнений, представленном Александру I в 1802 г., он призывал императора при разработке каких-либо экономических преобразований всегда помнить о том, что «коммерция основана на свободе»⁷⁰. Отвечая на поставленный перед собой вопрос о задачах и оптимальных формах участия государства в экономике, он подчеркивал бесполезность создания новых административно-контролирующих структур, и в качестве основного доказательства истинности своих слов цитировал А. Смита: «сколько неприлично купеческим обществам править государствами, столь несвойственно никакому государственному правлению вступаться в коммерческие обороты»⁷¹. При этом следует отметить, что Д. А. Гурьев, как и многие другие его коллеги, не призывали к полному самоустранению государства из экономической жизни общества. Говоря о «коммерческой свободе» речь, прежде всего,

шла о предоставлении личности большей самостоятельности и переключении внимания государства с сугубо административных, на более мягкие и «естественные» методы управления экономическими процессами.

Поиск компромиссных решений, стремление одновременно учитывать интересы казны и частных лиц, – важная составляющая мировоззренческой позиции представителей европеизированной дворянской элиты России первой четверти XIX в., которая оказывала большое влияние на характер принимаемых ими постановлений. Сосуществование либеральных и традиционных этатистских ценностей в сознании зафиксировано в одном из протоколов заседания Департамента Законов Государственного Совета. На обсуждение был вынесен вопрос: «можно ли, следующие к выдаче из казны подрядчику деньги удерживать для удовлетворения частных его кредиторов?»⁷². Интересно, что большинство участников обсуждения, отмечая сложность разрешения подобных споров перед принятием окончательного решения, неоднократно подчеркивали неоспоримость прав кредитора на взыскание с невыполнившего условия сделки коммерсанта, и говорили о необходимости «удерживать» выплаты государством денежных средств в «обеспечение заимодавца». Более того, гарантией соблюдения прав собственника, пострадавшего от нечестной коммерческой деятельности, должна была стать процедура принудительного, после соответствующего решения суда, изъятия части имущества должника. Одновременно с этим участники обсуждения поддержали замечание председателя Департамента Законов Государственного Совета Д. И. Лобанова-Ростовского о необходимости параллельно с защитой прав кредитора учитывать и финансовые интересы государственного казначейства. В результате дискуссии был выработан особый порядок рассмотрения подобных споров: все конфискационные мероприятия могли проводиться по решению суда и только после выполнения подрядчиком всех обязательств перед государством. С этого момента казначейство вправе приостановить расчетные операции с подрядчиком, направляя необходимые для погашения его личных долгов третьим лицам деньги, непосредственно на счета кредиторов⁷³.

Столкновение разнородных по своей идейной направленности либеральных и этатистских ценностей неизбежно приводило к возникновению перед человеком проблемы выбора, постепенной корректировки личной

системы координат. Анализируя в каждом конкретном случае соотношение аргументов «за» и «против» принятия того или иного решения, высокопоставленный чиновник, как правило, должен был сделать выбор между логически непротиворечивыми теоретическими схемами западноевропейских экономистов и хорошо отработанными традиционными методами управления российской экономикой. Принимаемые таким образом решения, сопровождались многочисленными оговорками и обосновывались либо ссылками на сочинения ведущих европейских мыслителей, либо историческими примерами разрешения аналогичных вопросов в России. И если при рассмотрении частных дел члены Государственного Совета нередко находили «золотую середину» и принимали компромиссное решение, то в случае разработки государственного курса в общероссийском масштабе это не всегда удавалось. Данная тенденция отчетливо просматривается при обсуждении проблемы пополнения государственного бюджета и выработки оптимальных методов проведения государством налоговой политики.

На рубеже XVIII–XIX вв. несовершенство существующей системы налогообложения было очевидным фактом. Примерно с 1810 г. все чаще высказывались мнения о том, что многократное усиление налогового пресса посредством введения новых или повышения старых налогов не может считаться надежным способом финансовой стабилизации, а очередное увеличение размера податей в условиях постепенного роста объема, необходимых правительству для ведения многочисленных войн ресурсов, дает лишь кратковременный эффект. Накопленный за десять лет опыт показывал, что, наблюдавшийся в результате повышения налогов относительный рост денежных поступлений, как правило, не удовлетворял ежегодно возрастающих государственных потребностей. Такое положение на фоне снижения платежеспособности основной массы населения вызывало в обществе достаточно серьезную критику налоговой политики правительства.

Недовольство в равной степени высказывали как представители купечества, офицерства, мелкого и среднего дворянства, так и члены Государственного Совета, многие из которых занимали министерские посты. Для того чтобы убедиться в наличии общественного недовольства фискальной политикой государства достаточно сравнить два, сопоставимых

друг с другом по стилю изложения и степени обобщенности содержащейся информации, документа – «Краткое изложение постановлений Государственного Совета в отношении устройства финансов с 21 января 1810 по 29 января 1812 года состоявшихся»⁷⁴ и «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства»⁷⁵. В первом из них, дан подробный обзор решений, одобренных большинством голосов членов Государственного Совета при рассмотрении различных вариантов стимулирования развития российской экономики. Внимательное его прочтение не оставляет у исследователя сомнений в понимании участниками подобных обсуждений бесперспективности сложившейся в России практики повышения налогов, и не только с точки зрения пополнения доходной части бюджета, но и в силу негативного влияния ужесточения налоговой политики на социально-экономическое развитие страны в целом. Например, на заседании 31 декабря 1810 г. было принято постановление, в котором выражалась обеспокоенность в связи с планами очередного повышения налогов. «Подати и налоги существующие ныне в России, – говорится в документе, – в сравнении с другими государствами, при первом воззрении кажутся весьма умеренны, но при ближайшем рассмотрении открывается, что... они каждый год удаляясь от прежней своей соразмерности, ныне соделались весьма обременительны, а особливо если принять в соображение все личные и вещественные тяжести на народе лежащие...»⁷⁶. На этом же заседании было признано недопустимым введение новых косвенных налогов в виде разного рода пошлин и сборов, которые, по мнению сановников, «могут только... истребить в самом корне слабые начатки трудолюбия»⁷⁷. Аналогичная критика методов пополнения государственной казны содержится и в «Своде показаний злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства», составленном на основании писем и показаний Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгельг, А. А. Бестужева, П. Г. Каховского и Г. А. Перетца. Все они, признавая функциональную необходимость существования налоговой системы как таковой, были убеждены в том, что «подати собираемые для пользы Граждан не могут быть тягостны», но проводимая правительством «неразумная» налоговая политика привела к положению, когда «народ, отягченный неправильным сбором податей и отправлением разного рода повинностей, впал в недоимки»⁷⁸.

Негативное отношение общества, а также ежегодное рассмотрение проекта государственного бюджета обуславливали особую актуальность для членов Совета проблемы модернизации существующей в стране системы налогообложения. Дело в том, что в соответствии с установленным с начала XIX в. порядком, каждое министерство не позднее 15 ноября представляло свои финансовые отчеты, которые после сведения их в единую роспись государственных доходов и расходов, вносились министерством финансов на рассмотрение в Государственный Совет, а затем поступали на утверждение императору. Обсуждение отчетов министерства финансов, чтение особых мнений и предложений своих коллег было мощным фактором формирования собственной позиции, придавало дополнительный импульс размышлениям о возможных способах нормализации взаимоотношений государства и граждан.

Некоторые члены Государственного Совета, обладая развитым чувством социальной ответственности, говорили об опасности в случае продолжения политики усиления налогового пресса серьезной дестабилизации общественных отношений. Н. С. Мордвинов, например, напоминал, что именно финансовые проблемы были первопричиной вспыхнувшей во Франции «кровоавой революции»⁷⁹, а А. Чарторыйский в «Мнении о финансовом плане на 1811 год»⁸⁰, говорил о бесполезности введения новых налогов, т. к. это не только не поможет устранить дисбаланс в государственном бюджете, но и «бессомненно возвысит цены на все продукты», провоцируя усиление инфляционных процессов.

Неприятие существовавшей практики удовлетворения ежегодно возрастающих потребностей государства иногда выражалось в достаточно резкой форме. В одной из записок «Неизвестного члена Государственного Совета», датированной 1806 г., говорилось о недопустимости разрешения финансовых проблем государства за счет граждан. В этом смысле главная ошибка правительства, по мнению автора записки, состояла в неспособности правильно планировать свою финансовую политику: правительство должно было заранее думать о том, где и за счет каких дополнительных ресурсов, можно было бы покрыть регулярно возникающие «чрезвычайные расходы»⁸¹.

Проблема удовлетворения финансовых потребностей государства, не подрывая при этом экономическое благополучие граждан, волновала

многих представителей правительственной элиты России. Неоднократно воспроизводилось принятое 31 декабря 1810 г. большинством голосов Общего собрания Государственного Совета утверждение о том, что «...налоги нужно не повышать, а лучше устраивать»⁸². На протяжении всего периода царствования императора Александра I приверженцы либеральных ценностей разрабатывали различные проекты преобразования отечественной системы налогообложения. Н. И. Тургенев в работе «Опыт теории налогов» (1818 г.) предлагал изменить сам принцип взимания налогов. Существующая со времени Петра Великого подушная подать, должна была быть заменена прогрессивным поземельным налогом, который взимался бы не по количеству душ мужского пола, а соответствовал реальным доходам землевладельца. Для тех же, кто не имел земли принцип подоходности налогообложения выражался бы в форме налога на недвижимую собственность⁸³. При этом Н. И. Тургенев настаивал на отмене всех, существовавших до тех пор косвенных сборов, аргументируя это тем, что реализация его предложения сделает подати «посильными», а, следовательно, позволит большему количеству людей вовремя и в полном объеме выплачивать установленные правительством налоги.

Не менее эффективным способом смягчения налогового давления на граждан считалось снижение государственных расходов. Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, А. А. Чарторыйский, С. П. Румянцев, В. П. Кочубей считали целесообразным в процессе поиска приемлемых методов выравнивания дисбаланса государственного бюджета, обращать особое внимание не столько на изыскание новых источников пополнения казны, сколько на существующее соотношение расходов и доходов. По их мнению, необходимо было провести детальный анализ расходной части главного финансового документа страны с целью определения жизненно важных и последующего исключения «излишних» затрат государства.

В общем виде, признание в качестве одного из наиболее действенных и безопасных методов стабилизации в финансовой сфере, по словам А. А. Чарторыйского, «понижения государственных расходов соответственно ресурсам страны»⁸⁴ было достаточно распространено. Так, например В. П. Кочубей, одним из возможных шагов в этом направлении считал сокращение расходов на содержание неоправданно большого бюрократического аппарата⁸⁵.

Интересным, с точки зрения поиска способов финансовой стабилизации, представлялось современникам и неоднократно высказываемое А. А. Чарторыйским, В. П. Кочубеем и Н. С. Мордвиновым, предложение сократить государственные расходы за счет снижения затрат на содержание армии и флота. А. А. Чарторыйский на одном из заседаний департамента Государственной экономии Государственного Совета убеждал своих коллег в бесполезности введения дополнительных налогов в целях уничтожения бюджетного дефицита, т. к. многие финансовые проблемы правительства происходят «...большей частью от необходимости... высылать за границу важные суммы в золоте и серебре на содержание войск»⁸⁶. Более того, примерно с 1810 г., при обсуждении возможных вариантов сокращения государственных расходов нередко говорилось о целесообразности проведения кардинальной военной реформы, которая позволила бы минимизировать государственные затраты на армию, не снижая при этом уровня обороноспособности страны. В условиях, когда на содержание армии и флота ежегодно тратилось от 43 до 65 %⁸⁷ государственного бюджета, необходимость подобных преобразований для многих была очевидна.

В 1809–1810 гг. Н. С. Мордвинов представил Александру I проект военной реформы⁸⁸. В соответствии с ним российская армия должна была самостоятельно обеспечивать себя продовольствием, не разоряя, как это нередко случалось ранее, владельцев близлежащих селений «постоянной повинностью». По проекту в ведение военного министерства из числа государственных «безоброчных» владений должны были быть переданы пригодные для ведения хозяйства земельные участки из расчета 2000 дес. земли на 1000 чел. Для их обработки в состав каждого полка должны были быть включены 50 «пахарей». Создание подобных солдатских поселений, по мысли автора проекта, должно было существенно сократить государственные расходы на поддержание боеспособности армии, что в свою очередь, позволило бы правительству не повышать налоги. Данное предложение Николая Семеновича было горячо поддержано А. А. Аракчеевым, возглавлявшим с 1810 г. Департамент военных дел Государственного Совета⁸⁹. Вскоре Алексей Андреевич разработал свой собственный, хотя и принципиально идентичный предложению Н. С. Мордвинова, проект создания в России «военных поселений», и с согласия Александ-

ра I приступил к его реализации. При этом ряд представителей правительства горячо поддержали проект А. А. Аракчеева именно исходя из его экономической целесообразности. Так, например, В. П. Кочубей в одном из писем А. А. Аракчееву просил прислать ему «положение о военных поселениях», аргументируя свою просьбу следующим образом: «успехи опытов воинского поселения не могут не быть приятны всем тем, кои, умея размышлять и зная государство, должны удостоверены быть, что без таковых или иных вспомогательных распоряжений нет никакой возможности содержать от 700 до 900 тысяч войска, всегда готового в продолжении долгого времени»⁹⁰.

Следует отметить, что все изложенные выше предложения по реформированию налоговой системы, нередко аргументировались необходимостью упорядочить существующее положение дел. Подобная аргументация была характерна для всех, воспитанных в 1750–1790-х гг. XVIII в. на идеалах европейского Просвещения, представителей дворянской элиты. Вера в безграничные возможности разума, способность человека управлять общественными процессами, изучив по аналогии с происходящими в природе, законы их развития, на протяжении всей жизни задавала своеобразный алгоритм разрешения самых разных проблем. Стремление к рационализации окружающего индивида миропорядка, органично соединяясь с либеральными интенциями создать максимально благоприятные условия для раскрытия творческого потенциала свободной личности, проявлялось не только в проектах минимизации государственных расходов.

Иногда члены Государственного Совета, говоря о возможных негативных последствиях дальнейшего усиления налогового пресса, высказывались за более серьезную либерализацию отечественной системы налогообложения. Принципиально изменить сложившееся положение, по их мнению, могло снижение количества и размера налоговых выплат. Именно поэтому, разработка проектов уменьшения «тягостных повинностей» некоторым членам Государственного Совета представлялось наиболее «разумной» политикой, даже в том случае, если реформирование в данной сфере потребует дополнительных финансовых затрат⁹¹. Огромная значимость для развития российской экономики требовала и соответствующей тщательности при разработке окончательного решения по данному вопросу. В идеале, только после завершения знакомства с трудами

ведущих европейских экономистов и анализа исторического опыта реформирования налоговой системы в России, можно было бы приступить к широкомасштабным преобразованиям.

Однако стремление учесть все негативные и позитивные последствия снижения налогов не означает, что большинство либерально настроенной дворянской элиты призывало к бездействию. Уже с 1801 г. в Совете принимались решения о снижении различных налогов и сборов с тех, кто обращался к ним с подобными прошениями. Подтверждением этому может служить выписка из решения Совета от 26 декабря 1801 г. В этот день было принято постановление о целесообразности уничтожения налоговых сборов с «работных и служащих людей», сдающих жилье и занимавшихся мелкой торговлей в городах⁹². Аргументируя принятое решение, участники обсуждения подчеркивали, что уничтожение «тягостных для народа» налогов будет способствовать «ободрению» хозяйственной деятельности данной категории населения.

Концептуально убеждение в возможности стимулирования экономической активности граждан посредством снижения налогов окончательно оформляется примерно к 1815–1824 гг. Именно в это время был опубликован ряд теоретических работ, посвященных разрешению данного вопроса. Вслед за вышедшим в 1818 г. сочинением Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов», в 1821 г. была издана книга Е. Ф. Канкрин «О всемирном богатстве и государственном хозяйстве», в которой автор, определяя основные принципы финансовой политики, в полном соответствии с либеральным идеалом взаимоотношений государства и личности, писал: «Благосостояние каждого в частности, а не умножение общего государственного дохода должно быть задачей управления»⁹³. Появление подобных сочинений, четкость и недвусмысленность содержащихся в них определений, свидетельствует о достаточно высоком уровне теоретического осмысления либеральных постулатов. Однако это не означало окончательной победы либеральных ценностей над традиционно этатистскими стереотипами. Их переплетение не только продолжало существовать, но и, по мере накопления опыта работы в управленческих структурах, становилось еще более тесным: признавая приоритетность экономических интересов отдельной личности, представители правительственной

элиты России первой четверти XIX в. в не меньшей степени заботились и о соблюдении интересов государства.

Двойственность системы ценностных ориентаций можно выявить при внимательном изучении материалов работы Государственного Совета, посвященных рассмотрению практически всех вопросов, так или иначе касающихся проблем экономического развития. Например, при обсуждении в Департаменте Государственной экономии Государственного Совета 20 декабря 1823 г. прошения уральского заводчика Пашкова «О снижении с меди трехрублевой подати»⁹⁴. Автор прошения констатировал, наметившуюся с 1810 г. тенденцию к снижению выплавки меди, и на примере своего завода доказывал, что главная причина уменьшения объемов производства цветных металлов – увеличение размера и изменение порядка выплаты налогов. Раньше заводчик мог погашать 50 % податей произведенной им продукцией, теперь же он был обязан все налоговые выплаты осуществлять в денежной форме. Развитию производства мешало и то обстоятельство, что выплаты государству были привязаны правительством к определенному сроку без учета объема и времени получения заводчиком прибыли. По свидетельству автора прошения, нередко подати взимались до момента продажи металла. При таком порядке налогообложения частные предприятия были обречены на разорение. Для предотвращения негативных последствий заводчик просил снизить подать и вновь разрешить выплачивать ее не в денежной, а в натуральной форме, рассчитываясь с государством металлом по рыночным ценам. При обсуждении предложения Пашкова члены департамента Государственной экономии, с одной стороны, признали аргументы заводчика убедительными и говорили о целесообразности снижения налогов, а с другой, – обращали внимание на то, что в случае удовлетворения его прошения ежегодные поступления в казну уменьшились бы не менее чем на 300 т. р.⁹⁵.

Подобная двойственность позиции присутствует и в «особом мнении» по данному делу одного из самых последовательных приверженцев либеральных ценностей – Н. С. Мордвинова. С точки зрения соблюдения «естественных» прав личности и создания максимально благоприятных условий для развития коммерческой инициативы граждан, снижение налогов признавалось им «разумным» и необходимым. В этой связи Нико-

лай Семенович в «Мнении о повышении доходов государства путем уменьшения налогов» предлагал реформировать существующую систему взимания податей, сделав ее более гибкой: при установлении суммы налоговых выплат должно было бы учитываться «естественное городов различие между собою, по степени местных каждого удобства к стяжанию прибытков», а также фактический уровень платежеспособности, как различных групп населения, так и отдельных граждан⁹⁶. Осторожность и умеренность должны были быть важнейшими принципами налоговой политики государства. Экономическое благополучие личности, по словам Н. С. Мордвинова, «...ни как достигнуть невозможно без учинения распределения налогов на каждое народное упражнение с такою осмотрительностью, ... чтобы все вообще такую токмо часть из получаемой чистой по капиталам прибыли отделять могли казначейству, которая бы не отнимала поощрения к дальнейшему предприятию и для собственного их обогащения»⁹⁷.

Однако в этом же документе Н. С. Мордвинов, параллельно с либеральным обоснованием необходимости снижения налогов, в качестве дополнительного аргумента называл и увеличение общего объема денежных поступлений в казну. Снижение отдельной личностью суммы налоговых отчислений представлялось действенным инструментом стабилизации финансового положения в стране. Анализируя причины финансовых проблем, Н. С. Мордвинов заявил, что «некоторые из существующих ныне налогов, едва ли не составляют прямой причины оказывающегося у нас ежегодного недостатка государственных доходов»⁹⁸. В этом контексте снижение налогов обосновывается сугубо прагматично: «самая польза Государственного казначейства требует неукоснительного отстранения... налогов кои... препают действия и успехи промышленности, торговли и заводского производства, – сих трех главнейших источников народного богатства»⁹⁹. Указанное переплетение либеральных и этатистских интенций, определило и принятое по этому делу большинством голосов решение – «подать сохранить, но с отсрочкой выплаты на год сверх срока ныне существующего»¹⁰⁰.

Наряду с влиянием окружающей дворянина социокультурной среды формирующей устойчивые поведенческие стереотипы, многие из кото-

рых противоречили либеральным ценностям, дополнительной причиной двойственности были и внешние факторы, связанные с особенностями сложившегося на тот момент времени финансового и внешнеполитического положения. За первые 15 лет XIX в. Российская империя воевала с Персией, Францией, Турцией, Швецией. Это обстоятельство усиливало финансовые проблемы правительства. Постоянный рост затрат на содержание армии был мощным сдерживающим фактором в процессе реализации различных проектов либерализации отечественной системы налогообложения. Н. И. Тургенев прямо писал о том, что практически все попытки реформирования в данной сфере отвергались Александром I сразу же после того, как министр финансов А. И. Васильев, а позднее Ф. А. Голубцов и Д. А. Гурьев, напоминали ему о финансовых потребностях военного ведомства¹⁰¹. Приоритетность интересов этого министерства в условиях внешнеполитической нестабильности признавали и многие члены Государственного Совета. Так, например председатель Департамента Военных дел Государственного Совета А. А. Аракчеев, по представлению военного министра П. П. Коновницина 7 февраля 1817 г., убеждал членов департамента Государственной экономии санкционировать погашение долгов военному ведомству в размере 150 млн. р. за счет перераспределения средств со счетов других министерств «по соразмерности сумм им следующим»¹⁰².

В сложившихся условиях либерально настроенные представители правительственной элиты были поставлены перед выбором. Либо последовательно продолжать отстаивать необходимость немедленной реализации, усвоенного из трудов западноевропейских экономистов либерального идеала взаимоотношений государства и личности, в соответствии с которым интересы отдельного индивида считаются приоритетными, либо, признавая данный идеал в качестве стратегического ориентира развития, поддерживать антилиберальные, по своей сущности, мероприятия правительства для обеспечения в настоящий момент безопасности страны. Острота стоящей перед адептами либерализма в России дилеммы отчетливо проявлена в записке М. М. Сперанского «Финансовые меры к вступлению в 1811 г.»¹⁰³. В ней Михаил Михайлович неоднократно признавал пагубность повышения налогов и подчеркивал, что такая практика неизбежно порождает целый ряд новых

проблем, формируя своего рода «замкнутый круг»: увеличение налогов и сборов влечет за собой рост цен и снижение курса ассигнаций, что отрицательно сказывается на платежеспособности населения, а, следовательно, детерминирует очередное увеличение дисбаланса в государственном бюджете. Однако, утверждая, как и большинство членов Государственного Совета, что «одна крайность обстоятельств может оправдать» повышение налогов, М. М. Сперанский предлагал с 1811 г. увеличить сумму налоговых выплат на 30 млн. р. ежегодно¹⁰⁴.

Подобный алгоритм осмысления проблемы пополнения казны постепенно стал привычной в кругах проевропейски настроенной правительственной элиты нормой. Принятие постановлений об увеличении размера подушной подати, торговых пошлин или цен на паспортную, вексельную, гербовую и заемную бумаги, сопровождалось констатацией вынужденного характера таких решений. Примерно по такому сценарию проходило обсуждение порядка формирования доходной части государственного бюджета в 1810–1812, 1816, 1821 гг.¹⁰⁵.

Противоречие между либеральной системой ценностных ориентаций и внешнеполитической обстановкой, в совокупности с безрезультатностью попыток стимулирования коммерческой деятельности граждан через специально создаваемые государством финансово-кредитными институтами, обусловило корректировку представлений о тактике либерализации отечественной экономики. Наиболее приемлемой, с точки зрения экономической безопасности, как государства, так и граждан, считалась деятельность правительства в двух, взаимодополняющих друг друга направлениях.

С одной стороны, необходимым признавалось создание жизненно важной для дальнейшего развития экономики инфраструктуры. Строительство новых дорог, расширение географии регулярных почтовых сообщений, формирование разветвленной банковской системы, – все это повысило бы коммуникативность российской экономики, формируя единое, динамично развивающееся экономическое пространство, где любой желающий заниматься коммерческой деятельностью, вне зависимости от того в какой части страны он проживает, без дополнительных затрат времени и денежных средств, мог взаимодействовать со своими партнерами

и быстро находить потребителей своих товаров и услуг. С другой стороны, понимая ограниченность финансовых возможностей государства, большинство представителей ориентированной на запад правительственной элиты, предпочитало действовать максимально осторожно. Они не настаивали на немедленном внедрении всех без исключения либеральных постулатов в общероссийском масштабе и считали своевременной проведение лишь частичной либерализации отношений между государством и личностью: в настоящий момент со стороны правительства необходима посильная помощь отдельным индивидам. Приверженцы либеральных ценностей в России того времени пытались поддержать каждого из тех предпринимателей, кто обращался в Государственный Совет за соответствующей помощью. Регулярное рассмотрение всевозможных проектов, прошений и споров между гражданами ежедневно убеждало в эффективности подобной тактики.

В итоге в сознании ранних русских либералов была сформирована своеобразная концепция «малых» или «тихих шагов», которая не противоречила европейскому взгляду на темпы проведения либеральных преобразований. Стремление модернизировать общественные отношения, не разрушая существующего порядка, придерживаться при разрешении возникающих проблем принципа последовательного их рассмотрения «от простого к сложному», а также понимание того, что внедрение инноваций целесообразно только по мере созревания «внутренней необходимости», неизменно присутствовало практически во всех сочинениях таких известных либеральных европейских мыслителей, как Д. Юм, Ч. Беккариа, Б. Констан, В. фон Гумбольдт, А. Токвиль, и др.¹⁰⁶

Приверженность тактики приближения к намеченной цели по мере созревания «внутренней необходимости», неоднократно подчеркивалась и в различных проектах реформ, и в процессе их обсуждения в Государственном Совете. Н. С. Мордвинов, В. П. Кочубей, Н. И. Салтыков, Д. А. Гурьев, П. А. Строганов, А. И. Васильев, в той или иной форме воспроизводили смысл, сформулированного М. М. Сперанским в записке «Финансовые меры к вступлению в 1811 год» тезиса о том, что «из положения самого дурного невозможно переступить в лучшее иначе как постепенно поправляясь тихими шагами...»¹⁰⁷.

Однако, высказывая аналогичное европейскому понимание оптимальных темпов либерализации общественных отношений, ранние русские либералы, не меняя стратегической цели, – достижения «величайшего возможного счастья для величайшего возможного числа людей», неосознанно воспроизводили и традиционный патерналистский идеал взаимоотношений личности и государства, который с их точки зрения, не противоречил либеральным ценностям, т. к. подразумевал создание максимально благоприятных условий для саморазвития личности при неукоснительном соблюдении этики социального компромисса. И хотя традиционная патерналистская модель социальных отношений предполагала определенное неравенство субъектов, в силу того, что государство обладало гораздо большим объемом возможностей и обязанностей по сравнению с отдельным индивидом, подобное неравенство было вполне приемлемо для всех участников такого рода взаимодействий¹⁰⁸. Ведь патерналистский тип взаимоотношений в идеале обеспечивал равную защиту всех индивидов от неправомерного вмешательства в их дела государственных чиновников или других частных граждан.

Выражаемый в терминах «покровительство», «отеческая забота», «ревностное попечение», «благотворная защита», «правительственное воспомоществование» и т. д., данный идеал предписывал государству оказывать необходимую гражданам помощь и поддержку. При этом заботой государства, как позволяют предположить некоторые высказывания Н. С. Мордвинова, Д. А. Гурьева и А. И. Васильева, должно было быть охвачено все население страны, вне зависимости от сословного статуса и материального положения, будь то представители купечества, чиновничества, крестьянства или люди «скудного состояния»¹⁰⁹.

На практике синтез патерналистской и либеральной модели проявлялся в самых различных формах. В рамках концепции «тихих шагов» неоднократно принимались постановления о списании с частных лиц недоимок казне, если они, по каким-либо причинам, были не в состоянии погасить задолженность; установлении по просьбе предпринимателя, или по инициативе правительства, государственной «опеки» над предприятием в случае разорения производства и неспособности коммерсантом исполнять свои финансовые обязательства перед другими гражданами.

Не менее эффективным методом «правительственного воспомоществования», в данном контексте, считалось и установление высоких таможенных пошлин на ввоз иностранных товаров. И хотя по вопросу «возведения таможенной стены на границах государства» в кругах правительственной элиты не было полного единства, даже те, кто считал недопустимым ограничение свободы торговли не только внутри страны, но и за ее пределами, признавали за государством обязанность защищать отечественного производителя. Например, убежденный сторонник уничтожения ограничений в сфере внешнеэкономических отношений Д. А. Гурьев, в одном из писем А. А. Аракчееву критиковал таможенную политику правительства после 1811 г. и одновременно напоминал о целесообразности восстановления свободы торговли с «просвещенными народами», призывая правительство продолжить практику покровительства российской промышленности всеми доступными ему способами¹¹⁰. Приверженцы протекционизма в России так же проявляли определенную гибкость по данному вопросу. Подчеркивая неизменность своей позиции по вопросу о свободе экономической деятельности внутри страны, М. М. Сперанский, О. П. Козодавлев, Н. С. Мордвинов, Н. П. Румянцев, К. В. Нессельроде, допускали возможность существования, в целях защиты отечественного производителя, временных «искусственных» ограничений в сфере международной торговли¹¹¹. Низкая конкурентоспособность большинства российских товаров, за исключением, пожалуй, лишь продукции сельского хозяйства, обуславливала, по их мнению, целесообразность проведения государством протекционистской политики, однако в перспективе все подобные ограничения должны были быть отменены.

Анализируя положение в стране с точки зрения концепции «тихих шагов», большинство представителей правительственной элиты в качестве одной из форм подготовки к полномасштабной либерализации экономических отношений называли оказание, необходимой предпринимателю информационной поддержки. Своевременное знакомство с новейшими достижениями научно-технической мысли Европы могло, по их мнению, ускорить процесс интенсификации производства. При этом использовались различные способы осуществления такого рода поддержки: издание специальных газет и журналов, рассказывающих о новейших технологиях во всех сферах хозяйственной деятельности, таких как, на-

пример, «Журнал полезных изобретений» или «Повременное издание о полезных изобретениях»; оказание непосредственной научно-технической помощи отдельным предпринимателям через всевозможные комитеты и общества, в ряду которых можно назвать «Вольное Экономическое общество», «Московское общество сельского хозяйства», «Комитет по улучшению земледелия» и др.; и даже предоставление налоговых льгот российским изобретателям¹¹².

Из всего сказанного выше следует, что экономические представления европеизированной правительственной элиты России первой четверти XIX в. – сложная система взглядов, взаимосвязанными элементами которой были во многом противоположные по своей идейной направленности ценностные установки. Одновременно сосуществовали, взаимодополняя друг друга, как ориентированные на максимальное развитие отдельного индивида либеральные ценности, так и ценности основанные на традиционно патерналистском идеале взаимоотношений личности и государства. При этом следует отметить, что синтез разнородных ценностных установок не вызывал чувства неудовлетворенности или какого-нибудь внутреннего конфликта. Возникавшие иногда сомнения достаточно легко снимались, либо посредством обращения к известным прецедентам разрешения аналогичных проблем, либо за счет выработки тактических приемов, не противоречащих ни либеральным, ни патерналистским ценностям.

Примечания

- ¹ См.: Изображение хозяйственных систем Михаила Балудянского, доктора прав, профессора Санкт-Петербургского императорского педагогического института, редактора при комиссии о составлении законов по части политической экономии и финансов // Статистический журнал. 1806. Т.1. Ч.1. С. 45–70; 1806. Т.1.Ч.2. С. 32–70; О национальном богатстве. Теория Адама Смита // Статистический журнал. 1808. Т.2. Ч.1. С. 1–35.
- ² См. подробнее: Аникин А.В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. С. 107.
- ³ См.: Павлов В.А. История российской политической экономии. М., 1995. С. 30–48.
- ⁴ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 382. Л. 4.
- ⁵ Там же. Д. 230. Л. 26.
- ⁶ Там же. Д. 382. Л. 24–25.
- ⁷ Там же. Л. 25.
- ⁸ Там же. Ф. 1151. Оп. 1. Т. I. Д. 156. Л. 5.
- ⁹ См. подробнее: Шрейбер В.К. Личность и общество в английском утилитаризме (И.Бентам, Д.С.Миль). Дис. ... канд. фил. наук. М., 1975.
- ¹⁰ См.: Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С. 355–356.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 52 / 48. Л. 6.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Ф. 994. Оп. 2. Д. 124. Л. 14.
- ¹⁴ Воронцов А.Р. Articles ou materiaux qui peuvent server a la confection d'un edit ou manifeste de privileges, franchises etc. // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 6. С. 10.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 91–93.
- ¹⁶ Там же. Л. 85.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 18 / 14. Л. 16.
- ¹⁸ См.: Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т.3. Политическая мысль России в X – первой половине XIX в. М., 1997. С. 647–654.
- ¹⁹ См.: ЧИОИДР. 1860. Кн. I., янв.-март. Разд. V. С. 1–60.
- ²⁰ Воронцов А.Р. Указ. соч. С. 7–18.
- ²¹ Там же. С. 9.
- ²² РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 88.
- ²³ Цит. по: Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. СПб., 1873. С. 70.
- ²⁴ См.: ЧИОИДР. 1858. Кн. IV., окт.-дек. Разд. V. С. 137–138.
- ²⁵ Воронцов А.Р. Указ. соч. С.11.
- ²⁶ Особое мнение Гурьева // АМ. Т. 3. Д.710. С. 115–121.
- ²⁷ См.: Архив ГС. Т. 4. С. 1453–1454.
- ²⁸ Там же. С. 1584.
- ²⁹ Цит. по: Давыдов М.А. «Оппозиция Его Величества». М., 1994. С. 117.

-
- ³⁰ См.: Мнение адмирала Мордвинова по делу подрядчиков на пеньку и парусные полотна черноморскому флоту // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV., окт.-дек. С. 93–96.
- ³¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 359. Л. 6.
- ³² Там же. Д. 196. Л. 31.
- ³³ Там же. Д. 492. Л. 2.
- ³⁴ Там же. Л. 6 об.
- ³⁵ Порядок «определения» человека на должность «попечителя в звании инспектора коммерции» автором не описан. Исходя из общего контекста проекта, можно предположить, что он выбирался бы из числа наиболее уважаемых граждан города.
- ³⁶ Там же. Л. 3.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Д. 196. Л. 35.
- ³⁹ Мордвинов Н.С. Избранные произведения. М., 1945. С. 18.
- ⁴⁰ См.: Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 260, 266.
- ⁴¹ Замечания к таблицам, показывающим цены нужнейшим съестным припасам в Москве с 1782 по 1803 год // Статистический журнал. 1806. Т.1. Ч.1. С. 154.
- ⁴² РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 50. Л. 30–31.
- ⁴³ Там же. Л. 36–37.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 994. Оп. 2. Д. 193. Л. 4.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 227–228.
- ⁴⁷ См.: Юхт А.И. Указ. соч. С. 265.
- ⁴⁸ Временный департамент Государственного Совета работал с 12 февраля по 21 апреля 1817 г. Он был специально образован для предварительного, до вынесения на обсуждение в общее собрание Государственного Совета, рассмотрение предложений об управлении комиссией погашения долгов и государственным коммерческим банком.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 1154. Оп. 1. Т. XVI, 1817. Д. 2. Л. 21.
- ⁵⁰ Там же. Л. 27.
- ⁵¹ См.: Устав государственного трудопоощрительного банка // Мордвинов Н.С. Избранные произведения. М., 1945. С. 51–71.
- ⁵² Граф Н.С. Мордвинов, 1754–1845: мнения и проекты по вопросам финансовым, юридическим, политическим (1801–1842) // Русская старина. 1872. Т.5. С. 47.
- ⁵³ Мордвинов Н.С. Избранные произведения. С. 52.
- ⁵⁴ Там же. С. 60.
- ⁵⁵ Там же. С. 58–60.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 175.
- ⁵⁷ АМ. Т. 3. Д. 716, прим. 2. С. 147–148.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. I, 1810. Д. 211.
- ⁵⁹ Там же. Л. 3 об.

-
- ⁶⁰ Тургенев Н.И. Указ соч. С. 67–68.
- ⁶¹ См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 162–163.
- ⁶² РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 230. Л. 25.
- ⁶³ Там же. Л. 22 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 26.
- ⁶⁵ Там же. Д. 231.
- ⁶⁶ Там же. Д. 230. Л. 2.
- ⁶⁷ Там же. Д. 238.
- ⁶⁸ Мордвинов Н.С. Избранные произведения. С. 253.
- ⁶⁹ Цит. по: Рощупкина Е. Мордвиновский проект // Былое. 1996. № 12. С. 6–7.
- ⁷⁰ АМ. Т. 3. Д. 710. С.120.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Т. I, 1823. Д. 1. Л. 5–13 об.
- ⁷³ Там же. Л. 10–11.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 994. Оп. 2. Д. 196.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 170.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 994. Оп. 2. Д. 196. Л. 30.
- ⁷⁷ Там же. Л. 30.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 170. Л. 7–8.
- ⁷⁹ Мнение адмирала Мордвинова о новых налогах // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV., окт.-дек. С. 6.
- ⁸⁰ Архив ГС. Т. 4. С. 17–21.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 18 / 14. Л. 18–19.
- ⁸² Там же. Ф. 994. Оп. 2. Д. 196. Л. 29.
- ⁸³ См.: Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 69–71.
- ⁸⁴ Мемуары князя Чарторижского и его переписка ... С. 347.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 50. Л. 28–30.
- ⁸⁶ См.: Мнение Адама Чарторижского о финансовом плане на 1811 год // Архив ГС. Т. 4. С. 19.
- ⁸⁷ См. подробнее: Белоусов Р.А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX веков: современный взгляд. М., 2001. С. 40–42.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 440.
- ⁸⁹ См.: Иконников В.С. Указ. соч. С. 98–99.
- ⁹⁰ Письмо Кочубея Аракчееву 24 мая 1817 года // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807–1829 год). СПб., 1883. С. 196.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 196. Л. 30–31.
- ⁹² Там же. Ф. 1146. Оп. 1. Т. I, 1801. Д. 260. Л. 3–3 об.

-
- ⁹³ Цит. по: Иконников В.С. Указ. соч. С. 450.
- ⁹⁴ Архив ГС. Т. 4. С. 693–703.
- ⁹⁵ Там же. С. 697.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 256. Л. 3–4.
- ⁹⁷ Там же. Л. 4–4 об.
- ⁹⁸ Там же. Л. 2.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Архив ГС. Т. 4. С. 703.
- ¹⁰¹ Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁰² См.: Архив ГС. Т. 4. С. 168–169, 173–175.
- ¹⁰³ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 193. Л. 1–7.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 5–6 об.
- ¹⁰⁵ См.: Архив ГС. Т. 4. С. 1–35, 51–92, 94–147, 148–176, 180–182.
- ¹⁰⁶ См.: О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 98–108, 109–171, 198–248, 184–197.
- ¹⁰⁷ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 193. Л. 3.
- ¹⁰⁸ См. подробнее: Ермоленко Т.Ф. Патерналистские интенции российского либерального консерватизма // Либеральный консерватизм: история и современность М., 2001. С. 151–160.
- ¹⁰⁹ Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству министра морских сил Мордвинова, министра финансов графа Васильева и товарища его гофмейстера Гурьева // АМ. Т. 3. Д. 709. С. 85, 101–102.
- ¹¹⁰ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 359. Л. 2–5.
- ¹¹¹ См. подробнее: Либерализм в России. М., 1996. С. 118–120; Геворкян С.М. Борьба фритредеров и протекционистов в первой четверти XIX века. М., 1953.
- ¹¹² РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Т. I, 1818. Д. 5, 84, 104.

Глава III.

Проблема модернизации социальных отношений в представлениях российских либералов первой четверти XIX века

§ 1. Трактовка принципа свободы и неприкосновенности личности

Признание «естественных» прав личности на свободу самовыражения и обязанности государства оказывать покровительство индивиду, обеспечивая максимально благоприятные условия для развития его творческих способностей, не ограничивалось сферой экономики. В процессе поиска приемлемых методов модернизации многие представители образованного дворянства сравнивали характер и динамику развития России с ведущими странами Европы по целому ряду неэкономических параметров. Большое внимание привлекали особенности социальной структуры и механизм функционирования политической системы в различных европейских государствах. При этом сравнение проводилось не только на основе усвоенных из сочинений европейских мыслителей идеальных моделей общественного устройства, но и с учетом личных впечатлений от пребывания в Европе. Последнее обстоятельство обусловило положение, при котором сочинения М.-Ф. Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма, Ч. Беккариа, И. Бентама воспринимались не как описание реального положения дел в Европе, а лишь в качестве ориентира для развития как России, так и большинства европейских стран. Убедившись на собственном опыте в том, что сложившаяся в Европе к концу XVIII – началу XIX вв. обстановка не всегда соответствовала декларируемым в трудах европейских интеллектуалов идеалам, большинство отечественных приверженцев либеральных ценностей не считало даже самые развитые европейские страны безупречным образцом для подражания. К тому же революционные потрясения и войны препятствовали идеализации существовавших в этих странах общественных отношений.

Однако отрицание революционных методов проведения преобразований не мешало образованной части российского дворянства видеть и

положительные тенденции в развитии европейских государств. Для многих из них Европа оставалась «местом изобилующим просвещением». При сравнении развития ведущих европейских держав и Российской империи с точки зрения их близости к либеральной модели общественного устройства, признавалось, что в отдельных европейских странах основные либеральные постулаты были не только продекларированы, но и зафиксированы законодательно. Именно это обстоятельство, по мнению многих представителей либерально настроенной дворянской элиты, обуславливало целесообразность изучения исторического опыта Европы.

Уже с первых месяцев правления Александра I его ближайшие друзья, участники обсуждений в так называемом Негласном комитете, – П. А. Строганов, его двоюродный брат Н. Н. Новосильцев, А. А. Чарторыйский, В. П. Кочубей, а также некоторые члены учрежденного 30 марта 1801 г. Непременного (Государственного) Совета, неоднократно рекомендовали императору внимательно изучить европейское законодательство, недвусмысленно указывая на прогрессивность содержащихся в нем положений. Ярким свидетельством существования подобных настроений является «Мнение неизвестного члена Совета» от 19 мая 1801 г.¹. Автор данного документа призывал императора Александра I «...готовить путь к устройению правительства более сходного с человечеством» посредством учреждения в России «коренных законов» по образцу существующих в Европе законодательных актов, прямо называя при этом те правовые нормы, внедрение которых способствовало бы постепенной либерализации общественных отношений и могло стать эффективным средством, предотвращающим появление в нашей стране революционных настроений. Он пишет об этом так: необходимо «...установить некоторые узаконения, сделав их коренными, заимствуя из существующих в Англии на коих можно сказать основано благополучие земли, как то: La grande Charte и Habeas corpus², коими личная безопасность каждого... ограждена была бы. Из сих двух славных узаконений можно б на первый случай много заимствовать, соглашая одна кож оныя с нравами и настоящим нашим состоянием. Если сии две базисы будут приняты, корень уже большой насажен будет благополучию, а за сим время и обстоятельства будут водителями сих намерений служащих к созиданию благополучия России»³.

Интересно отметить, что использование апробированных на практике в течение достаточно продолжительного периода времени правовых норм многими представителями образованного дворянства признавалось эффективной методикой разработки собственного российского законодательства. В этом контексте обращение к созданному в Англии еще в 1660-х гг. при короле Карле II Стюарте Habeas corpus act далеко не случайно, т. к. в нем был закреплён один из формирующих принципов либеральной модели общественного устройства – принцип неприкосновенности личности. Именно это положение в совокупности с принципом незыблемости прав личности на обладание собственностью должно было быть положено в основу комплекса «коренных законов», гарантирующих защиту личности не только в случае причинения материального ущерба, но и при возникновении любых конфликтных ситуаций в ходе повседневного взаимодействия индивида как с отдельными гражданами, так и с различными государственными структурами.

Впервые вопрос о создании в России аналогичных западноевропейским образцам законодательных гарантий гражданских прав, был поднят в апреле–августе 1801 г. при подготовке «Жалованной грамоты российскому народу», которая должна была быть провозглашена при коронации Александра I. Ее составление было поручено графу А. Р. Воронцову. Предполагалось, что в этом документе в концентрированной форме будут выражены основные принципы внутренней политики молодого императора.

Предложенный на обсуждение Негласного комитета проект А. Р. Воронцова был первоначально озаглавлен «Les articles du comte de Worontsoff», и содержал в себе целый ряд либеральных постулатов, таких как свобода личности, свобода слова и вероисповедания, неприкосновенность собственности⁴. При этом одновременно с общими теоретическими рассуждениями о «естественности» гражданских прав автор проекта излагал и конкретные предложения. Так, например, в ходе обсуждения проекта грамоты на заседании Негласного комитета 23 июля 1801 г. по докладу Н. Н. Новосильцева дополнительно рассматривалось предложение графа А. Р. Воронцова отменить тотальный контроль за передвижением граждан по всей территории Российской империи, уничтожив посты и шлагбаумы на дорогах. В результате обсуждения все члены Негласного

комитета поддержали данное предложение, подчеркнув, что «за преступником должна наблюдать полиция, а честные люди должны иметь право свободного передвижения»⁵.

Защита права личности на обладание собственностью, свободу передвижения, свободу слова и вероисповедания должны были, по мнению А. Р. Воронцова, а так же В. П. Кочубея и Н. Н. Новосильцева, совместно участвовавших в работе над текстом проекта грамоты в августе 1801 г.,⁶ составить единый комплекс гражданских прав, главным, системообразующим элементом которого являлся бы принцип неприкосновенности личности. Они были уверены в том, что установленные государством правовые гарантии безопасности личности, с одной стороны, будут способствовать активизации инициативы граждан, а с другой, – позволят эффективно пресекать произвол местной администрации.

В опубликованной известным исследователем В. П. Семенниковым редакции «Жалованной грамоты российскому народу», сохранившейся в личных бумагах секретаря М. М. Сперанского – К. Г. Репинского, принцип неприкосновенности личности был сформулирован предельно четко: «Если кто будет взят под стражу и посажен в тюрьму, или задержан где насильственным образом, и если в течение трех дней не будет ему объявлено о причине... и... он не будет представлен пред законный суд, для учинения ему допроса и для произведения над ним суда, то по единственному его требованию свободы от ближайшего начальства да освободится непременно в тот час, ибо преступление его неизвестно»⁷. При этом некоторые статьи грамоты позволяют предположить, что ее авторы не были бы удовлетворены простой декларацией принципа неприкосновенности личности. Речь шла о создании действенного механизма правовой защиты личности от посягательств со стороны кого бы то ни было. В параграфе 18 проекта «Жалованной грамоты российскому народу» была предусмотрена процедура обжалования неправомерного действия государства или отдельных лиц в случае нарушения ими принципа неприкосновенности личности. Гражданин наделялся правом требовать рассмотрения всех обстоятельств его незаконного задержания в судебном порядке даже после освобождения: человек «...может произвести иск на взявшего его под стражу, или посадившего его в тюрьму, или задержавшего, или давшего на то поведение, в оскорблении личной безопасности и убытках, и сей

повинен ответствовать в суде в произведенном на него иске»⁸. Внедрение практики рассмотрения подобных исков должно было бы уменьшить количество случаев необоснованного ограничения «естественного» права личности на безопасность.

Ориентируясь на достижение вполне конкретного результата, А. Р. Воронцов, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, как и многие другие представители проевропейски настроенной дворянской элиты, рассматривали необходимость законодательного оформления права личности на безопасность не только в контексте сближения России с «просвещенной семьей европейских народов», но и с точки зрения «полезности» утверждения данного принципа, как лично для них, так и для «общественного блага» в целом.

Подобный прагматизм был обусловлен взаимодействием различных обстоятельств. Широко известные в дворянской среде правовые акты, регламентирующие положение дворянского сословия, такие как «Манифест о вольности и свободе всему российскому дворянству» (1762), «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (1785) способствовали позитивному восприятию либеральных ценностей. Освобождение от обязательной государственной службы, телесных наказаний, и многие другие положения законодательно зафиксированные в годы правления Екатерины Великой, еще в юношеском возрасте сформировали представление о «естественности» права личной безопасности. Но одновременно с этим, накопленный к началу XIX в. жизненный опыт убедительно доказывал своевременность создания реально функционирующего механизма правовой защиты личности от притеснений со стороны государства.

В царствование императора Павла I формально-юридическая свобода российского дворянства не гарантировала ему защиту от необоснованного ареста по доносу недоброжелателей или даже прислуги. Показательным в этом смысле является случай, описанный в мемуарах будущего министра юстиции И. И. Дмитриева⁹. В декабре 1796 г. он и его товарищ по службе В. И. Лихачев были арестованы по вымышленному обвинению в подготовке покушения на жизнь Павла I. И хотя уже через несколько дней выяснилось, что донос был написан одним из слуг двоюродного брата В. И. Лихачева в надежде таким образом получить свободу от кре-

постной зависимости, и публично было объявлено о невинности И. И. Дмитриева, данный инцидент наглядно продемонстрировал незащищенность прав личности в России.

Надежда на изменения появляется с приходом к власти молодого императора Александра I, который после смещения группой заговорщиков его отца Павла I заявил о намерении продолжить «просвещенную» политику Екатерины II. Обсуждение в Негласном комитете проблемы ликвидации «рабской» зависимости крепостных крестьян, постановка вопроса о создании в России «коренных законов», обеспечивающих неукоснительное соблюдение «естественных» прав граждан – все это усиливало оптимистические настроения.

Ожидание перемен, уверенность в их неизбежности и прогрессивности не уменьшилось даже после отказа Александра I от обнародования одобренного им ранее проекта «Жалованной грамоты российскому народу». На состоявшейся в Москве 15 сентября 1801 г. коронации был провозглашен обычный для таких случаев манифест. Нерешительность императора, основанная на стремлении более детально изучить сложившуюся на тот момент времени расстановку политических сил, не вызвало в кругах либерально настроенной дворянской элиты чувство разочарования. В первые годы правления отсутствие со стороны Александра I решительных действий большинством образованного дворянства не воспринималось как отступление от обозначенных при обсуждении в Негласном комитете ориентиров.

Стремление лично участвовать в работе на «благо Отечества» посредством создания проектов необходимых стране реформ не только не уменьшилось, но заметно усилилось. Круг участников постепенно увеличивался. К процессу разработки проектов различных преобразований по просьбе императора или по собственной инициативе подключились министры и некоторые члены Государственного Совета. Многие из них представляли свои предложения на протяжении всего царствования Александра I. Впервые зафиксированный в апреле–августе 1801 г. принцип неприкосновенности личности неоднократно воспроизводился и дополнялся в различных «мнениях», «голосах» и проектах Н. С. Мордвинова, М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева, В. П. Кочубея и др.

Например, Н. Н. Новосильцев в «Государственной уставной грамоте Российской Империи» (1818–1819) недвусмысленно подтвердил право личности на свободу передвижения, а также получение, в случае задержания или ареста, информации о причине подобных действий с предоставлением в трехдневный срок доказательного обвинения в совершении описанного законом преступления. При этом в статьях 82–83 грамоты Николай Николаевич подчеркивал, что любое ограничение свободы личности возможно только в полном соответствии с законом: «Никто не может быть взят под стражу, обвинен или лишен свободы, как только в случаях законом определенных, и с соблюдением законом предписанных на сей конец правил»¹⁰. Во всех других случаях «всякое самовольное задержание вменяется в преступление...» и даже временное нарушение права индивида на личную безопасность могло бы стать основанием для отдельного судебного разбирательства¹¹.

С точки зрения приверженцев либеральных ценностей государство, декларируя в законе право личности на безопасность, автоматически становится гарантом его неукоснительного соблюдения. Любой субъект общественных отношений, в том числе и представитель каких-либо государственных структур, нарушивший закон должен быть наказан. Справедливость данного утверждения не вызывала сомнений. Однако многочисленные примеры злоупотреблений при проведении различных следственных мероприятий в отношении подозреваемых в совершении того или иного преступления заставляли сенаторов и членов Государственного Совета задуматься над проблемой исполнимости установленных законом норм. Участвуя в работе Комиссии по принятию прошений при Государственном Совете, Департамента законов, Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета, министерства юстиции, министерства внутренних дел и других правительственных структур, непосредственно связанных с практикой применения законов, они хорошо были знакомы с действительным положением дел в этой сфере. П. В. Лопухин, Г. Р. Державин, Д. П. Трошинский, Д. И. Лобанов-Ростовский, В. П. Завадовский, В. П. Кочубей, В. С. Ланской, Н. С. Мордвинов неоднократно лично участвовали в расследовании злоупотреблений со стороны местных властей или органов дознания. Все они на собственном опыте убедились, что ни император, ни Сенат, ни Государственный Совет не смогут постоянно контролировать законность ведения всех без исключения граждан-

ских и уголовных дел одновременно. В связи с этим некоторые из них действенной мерой обеспечения подлинной безопасности личности называли законодательное закрепление принципа «изначальной невиновности подозреваемого». «Свидетельство о невиновности, – писал в декабре 1821 г. Н. С. Мордвинов, – всегда должно быть более уважено, нежели свидетельство о преступлении»¹². Сформулированная таким образом презумпция невиновности, должна была предотвратить использования закона в качестве орудия для сведения личных счетов или преследования неугодных местным властям граждан.

Недопустимость обвинения индивида без наличия неопровержимых доказательств его вины, в качестве которых не могли быть использованы анонимные доносы, запрещение применять в ходе следствия методы физического давления на подследственного с целью получения признательных показаний – все это могло бы стать одной из важных составляющих комплекса правовых гарантий соблюдения естественных прав личности на свободу и неприкосновенность. Документальным подтверждением официального признания презумпции невиновности является представленный Александру I министром юстиции Г. Р. Державиным 26 сентября 1802 г. циркулярный ордер, в соответствии с которым всем губернским прокурорам вменялось в обязанность обо всех случаях принятия судами противоречащих закону решений немедленно сообщать генерал-прокурору. Кроме этого в целях предупреждения злоупотреблений органов дознания они должны были наблюдать «...не происходит ли где кому пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений всякого рода на обвинение невинности»¹³. Дополнительной гарантией неукоснительного исполнения законов, по мысли Г. Р. Державина, могли стать и ежемесячные отчеты, содержащие в себе информацию «по делам следственным и уголовным... с примечанием, по какому случаю и поводу, в каком месте дело началось, когда и как решилось»¹⁴.

Одновременно с законодательным оформлением презумпции невиновности и мерами по усилению административного контроля, в правительственных кругах России первой четверти XIX в. говорилось и о необходимости внедрения на практике принципа соразмерности наказания. Назначенное индивиду в судебном порядке наказание должно было быть сопоставимо совершенному им преступлению. Чрезмерная жестокость не

только противоречила общепризнанным нормам христианской морали, которые были усвоены еще в детстве, но и не обеспечивала достижение главной цели наказания – предупредить повторение преступных деяний.

В данном контексте бессмысленным и малоэффективным средством предупреждения преступлений признавались телесные наказания и клеймение лица. Подобный способ устрашения, по мнению Н. С. Мордвинова, не останавливал человека от повторного нарушения закона, а напротив – вновь подталкивал его к совершению преступления, т. к. причиненные ему увечья обуславливали негативное отношение к нему окружающих, что лишало человека возможности стать полноценным членом общества¹⁵. С этих же позиций Николай Семенович критиковал частичное восстановление практики вынесения смертных приговоров. Аргументируя свою позицию, он писал о противоестественности подобного вида наказания, его несовместимости с основными христианскими постулатами. Н. С. Мордвинов подчеркивал, что смертная казнь не уменьшит количество совершаемых в России преступлений: «...лишение свободы, прав гражданских и каторжная работа составляют наказание, удерживающее людей от преступлений более чем смертная казнь»¹⁶.

В общем виде, предлагаемые представителями либерально настроенной части правительственной элиты варианты реализации принципа неприкосновенности личности содержали в себе две взаимосвязанные группы методов. К первой, условно выделяемой нами группе, относятся предложения по ужесточению административного контроля. Такой подход к разрешению проблемы обеспечения безопасности личности был широко распространен и совпадал со сложившимися в чиновничье-бюрократических кругах стереотипами¹⁷. Считалось, что все исходящее от вышестоящего начальства директивы подлежат немедленному и точному исполнению. В противном случае чиновник мог быть подвержен административному взысканию. Рассматривая государственный аппарат управления как строго иерархичную структуру, представители правительственной элиты считали возможным исправить существующее положение посредством усиления дисциплины и наказания нерадивых исполнителей принимаемых ими решений.

Второе направление в деятельности правительства по внедрению либерального принципа неприкосновенности личности было связано с

изменением содержания российского законодательства по западноевропейским образцам. При этом внимание в равной степени уделялось как действующему, проверенному временем законодательству, так и популярным сочинениям европейских мыслителей, в которых обозначались лишь общие ориентиры развития современного права. Так, например, наряду с «La grande Charte» и «Habeas corpus act», особый интерес вызывали труды итальянского правоведа Чезаре Беккариа. Некоторые положения его работы «О преступлении и наказании»¹⁸ достаточно часто встречаются в различных «мнениях» российских адептов либерализма. Принцип соразмерности наказания, неприятие смертной казни, осуждение применения насилия как метода расследования преступления, признание необходимости установления законодательных гарантий имущественных прав личности, – все это было воспринято в качестве образца для совершенствования отечественного законодательства.

В результате переплетения различных влияний непосредственно окружающей дворянина социокультурной среды, и усвоенных из трудов либеральных европейских мыслителей ценностных ориентиров, было сформировано представление о функциях и содержании законов. Традиционно уважительное отношение к официально утвержденным правовым нормам, вера в возможность преобразования общества посредством совершенствования нормативно-правовой базы были наполнены новым содержанием. С этого времени понятия «закон» и «свобода личности» были неразрывно взаимосвязаны. Наиболее четко эту взаимосвязь сформулировал О. П. Козодавлев: «Свобода гражданская есть такое положение человека в гражданском обществе, в каковом его безопасность и собственность охраняются законами, и он совершенно удостоверен, что он, будучи законами охраняем, не нарушая их сам и не будучи в нарушении их изобличен судом, не подвергается никакому насилию или нарушению безопасности лица и собственности»¹⁹. В данном контексте главным признаком общественной «полезности» любого закона, выражающим смысл его существования, становится его направленность на защиту интересов отдельной личности. Показательным являются размышления в «Введении к уложению государственных законов» М. М. Сперанского о предназначении законодательства. «Законы, – по его словам, – существуют для пользы и безопасности людей им подвластных»²⁰. Содержательно они должны обеспечить личную свободу граждан, сущность которой была сформули-

рована М. М. Сперанским в двух принципиально важных положениях: «1). Без суда никто не может быть наказан. 2). Никто не обязан отправлять личную службу иначе как по закону, а не по произволу другого»²¹.

Рассматривая законодательство в качестве универсального регулятора общественных отношений, М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, Д. П. Трощинский, И. И. Дмитриев и многие другие представители правительства считали, что законы призваны в равной степени защищать все население страны, не допуская возможности безнаказанно совершать правонарушения даже выходцам из привилегированных сословий российского общества. В идеале всеобщий характер законодательства должен был бы обеспечить соблюдение «естественных» прав всех участников общественных отношений. Однако существование такого рода высказываний не означало отвлеченности мировосприятия членов Государственного Совета от реальности. Напротив, многие из них, считали необходимым обратить внимание своих коллег на несоответствие провозглашаемых ими принципов действительному положению дел. В этой связи главной проблемой на пути юридического оформления равенства гражданских прав в России было признано наличие достаточно большой категории лично зависимых крепостных крестьян.

§ 2. Стратегия ликвидации крепостной зависимости

На рубеже XVIII–XIX вв. адепты либеральных ценностей в России понимали, что декларируемые ими принципы заметно диссонируют с окружающей их действительностью. В кругах европеизированной дворянской элиты была признана несовместимость права личности на безопасность, а также принципа равенства всех перед законом с существовавшей в стране крепостной зависимостью, при которой большинство населения Российской империи не только не обладало какими-либо юридически оформленными гражданскими правами, но даже не являлось полноценным субъектом правовых отношений.

Российский крестьянин был лишен личной свободы и не имел даже теоретической возможности стать владельцем недвижимой собственностью.

сти. С юридической точки зрения он сам был полной собственностью помещика и приравнивался к предметам: его могли продать, обменять или подарить. В повседневной жизни крестьянина практически не было неподконтрольных помещику, или назначенному им управляющему, сфер деятельности, т. к. все вопросы, от времени работы в поле и размера взимаемых в пользу помещика податей до заключения брака, решались по усмотрению господина. Положение крестьян усугубляло и то, что большинство помещиков считало сложившийся веками порядок приемлемым и естественным. Привычка безраздельно распоряжаться судьбами крепостных казалась им законным правом земельного собственника.

Трансформация подобного стереотипа к началу XIX в. произошла лишь в достаточно узком кругу ориентированного на Запад дворянства. В данной социальной группе, существующее в России крепостное право считали не достойным цивилизованной страны явлением, прямо называя право безграничного распоряжения крепостными крестьянами рабством. Анализируя современное им положение, многие представители правительственной элиты в надежде выявить причины становления в нашей стране рабской зависимости обращались к историческому прошлому. Имеющиеся в нашем распоряжении сочинения Н. П. Румянцева, М. М. Сперанского, О. П. Козодавлева, Н. С. Мордвинова и А. Б. Куракина позволяют предположить, что в процессе такого обращения, как правило, происходило рациональное осмысление крепостного права как веками формировавшегося социально-экономического явления. Так, например, в записке Н. С. Мордвинова «О силе и пространстве указа 12 декабря 1801 года»²², автор представил подробный очерк закрепощения крестьян в России. Становление крепостного права рассматривалось им как процесс постепенной утраты земледельцами «естественной» человеческой свободы. Следует отметить, что Н. С. Мордвинов, как и многие другие дворяне, пытавшиеся понять механизм формирования личной зависимости крестьян, не смог выработать для себя рационального объяснения причин закрепощения. Высказывая уверенность в том, что все земледельцы изначально были свободны, он указывал лишь на последовательность утраты ими «естественных прав»: сначала они были лишены права на обладание недвижимой земельной собственности, а затем и личной свободы. При этом автор подчеркивал невозможность определения времени начала процесса закрепощения крестьян. По его словам, «в исто-

рии древней России нет достоверных сведений по коим бы можно было назначить точную эпоху, когда крестьяне потеряли право недвижимой собственности»²³. Достаточно продолжительный период времени после отчуждения прав собственника крестьянин оставался лично свободным и мог в случае несправедливого обращения с ним землевладельца беспрепятственно покинуть его владения. Полное лишение крестьян всех личных и имущественных прав, по мнению Н. С. Мордвинова, произошло в царствование Ивана IV. «Сей Государь, – писал адмирал Мордвинов, – пригвоздив их, так сказать, к чужой земле отнял у них все, что они имели, и превратил их самих в имущественную принадлежность»²⁴. В дальнейшем окончательное оформление личной и экономической зависимости крестьян в годы правления императора Петра Великого привело к тому, что даже государственные крестьяне сохранили, по образному выражению адмирала, лишь «некоторую тень бытия»²⁵.

Подводя итог историческому обзору развития крепостного права в России, Н. С. Мордвинов констатировал отсутствие убедительных, на его взгляд, причин усиления личной внеэкономической зависимости крестьян и дал достаточно жесткую оценку этому явлению, подчеркнув, что даже если «...мера сия по тогдашнему положению России была необходимой, ...неоспоримо, что сие учреждение было решительно эпохою рабства...», т. к. «одной чертой несколько миллионов лишено всякого политического бытия и человек смешан с бессловесными»²⁶. Примерно такое же соотношение критики процесса превращения крестьян в «бессловесный» предмет купли-продажи и, одновременно, непонимания социально-экономических причин появления крепостной зависимости крестьян, присутствует и в сочинениях князя А. Б. Куракина. В одном из «особых мнений» он, называя крепостную зависимость «уничижительным правом, оскорбляющим законодательство наше и самое человечество», утверждал, что рабское положение частновладельческих крестьян «...вошло в употребление случайно», а, следовательно, может быть смягчено²⁷.

В общем виде, приведенные выше примеры анализа причин установления крепостного права, позволяют говорить о распространении в среде образованного российского дворянства первой четверти XIX в. мифов о «случайном» характере и исторической «укорененности» личной зависимости земледельцев. Оба эти мифа оказывали огромное влияние на

процесс выработки приемлемых методов улучшения социально-экономического положения крестьян. Первый из них вселял надежду на бесконфликтное искоренение рабства, а второй – формировал уверенность в том, что одномоментное уничтожение сложившейся исторически крепостной зависимости невозможно.

На рубеже XVIII–XIX вв. негативное отношение к крепостничеству ограничивалось осуждением чрезмерно жестокого обращения некоторых помещиков с крестьянами. Подобное отношение к всецело зависевшему от воли помещика человеку считалось недопустимым не только с точки зрения норм христианской морали, но и расценивалось как поведение недостойное звания благородного дворянина. В среднем, обладая от 500 до 10000 душ крепостных, (см. приложение 3) члены Государственного Совета были убеждены в том, что насильственные методы управления крестьянами не могут быть оправданы хозяйственной необходимостью. Чрезмерное давление, по их мнению, вынуждало крестьян обращаться к крайним способам самозащиты, провоцировало распространение бунтарских настроений и значительно повышало вероятность возникновения серьезных социальных конфликтов.

Первоначально искоренение деспотизма помещиков по отношению к крепостным представлялось возможным посредством морального порицания. В кругах образованной части российского дворянства собственно-ручные расправы над нерадивыми крестьянами, чаще всего, связывались с грубостью, невежеством и внутренним духовным примитивизмом отдельных помещиков. Такого рода оценки нередко высказывались в личной переписке. Например, Д. П. Трощинский в письме А. Р. Воронцову в качестве главного признака отсутствия у дворянина правильного представления о достоинстве приводил факты жестокого обращения одного из помещиков, который «...непомерно отягощал крестьян своих»²⁸. Стремление обезопасить крестьян от деспотизма помещиков зафиксировано так же и в предложенных к обсуждению в Негласном комитете 12 августа 1801 г. В. П. Кочубеем, А. Р. Воронцовым, Н. Н. Новосильцевым «Соображениях и замечаниях на пункты, представленные для составления указа или манифеста о привилегиях и вольностях». В этом документе, помимо осуждения жестокого обращения с крепостными крестьянами, был обозначен один из возможных вариантов давления на помещиков. Его авто-

ры предложили не допускать к участию в работе местных дворянских собраний всех дворян-душевноладельцев, которые когда-либо были замечены в насилии по отношению к собственным крестьянам²⁹.

В дальнейшем моральное осуждение жестокости помещиков принимало и другие формы. В процессе осмысления данной проблемы возникла уверенность в целесообразности более четкого определения правового статуса крепостных крестьян. Законодательное прикрепление крестьян к земле принадлежащей помещику, по мнению либерально настроенной части дворянской элиты, в идеале, не давало землевладельцу право бесконтрольно распоряжаться жизнью крепостных. Пытаясь определить правовой статус частновладельческих крестьян Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, А. Р. Воронцов, Н. П. Румянцев, А. Б. Куракин, О. П. Козодавлев, В. П. Кочубей, высказывали сомнение в справедливости широко распространенного в дворянских кругах убеждения в том, что право помещика решать судьбу проживающих на его территории крестьян являлось неотъемлемым атрибутом права земельного собственника. В период с 1801 по 1820 гг. все они неоднократно говорили о недопустимости отождествления права собственности на землю с нравственными обязательствами помещика оказывать покровительство обрабатывающим ее крестьянам. Подобное разграничение признавалось вполне очевидным. Собственность на «вещи» объявлялась «естественным» и неотъемлемым правом, которое могло и должно быть закреплено законодательно, а сформированная веками практика обладания людьми рассматривалась, чаще всего, как исторически сложившаяся форма межличностных взаимоотношений крестьян и помещиков, которая должна была бы согласовываться с нормами христианской морали.

Особенно отчетливо такая позиция прослеживается в работах Н. С. Мордвинова. В мнении «По делу о продаже людей без земли» он сформулировал главное отличие прав собственности на землю от права распоряжения людьми: «Право собственности дает неограниченное обладание над вещами, право начальства имеет свои пределы и взаимное нравственное соотношение между повелителями и повинующимися, между господином и слугою»³⁰. Подчеркивая, таким образом, условность правового положения душевноладельца, Николай Семенович утверждал, что поскольку «...право собственности распространяется только на вещи,

то человек не может быть собственностью другого человека»³¹. Исходя из этого, не требующего дополнительных доказательств, постулата считалось, что любой индивид, вне зависимости от его сословной принадлежности должен был иметь возможность самостоятельно распоряжаться собой и своим имуществом.

Однако формальное отделение прав собственности на землю от практики управления крепостными крестьянами не сопровождалось идеализацией существующих на тот момент времени взаимоотношений помещика и крестьянства. Ежедневная практика распоряжения домашней прислугой и крепостными крестьянами в ходе периодических посещений родовых (или приобретенных) имений, а так же общепринятый в дворянских кругах способ определения внутрисословного статуса дворянина по количеству закрепленных за ним крепостных «душ», убедительно доказывали всем приверженцам либеральных ценностей в России, что декларируемый ими тезис об условности прав помещика не соответствует реальному положению дел. В действительности крестьянин являлся полной собственностью помещика: его могли продать, подарить или обменять. Достаточно реалистичную картину действительного положения крестьян в России изобразил О. П. Козодавлев в одном из проектов, представленном Александру I в 1818 г.: «крестьяне помещичьи суть истинные рабы, не имеющие ни собственности, ни свободы, платящие оброк и отправляющие работу господскую по произволу господ своих или помещиков; они продаются поодиночке, без земли, как невольники, ...а иногда бывают и мучимы, как каторжники. Хотя законы и запрещают продавать крестьян без земли во время рекрутского набора, но корыстолюбие ускользает от сего узаконения чрез подлог, и весьма часто крестьяне и дворовые помещичьи люди продаются для отдачи в рекруты без земли вопреки естественных и положительных законов: словом сказать, в России бывает, к стыду нашему, торг невольниками точно такой же, какой производится в Африке и в Азии»³².

Отчетливо понимая противоречие между усвоенными извне либеральными ценностями и привычной для большинства дворянства практикой обращения с крестьянами, многие представители правительственной элиты высказывались за постепенное исправление сложившегося положения посредством определения границ властных полномочий помещика.

В первую очередь предлагалось уничтожить крайние проявления рабской зависимости крестьян. Прежде всего, необходимым признавалось запрещение торговли людьми. Данная мера рассматривалась в качестве первого шага в процессе искоренения «рабства крестьян», который приблизил бы Россию к «просвещенной» Европе. Рассуждения о необходимости запрета продажи крестьян достаточно часто встречается как в протоколах заседаний Государственного Совета, так и в материалах работы различных «особых» комитетов и комиссий. Наиболее рельефно, на мой взгляд, отношение к данному вопросу зафиксировано в протоколе заседания комиссии Составления законов от 12 февраля 1820 г. При обсуждении указанной проблемы большинство членов комиссии признали, что «...продажа людей лично по одиночке с разлучением отцов от детей на подобие бессловесных животных, не соответственна духу нынешняго времени и унижительно для самого человечества»³³. Одновременно сановники призвали всех участников операций по купле-продаже земельной собственности помнить о том, что при заключении подобных сделок «...продается не человек, разумное существо, которое ни по естественным, ни по политическим законам не может быть поставлено на равне с вещами, но самая земля...»³⁴.

В данном контексте негативное отношение к торговле людьми высказывалось с первых дней работы Государственного Совета. Примерно с того же времени постепенно менялось и восприятие данной проблемы. Преобладавшие до этого эмоции сменились желанием рационально объяснить причины и возможные пути искоренения торговли «живым товаром». Огромную роль в этом процессе сыграл сам факт обсуждения вопроса о целесообразности введения запрета продавать частновладельческих крестьян на высшем государственном уровне. В итоге, критика торговли людьми, с точки зрения ее несоответствия нормам христианской морали, была дополнена стремлением выработать приемлемый для всех заинтересованных сторон механизм «искоренения» работоторговли в России.

Содержательно рационализация подходов к проблеме уничтожения не соответствующих «духу времени» крайних форм крепостничества, проявлялась в попытках проанализировать все ближайшие и отдаленные последствия запрета продажи людей без земли. Например, подчеркивалось, что введение такого запрета, с одной стороны значительно облегчи-

ло бы положение частновладельческих крестьян, а с другой – не повлекло бы за собой нарушение права собственности помещиков на землю. При этом чаще всего, пытаясь логически обосновать необходимость запрета продавать крестьян без земли, сторонники данной меры оба эти аргумента считали равноценными. Очевидность первого утверждения уравнивалась достаточно внимательным изучением основных этапов юридического оформления в России права собственности. В результате такого рода исторических экскурсов некоторые члены Государственного Совета обрели уверенность в том, что в Российской империи нет, и никогда не было, юридически зафиксированных норм, разрешающих продажу людей. А. Б. Куракин, например, в мнении «О непродаже людей без земли» недвусмысленно писал об этом: «в самой отдаленной древности нашего Отечества, исторические события показывают, что торг людьми без земли, торг унижающий человечество никогда законами нашими установлен не был»³⁵. Аналогичная мысль присутствует и в проекте «Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из-под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ними гражданскую свободу» О. П. Козодавлева: «В России, как история показывает, в древние времена рабство не было законами терпимо. Право приобретения недвижимого имущества или яснее сказать, право на деревни и на владение ими разумелось, прежде всего, единственно о земле, а не о людях...»³⁶.

Сформулированный таким образом тезис об отсутствии юридических препятствий для запрета торговли крестьянами и его безопасности с точки зрения незыблемости прав земельных собственников, обусловил отчетливо выраженную практическую направленность обсуждений данного предложения в Государственном Совете. Более того, появление логически непротиворечивых аргументов, доказывающих целесообразность ограничения прав помещика обращаться с проживающими на его земле крестьянами как с неодушевленными предметами, произошедшее на фоне повышения внутренней самооценки возможностей дворянского сословия и знакомства с сочинениями либеральных европейских мыслителей, укрепило существовавшую в кругах образованной дворянской элиты иллюзию «готовности» помещиков добровольно отказаться от «противной нравственности» торговли живым товаром. Яркой иллюстрацией подобного рода иллюзии может служить протокол заседания Совета 15 марта 1801 г., на котором было заявлено о том, что «дворянство российское во-

обще довольно просвещено, чтобы установление сие признать справедливым, принять его с благодарностью...»³⁷. В крайней форме иллюзия «готовности» искоренить работорговлю отражена в записке С. О. Потоцкого «Об улучшении участи крестьян в России»³⁸. Автор предлагал изменить порядок наследования дворянином земельной собственности и крепостных крестьян. По его мнению, для прекращения торговли крестьянами достаточно было дать возможность дворянам добровольно устанавливать порядок наследования собственности по старшинству (майорат) как по прямой, так и по боковой линии, при условии, что наследник не имел бы права «покупать, продавать или переселять крестьян и дворовых»³⁹. В дальнейшем это правило, по мнению С. О. Потоцкого, приведет к улучшению жизни крепостных: «...крестьяне получают некоторую свободу (уменьшение количества рабочих дней, невозможность быть проданными) и постарается стать достойными этого неотчуждаемого права»⁴⁰.

Одновременно с укреплением уверенности в своевременности и безопасности запрета торговли людьми рационализация подходов к проблеме смягчения взаимоотношений крестьян и помещиков заложила и прямо противоположную тенденцию. Параллельно с распространением мифа о «случайном» характере установления полурабской зависимости крестьян и иллюзии «готовности» помещиков отказаться от крайних проявлений крепостничества, в кругах образованной дворянской элиты произошло понимание неподготовленности самого крестьянства к решительным действиям правительства.

Главным препятствием решительных действий считались неграмотность крестьянства, отсутствие у них элементарного, с точки зрения дворянина, понятия о сложносоставном характере процесса проведения преобразований, и как следствие, склонность крестьянина к одномоментному и не всегда мирному разрешению острых социальных вопросов. Повседневная окружающая крестьянина культурная среда, погруженность в сиюминутные хозяйственные или семейные проблемы, чрезвычайно низкий образовательный уровень, – все это не способствовало формированию у крестьянина ни желания, ни способностей абстрагироваться от сложившихся в непосредственном кругу общения оценок взаимоотношений с конкретным помещиком и осмыслить проблему в масштабе всей страны. Именно исходя из такого рода рассуждений, большинство членов

Государственного Совета на заседании 6 мая 1801 г. призывали к осторожности при принятии запрета на продажу людей без земли, прямо указывая на опасность неадекватной реакции со стороны крестьян: «Сии люди от непросвещения своего прямую цель ея не поймут и от своего невежества ее обратить могут к смыслу уничтожения законной власти над ними помещиков»⁴¹. При обсуждении данного вопроса всегда особо подчеркивалось, что правительство должно было бы заранее предусмотреть все негативные последствия запрета продажи людьми и по возможности смягчить их.

Разрешение стоящей перед правительством задачи, с точки зрения членов Государственного Совета, осложнялось непредсказуемостью поведения крестьян. Резкое изменение привычных норм взаимоотношений между помещиком и крестьянином могло привести к утрате правительственного контроля над дальнейшим ходом событий. Подобные опасения высказывали даже самые последовательные сторонники либерализации межсословных взаимоотношений в России. На заседании Государственного Совета 3 марта 1802 г. А. Р. Воронцов обратил внимание присутствующих на необходимость проведения всестороннего анализа возможных последствий всех принимаемых правительством решений. По его словам, сложившийся порядок «...зашевелить легко, но следствия не всегда предвидимы, и часто чтоб неминуемая от того движения остановить, бывает не в силах тех самих, кои начали»⁴².

Оценивая проблему смягчения взаимоотношений помещиков и крестьян с позиций «готовности» или «неготовности» к преобразованиям одной из сторон, российские адепты либеральных ценностей оказались перед необходимостью определить приемлемую и безопасную лично для них, как для достаточно крупных земле- и душевладельцев, стратегию поведения. Каждый участник обсуждений данной проблемы в Государственном Совете вынужден был выбрать одну из двух, прямо противоположных друг другу стратегий.

Первый вариант стратегии основывался на представлении о «неготовности» крестьян к любым изменениям существующего положения и предполагал отсрочку на неопределенное время всех действий правительства по крестьянскому вопросу. К этому варианту, первоначально, склонялись многие члены Государственного Совета, но даже те из них, кто

указывал на опасность роста в крестьянской среде бунтарских настроений признавали, что политика «замалчивания» проблемы не может продолжаться бесконечно. Рано или поздно бездействие правительства может привести к не менее разрушительным социальным катаклизмам. По образному выражению одного из членов Государственного Совета, «сонное» положение народа невозможно поддерживать долго. Наступит время, когда крестьяне «...возбудятся от него и найдут себя в бездне рабства... тогда большинство страстей народных... заступят место силе и благоразумию, необузданная вольность и безначалие представятся единственным средством к свободе...»⁴³.

Второй вариант поведения предусматривал активизацию деятельности по уничтожению полурабской зависимости крепостных крестьян. Но и этот вариант, по мнению большинства членов Государственного Совета, не гарантировал бы соблюдение главного условия – сохранение в стране социального мира и неприкосновенности частной собственности. Ведь потенциально продолжала существовать опасность спровоцировать агрессивную реакцию со стороны «темного» и «непросвещенного» крестьянства, даже в том случае, если предпринимаемые правительством меры были бы направлены на улучшение его положения.

В сложившихся условиях выбор стратегии разрешения крестьянского вопроса был, по сути, выбором «меньшего зла». При этом усиление аргументов «за» или «против» одного из указанных вариантов, зачастую приводило к усилению или ослаблению в Государственном Совете консервативных настроений. Позитивным итогом такого рода колебаний, на наш взгляд, была корректировка представлений о конкретных тактических приемах продвижения к еще во многом умозрительной цели – уничтожению «рабства» в России.

Постепенно, в целях своевременной нейтрализации негативных последствий, было признано необходимым следить за изменениями в настроении крестьян и корректировать деятельность правительства в соответствии с характером этих изменений. Подобный алгоритм проведения преобразований позволил бы правительству выбрать наиболее удачный, с точки зрения сохранения общественного спокойствия, момент. В данном контексте характерным представляется ответ членов Государственного Совета на поставленный императором Александром I в мае 1801 г. вопрос

о своевременности установления запрета торговли людьми. После длительного обсуждения все они одобрили данную меру, но рекомендовали императору ее «... привести к исполнению, когда внимание умов к новостям... мало по малу с течением времени успокоится»⁴⁴.

Не менее целесообразным представлялось установление особой процедуры правового регулирования взаимоотношений между помещиками и подвластными им крестьянами. Н. П. Румянцев, В. П. Кочубей, Д. А. Гурьев, А. Б. Куракин и многие другие члены Государственного Совета, говорили о возможном подписании всеми заинтересованными в мирном характере взаимоотношений землевладельцев и крестьян сторонами особого договора, в котором мог бы быть зафиксирован согласованный порядок разрешения важнейших социальных и хозяйственных проблем.

В отдельных случаях подобные настроения перерастали в предложения придать крестьянству статус полноценного субъекта правовых отношений, разрешив ему самостоятельно отстаивать свои интересы в суде. Необходимость наделения крестьян такого рода правами для приверженцев либеральных ценностей была очевидна, и выводилась из тезиса о существовании «естественных» прав человека. Общее для всех людей право на личную безопасность, предписывающее обязательность соблюдения всех, закрепленных в законе процессуальных норм установления вины подозреваемого, а также порядка вынесения соразмерного совершенному индивидом преступлению наказания, в идеале, давало крепостным крестьянам право прямого обращения в суд. Именно «естественное право» личности на свободу и безопасность, по словам М. М. Сперанского, «дает крепостным людям право суда и отъемля его от помещиков, ставит их на равне с всеми пред законом»⁴⁵. Однако, и это особо подчеркивали практически все члены Государственного Совета, с приданием крестьянину статуса полноценного субъекта правоотношений в силу исторически сложившейся «отсталости» большинства представителей данного сословия не следует торопиться.

Крестьянин должен был бы постепенно привыкнуть к изменению своего положения, научиться пользоваться и ценить дарованные ему правительством права. Признавалось, что этот процесс может быть достаточно длительным. Способствовать формированию у крестьян «соответствующей духу времени» правовой культуры считалось возможным по-

средством наделения крестьян правом приобретения недвижимой собственности. Высокая эффективность воздействия данной меры на сознание крестьян не вызывала сомнений. Ведь право собственности, по глубокому убеждению представителей образованной дворянской элиты, прежде всего, воспитывало чувство ответственности, сдержанность и предусмотрительность, т. е. те качества, наличие которых существенно уменьшило бы склонность крестьян к крайним формам разрешения волнующих их проблем. Источником такого рода уверенности, на наш взгляд, являлся личный опыт распоряжения недвижимой земельной собственностью. Осознанно или нет, многие члены Государственного Совета проецировали свой личный опыт, свои ощущения от владения землей на крестьян. Им казалось, что по мере приобретения земли в крестьянской среде могло возникнуть аналогичное распространенному среди дворян стремление сохранить и приумножить собственность, не провоцируя при этом своим поведением возникновение каких-либо социальных конфликтов.

Впервые мысль о возможности наделения крестьян правом покупки земли зафиксирована в одном из вариантов проекта «Жалованной грамоты российскому народу» (август 1801 г.), разработанном А. Р. Воронцовым при участии В. П. Кочубея и Н. Н. Новосильцева. Наряду с провозглашением общегражданских прав, в документе говорилось о необходимости предоставления государственным и частновладельческим крестьянам «права приобретать в собственность незаселенные земли, оформляя купчие на свое имя»⁴⁶.

Чуть позднее, в октябре – ноябре 1801 г., предложение даровать крестьянам право покупки недвижимой земельной собственности приобрело ярко выраженную практическую направленность. Однако одновременно произошла и определенная корректировка первоначальных позиций. Рассматривавшийся в комплексе с введением запрета на продажу людей без земли, вопрос о возможности появления земельной собственности у частновладельческих крестьян казался несвоевременным. Причины назывались те же самые, что и при обсуждении порядка ограничения продажи людей – «неготовность» крестьян и отсутствие четкого механизма регулирования отношений земледельцев и помещиков. В этих условиях процесс расширения круга землевладельцев должен был находиться, по мне-

нию членов Государственного Совета, под контролем правительства и носить ограниченный характер.

В экспериментальном порядке идея наделения крестьян правом приобретения в собственность незаселенных участков земли могла быть апробирована на государственных крестьянах. Такой вариант представлялся наиболее безопасным, т. к., с одной стороны, государственные крестьяне считались менее подверженными бунтарским настроениям, а с другой, – данный порядок расширения круга людей, потенциально обладающих правом собственности на землю, не грозил столкновением с интересами уже существующих крупных земельных собственников.

Комментируя изданный 12 декабря 1801 г. указ, предоставляющий право «приобретать покупкою ненаселенные земли купечеству, мещанству и казенным поселянам», проевропейски настроенная часть дворянской элиты рассматривала его как первый, по-настоящему действенный шаг в деле либерализации общественных отношений в России. При этом интересно отметить, что наряду с привычными уже высказываниями о соответствии принятого решения «духу времени», некоторые члены Государственного Совета выдвигали и сугубо прагматичные аргументы. Например, Н. С. Мордвинов, в записке «О силе и пространстве указа 12 декабря»⁴⁷, называя «закон распространения недвижимой собственности законом истинной народной свободы»⁴⁸, подчеркивал экономическую полезность расширения круга землевладельцев. С наделением государственных крестьян правом покупки земли мог быть устранен главный тормоз развития сельского хозяйства, который, по мнению Николая Семеновича, состоял в том, что до сих пор «...земледелец не имеет внутреннего движущего начала: не имеет сознания, что дело рук его ему принадлежит, что для себя угождает он поля и удвояет жатву...»⁴⁹. Не менее значительный экономический эффект от предоставления права купечеству, мещанству и казенным крестьянам приобретать незаселенные земли, можно было бы ожидать и вследствие введения в хозяйственный оборот не обрабатываемых ранее земель. И, наконец, наиболее прагматичным по своему содержанию аргументом было утверждение об увеличении поступлений в казну: «когда право покупки земли распространено будет и на другие состояния подданных, – писал Н. С. Мордвинов, – цена оных в пользу казны и дворянства возвысится многим»⁵⁰. В результате разрешения прода-

жи земли не дворянам увеличилось бы количество налогоплательщиков, которые были бы способны стабильно выплачивать в государственную казну поземельный налог в 25 копеек ежегодно⁵¹.

Обозначенная выше тенденция утилитарного обоснования изменений правового статуса крестьянства вытекала из накопленного к началу XIX в. опыта работы в различных бюрократических структурах, где все решения, так или иначе, должны были быть связаны с «государственной пользой». Подобное обоснование было общепринятой в кругах правительственной элиты России нормой, и очень часто использовалась в качестве дополнительного доказательства необходимости того или иного действия правительства. Усиленное чувством личной ответственности за судьбу страны и осознанием своей «просвещенности», при одновременном сосуществовании нравственного неприятия крайних проявлений деспотизма и чувства страха собственника-душевноладельца за материальное благополучие себя и своих детей, оно было неотъемлемой частью общей социально-психологической основы активизации интереса к крестьянской проблеме. При решении такого сложного и социально значимого вопроса высокопоставленный чиновник должен был, оперируя понятием «государственная польза» обеспечить стабильное будущее своей семьи. В данном контексте особое значение имело то, что большинство представителей исследуемой группы правительственной элиты содержали многодетные семьи (см. приложение 7), а следовательно вынуждены были предварительно оценивать все принимаемые в Государственном Совете или Комитете министров решения с точки зрения их влияния на будущее собственных детей.

Сложность внутренней мотивации определила и многогранность подходов к разрешению проблемы. Особенно заметно многообразие взглядов начало проявляться с 1803–1807 гг. Именно тогда вопрос о наделении крестьян хотя бы минимальным объемом «естественных» прав плавно перерастал в обсуждение возможных вариантов отмены полурабской зависимости крестьян. Здесь следует отметить, что в указанный период речь велась не столько о разработке конкретных проектов освобождения крестьян, сколько о выработке самых общих подходов, определении возможных вариантов развития событий.

С самого начала практически все участники обсуждений крестьянской проблемы не строили для себя никаких иллюзий на счет возможности скорейшего разрешения вопроса. Напротив, в кругах либерально-ориентированной дворянской элиты преобладало понимание чрезвычайной сложности стоящей перед ними проблемы, и убежденность в невозможности ее одномоментного разрешения как «сверху», так и «снизу». Ярким свидетельством существования такого взгляда на крестьянскую проблему является отрывок из записки П. А. Строганова «О конституции»: «Тут предстоит щадить интересы помещиков; тут необходим целый ряд тонких узаконений, которые, не нарушая права помещиков, вели бы к главной цели, к освобождению... Необходимо избегать выражений, волнующих умы крестьян, что привело бы к самым прискорбным последствиям»⁵².

Первоначально надежда возлагалась на инициативность «просвещенного» дворянства. Считалось, что правительству достаточно законодательно оформить разрешение отпускать крестьян на волю и вопрос неизбежно сдвинется с мертвой точки. Огромную роль в этом процессе мог сыграть личный пример. Руководствуясь этой идеей, граф С. П. Румянцев в начале 1803 г., заявил о желании отпустить 199 душ крепостных и представил императору Александру I, а затем и в Государственный Совет, предложение о порядке освобождения частновладельческих крестьян. В соответствии с ним все конкретные условия освобождения, включая взаимные обязанности сторон до и после обретения крестьянами личной свободы, должны были быть закреплены в особой грамоте. При этом инициатива личного освобождения земледельцев должна была бы исходить от помещика. Единственным ограничением свободы его действий заключалось бы в том, что он был обязан сообщить о своем намерении императору⁵³. После согласования с Александром I предложение С. П. Румянцева было положено в основу указа от 20 февраля 1803 г. о вольных хлебопашцах, по которому в период с 1803 по 1825 гг. было заключено 160 договоров и освобождено 47153 души мужского пола⁵⁴. Это был первый решительный шаг в направлении искоренения крепостничества в России.

Однако, ни в изданном на основании предложения графа С. П. Румянцева проекте, ни в самом указе, оставался неурегулированным

вопрос о наделении крестьян правом собственности на землю. По некоторым критическим замечаниям современников сохранившихся в материалах «Особого комитета 6 декабря 1826 г.» в форме «Записок относящихся до учреждения вольных хлебопашцев» известно, что Сергей Петрович, первоначально, предлагал предоставить, освобождающимся по инициативе помещиков крестьянам, земельный участок, с помощью которого крестьянин «может отработать тягло»⁵⁵.

Появление законодательного акта, разрешившего отпускать крестьян на волю, в дворянской среде вызвало самую разную реакцию – от одобрения и поддержки, до недоумения и страха. С. П. Румянцева критиковали как за чрезмерную поспешность в разрешении сложнейшего, общественно-значимого вопроса, так и за недостаточную проработанность земельных отношений. Например, один из членов Государственного Совета в анонимной записке критиковал проект С. П. Румянцева за нечеткость формулировок и предложил более радикальный порядок наделения крестьян землей: «земли, утверждающиеся за крестьянами от господ должны быть... собственностью первых и вольны ими распоряжаться они, как заблагорассудится»⁵⁶. Сам граф С. П. Румянцев уточнил свою позицию на заседании общего собрания Государственного Совета 12 января 1805 г., предложив разрешить помещикам отпускать на свободу крепостных крестьян по заключении договора с правом «укреплять им в собственность участки земли каждому особенно или обществом в целом»⁵⁷. Итогом освобождения крестьян с землей должно было, по мысли автора, стать формирование «нового в государстве сословия» вольных земледельцев.

Освобождение крестьян посредством постепенного перехода в «новое состояние» было характерно для всех предлагаемых либерально ориентированной правительственной элитой проектов разрешения крепостной проблемы. При этом подобный механизм рассматривался в качестве варианта освобождения не только прикрепленных к земле крестьян, но так же и тех, кто трудился на фабриках и заводах. Например, летом 1805 г. министр внутренних дел, граф В. П. Кочубей, вынес на обсуждение в Департамент Государственной экономики Государственного Совета проект перевода фабричных и заводских крестьян в новое состояние «свободных мастеровых». Предложенный им механизм был достаточно

прост: все приобретенные для работы на заводах и фабриках крестьяне по истечении 18 лет с момента их появления на производстве становились свободными⁵⁸. Особенно подчеркивалось, что реализация данного предложения одновременно позволит освободить крестьян, и будет способствовать развитию отечественной промышленности за счет появления в России рынка вольнонаемной рабочей силы⁵⁹. Однако, несмотря на простоту и логичность предложения В. П. Кочубея, на заседании 31 июля 1805 г. оно получило неоднозначную оценку. С одной стороны, большинство членов департамента одобрило разработанный механизм формирования в России рынка свободной рабочей силы⁶⁰, а с другой стороны, многие говорили о возникновении, в случае реализации проекта, потенциальной опасности резкого ухудшения положения крестьян и их дальнейшей пауперизации.

Показательным в данном контексте является особое мнение по этому делу министра коммерции Н. П. Румянцева, который убедительно доказывал, что в условиях, когда будет обозначен точный срок пребывания крестьянина на фабрике или заводе, у владельца предприятия появится дополнительный экономический стимул усилить их эксплуатацию, получить до истечения указанного в законе срока, максимально возможную прибыль от безвозмездного труда подневольных крестьян. В итоге на длительное время положение работников может резко ухудшиться: «у всех есть корысть беречь продолжение машины⁶¹, а у нас будет корысть изнурять рабочего срочного»⁶². Развитие событий по данному сценарию было равнозначно созданию благоприятных условий для усиления деспотизма в положении, когда у правительства нет права на ошибку. В связи с этим, предложенный министром внутренних дел проект, по мнению Н. П. Румянцева, мог рассматриваться в качестве одного из вариантов либерализации общественных отношений только в том случае, если государство законодательно ограничит возможности фабрикантов ужесточать эксплуатацию и гарантирует, что «...всякий, проработав на фабрике определенное время, выкупает тем свою свободу»⁶³.

Активный поиск безболезненного для всех заинтересованных сторон способа решения крестьянской проблемы, основывавшийся на уверенности в «готовности» дворянства добровольно уничтожить «рабство» в России, продолжился примерно до 1807 г. С этого момента чувство социаль-

ной ответственности за жизнь подневольного крестьянина вытеснялось чувством долга перед Отечеством. Резкое обострение международной обстановки на первый план выдвигало разрешение более важных и неотложных задач. Для представителей правительственной элиты России в 1808–1815 гг. актуальным стало все то, что касалось укрепления боеспособности русской армии и поддержания финансовой стабильности внутри страны в условиях военного времени. Снижение активности поиска приемлемых вариантов разрешения проблемы было обусловлено и изменением характера службы. Ведь многие члены Государственного Совета с начала Отечественной войны 1812 г. по собственной инициативе, в обстановке общего роста патриотических настроений, или в связи с переводом на военную службу, принимали активное участие, как в боевых действиях, так и в организации бесперебойного снабжения армии продовольствием и боеприпасами.

Возвращение интереса к крестьянской проблеме произошло лишь к 1816–1818 гг. После окончания заграничной кампании, в ходе которой многие представители образованного дворянства познакомились с повседневной жизнью в сельских районах, мелких и средних городах Европы (в довоенный период они, как правило, посещали лишь крупные города и столичные центры), особенно отчетливо стала осознаваться несовместимость существования крепостного права в России со статусом «просвещенной» страны-освободительницы. При сравнении положения земледельцев в Европе и у себя на Родине отсталость России была очевидна.

Дополнительным фактором, определившим повторное обращение к поиску оптимальных методов уничтожения рабства в России, было активное участие крестьян в Отечественной войне 1812 г. Масштабы партизанского движения позволяли говорить о том, что исход войны был предопределен не только умелым командованием и самоотверженностью солдат, но и в немалой степени патриотическими чувствами крестьян. Подобная оценка роли простого народа в победе над врагом содержится в личной переписке В. П. Кочубея и Н. С. Мордвинова⁶⁴. Параллельно с этим актуализация крепостной проблемы была обусловлена и имеющейся в распоряжении представителей правительственной элиты информацией о характере изменения настроений в крестьянской среде. Например, весной 1815 г. на заседании Комитета общей безопасности говорилось о том,

что в стране участились случаи, когда «мужики беспрестанно твердят, что они свободны и в послушание не идут»⁶⁵.

Все указанные выше факторы в совокупности обусловили не только возвращение к крепостному вопросу, но и привели к определенной корректировке взглядов на характер стоящих перед правительством задач: если первоначально актуальным считалось определение самых общих подходов к проблеме, то теперь, чаще всего, говорилось о необходимости разработки более детальных проектов освобождения крестьян.

Необходимо отметить, что некоторое смещение акцентов не сопровождалось отказом от выработанных ранее принципов. Теоретическое разделение права собственности на землю от права распоряжения людьми, признание необходимости внимательно следить за изменениями в настроении «непросвещенного» крестьянства, осторожность действий и формулировок при принятии любых решений, которые могли быть негативно восприняты как помещиками, так и крестьянами – все это не подвергалось сомнению и в послевоенный период. В общем виде, к 1815–1818 гг. взгляд на крестьянскую проблему совпадал со сформулированным еще в марте 1802 г. А. Р. Воронцовым тезисом: «целью всякого благонамеренного и кроткого правления должно быть, сколь можно, облегчение человечества ... достижение чего должно быть без переломов и крутостей, а при том и без нарушения собственности и обычаев коренных...»⁶⁶.

Ярким примером сохранения указанных выше принципов является проект Е. Ф. Канкрина. Представленный на Высочайшее имя в 1818 г., он содержал план постепенного освобождения крестьян, рассчитанный на период с 1819 по 1880 гг. При этом особо подчеркивалось, что необходима «цельная и заранее обдуманная система освобождения»⁶⁷. Аргументируя необходимость разработки долгосрочного плана действий правительства при решении крестьянской проблемы, автор утверждал: «Было бы, однако несправедливо, неосторожно и даже невозможно отпустить разом крестьян на волю. Несправедливо, потому, что за установлением у нас волею правительства крепостного права большая часть имений приобретена под этим условием, и, следовательно, в случае освобождения крестьян была бы приобретена в убыток. Неосторожно, ибо крестьяне, не приготовленные к новому порядку, могли бы предаться необузданным порывам страстей. Невозможно, потому, что такой внезапный переход

расстроил бы до крайности всю народную производительность... и имел бы, наконец, самое пагубное влияние на нравственность многочисленного класса русского народа»⁶⁸. Е. Ф. Канкрин предлагал ряд мер законодательного характера, которые в перспективе привели бы не только к решению острой социальной проблемы, но и позволили бы повысить «производительность в двадцать раз и более». По его мнению, необходимо было разрешить крепостным крестьянам приобретать недвижимую собственность и землю; отменить периодические переделы крестьянских наделов; издать указ, определяющий и ограничивающий повинности крестьян на всей территории страны; законодательно оформить положение дворовых людей и крестьян, занимавшихся ремеслом и торговлей; определить «таксу, по которой крепостной может выкупаться с землею и без оной»; составить «полицейско-исправительное уложения для крестьян»⁶⁹. При этом сам автор, понимая сложность рассматриваемого им вопроса, называл свой проект лишь «легким очерком законоположения», более подробный план, по мнению Е. Ф. Канкринина должен был быть составлен и «приведен в исполнение не иначе, как с общего содействия лиц самых просвещенных и благонамеренных из разных сословий...»⁷⁰.

Наиболее отчетливо стремление разработать конкретный механизм постепенного освобождения крестьян, на основе выработанных ранее принципов, просматривается в записке Н. С. Мордвинова «Одна из мер освобождения крестьян от зависимости и с оною возбуждения народной деятельности» (1818)⁷¹. В ней автор, опираясь на неоспоримый, с точки зрения «просвещенного» дворянина, тезис о том, что любой человек с рождения «одарен деятельностью, умом и свободою воли»⁷², предлагал развернутую программу поэтапного освобождения частновладельческих крестьян.

Одномоментное уничтожение крепостной зависимости, по мнению Н. С. Мордвинова, было затруднено исторически сложившимися особенностями крестьянской психологии: полностью зависимый от воли помещика, крестьянин не имел навыков свободного труда и не обладал сдерживающим от необдуманных поступков чувством собственника. Непредсказуемость поведения крестьян после освобождения от опеки извне, подтверждала справедливость утверждения, что «народу, пребывающему века без знания гражданской свободы, даровать оную изречением на то

воли Властителя возможно, но знания пользоваться ею во благо себе и обществу даровать законоположением невозможно»⁷³. Для подготовки крестьянского сознания к новым условиям существования необходим был особый «переходный» период. На успех в разрешении столь сложной социальной проблемы можно было бы рассчитывать только в том случае, если преобразования будут проводиться с «...некоторою постепенностью, когда свободными делаются не все вместе и единовременно»⁷⁴.

По проекту Н. С. Мордвинова, крепостные освобождались постепенно по мере того, как крестьянин в денежной форме компенсировал помещику потерю рабочих рук. Сумма компенсации, которую по замыслу автора проекта, помещики могли бы инвестировать в развитие отечественной промышленности и торговли, устанавливался в зависимости от возраста и трудоспособности каждого крестьянина: дети до 2 лет и крестьяне старше 60 лет освобождались бы бесплатно; от 2 до 5 лет общая сумма выплат составляла бы 100 р.; 5 – 10 лет, – 200 р.; 10-15 лет, – 400 р.; 15-20 лет, – 600 р.; 20-30 лет, – 1500 р.; 30-40 лет, – 2000 р.; 40-50 лет, – 1000 р.; 50-60 лет, – 500 р.⁷⁵

Данный алгоритм разрешения крепостной проблемы позволил бы крестьянину приобрести новые и, безусловно, необходимые ему после освобождения качества, такие как бережливость, трудолюбие и целеустремленность. Предполагалось, что первыми освободились бы наиболее способные к самостоятельной жизни крестьяне, а именно те из них, кто научится ставить перед собой цели, и находить оптимальные пути их достижения законными способами. Таким крестьянам, по словам Н. С. Мордвинова, свобода «...представляется в виде награды трудолюбию и приобретаемому умом достатку»⁷⁶.

Не менее важным достоинством, предложенного в проекте порядка освобождения крепостных крестьян, было то, что он обеспечивал соблюдение баланса интересов всех заинтересованных сторон: «Тихое, мирное прехождение из зависимого состояния в свободное никакому другому словию не навлечет неприятности и потерь. Не ослабляя никакой части, всё целое общаго благоденствия скорее достигнет»⁷⁷.

Обозначенное в различных проектах разрешения крепостного вопроса стремление достичь социального компромисса соответствовало усвоенному еще с детства представлению о сложносоставном характере

общественных отношений. Отчетливо осознаваемая взаимозависимость благополучия одной социальной группы от поведения другой, выражалась в понятиях «единосложность», «неразрывный союз всеобщего целого» и «сложность в разделении»⁷⁸. Считалось, что резкое ухудшение положения крестьян или помещиков могло спровоцировать мощный социальный взрыв, в результате которого управление социально-экономическими процессами будет сильно затруднено или даже невозможно. Одновременно с этим, понимая, что гетерогенность социальных интересов в период реформирования неизбежно раскалывает общество на сторонников и противников преобразований, адепты либеральных ценностей в правительственных кругах России единственной силой, способной обеспечить достижение социального компромисса при разрешении крестьянской проблемы считали государство. Именно оно могло выступить в роли справедливого арбитра, который с помощью хорошо продуманной системы законов может защитить крепостных крестьян от произвола помещиков и, одновременно, гарантировать личную безопасность и неприкосновенность частной собственности помещиков.

Апелляция к государству как к справедливому арбитру и посреднику при освобождении крепостных крестьян присутствует практически во всех проектах разрешения данной проблемы. Так, в проекте А. А. Аракчеева, представленном императору Александру I в феврале 1818 г., автор предлагал освобождать крепостных крестьян по инициативе и под контролем государства, которое постепенно выкупало бы у помещиков крестьян с землей по ценам каждой конкретной местности. Финансовые средства государство должно было бы, по проекту графа А. А. Аракчеева, получить за счет ежегодных отчислений с питейного сбора и выпуска 5 %-х облигаций государственного займа. Крестьяне освобождались бы с землей в размере 2 десятины на одну «ревизскую душу»⁷⁹. В общем виде, автор проекта был одним из первых в России, кто прямо говорил о финансовой ответственности государства перед помещиками и возможности выкупа крестьян с землей посредством кредитной операции. Данный проект был одобрен императором Александром I, но его реализация на практике была затруднена целым рядом финансовых обстоятельств, и, прежде всего, несоразмерностью доходов от предлагаемых автором проекта источников финансирования крестьянской реформы и общей суммы компенсационных выплат помещику⁸⁰.

Не менее активная роль в разрешении крестьянской проблемы была возложена на различные государственные структуры и в проекте князя А. Б. Куракина. По его проекту освобождение крестьян от личной зависимости должно было проходить в два этапа. Прежде всего, по мысли автора проекта, необходимо было провести новую перепись населения и четко разделить всех частновладельческих крестьян на две различные по своему внутрисловному статусу группы: к первой могли быть отнесены собственно крестьяне «имеющие оседлость» и работающие на земле; вторую группу составляли бы «дворовые люди» и прислуга помещика⁸¹. На первом, подготовительном, по своей сути, этапе государство должно было с помощью экономических рычагов прекратить дальнейшее «обезземливание» крестьян посредством перехода в разряд дворовых. Главный инструмент воздействия – повышение подушной подати за дворовых людей при одновременном запрете помещикам увеличивать, в целях компенсации дополнительных затрат, различных налогов и сборов с работающих на земле крестьян. В результате помещик был бы заинтересован в сокращении количества дворовых людей.

На втором, условно выделяемом этапе, помещику было бы даровано право либо «... увольнять своих дворовых людей целыми семействами и по одиночке», предоставляя им «вечные отпускные», либо «обращать дворовых людей в хлебопашцы»⁸². В первом случае государство должно было внимательно следить за тем, чтобы помещик не избавлялся от «больных и престарелых без их согласия»⁸³. Кроме этого правительство брало на себя обязательство всемерно помогать, получившим свободу крестьянам: устранить существующие в стране правовые препятствия «записываться в мещане» и на один год освободить их от податей.

В случае же перевода дворовых людей в разряд «землепашцев» они в течение 20 лет оставались бы в личной зависимости от помещика. После указанного срока, по словам А. Б. Куракина, «...они с семейством своим, в поселении находящемся, делаются свободными и могут сойти с земли или остаться на оной»⁸⁴. В обязательном порядке крестьянину предоставлялось право покупать или арендовать земельные участки, как у помещика, так и у государства. Все остальные взаимные обязательства между помещиком и крестьянами должны были быть закреплены в спе-

циальных договорах, неукоснительное исполнение которых контролировалось бы государством.

Таким образом, в кругах европеизированной правительственной элиты либеральное, по своей сущности, стремление обеспечить свободу личности сосуществовало с патерналистскими интенциями государственного «покровительства» по отношению к необразованному и не имеющему навыков свободной жизни крестьянству. Данное обстоятельство способствовало конструированию самостоятельного взгляда на процесс либерализации общественных отношений в России, который впрочем, не содержал в себе принципиальных противоречий с декларируемыми в трудах многих европейских либеральных мыслителей того времени тезисами о функциях правительства и стратегии проведения преобразований. Убеждение в необходимости соблюдать повышенные меры безопасности и проводить всесторонний анализ всех возможных последствий, инициируемых правительством преобразований, было зафиксировано в различных «мнениях», «голосах», записках и проектах А. Р. Воронцова, Д. А. Гурьева, В. П. Кочубея, Н. П. Румянцева, Н. С. Мордвинова, Е. Ф. Канкрина, О. П. Козодавлева, Н. И. Салтыкова, М. М. Сперанского и др. Содержательно оно совпадало, например, с представлением В. Гумбольта о назначении «умного законодателя»: «... он изучает современное направление, затем, в зависимости от того, каким он его находит, содействует ему или же противодействует; благодаря этому настоящее приобретает иную модификацию, последняя снова подправляется и т. д. Так законодатель удовлетворяется тем, что приближает современность к совершенству как к искомой цели»⁸⁵.

На фоне развитого в кругах адептов либеральных ценностей в России чувства социальной ответственности и интеллектуального превосходства, либеральный принцип «движения с оглядкой» в прошлое с одновременным анализом ближайших и отдаленных перспектив развития, на практике часто оказывался более значимым аргументом, нежели признание необходимости немедленной реализации того или иного предложения. Возможность стабильного и бесконфликтного развития социума являлась для большинства членов Государственного Совета основным критерием оценки жизнеспособности любого проекта.

Примечания

- ¹ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. VI.
- ² Подчеркнуто автором документа.
- ³ Там же. Л. 32–33.
- ⁴ Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. С. 46.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 44.
- ⁷ См.: Грамота российскому народу // Семенников В.П. Очерки и исследования. М.–ПГ., 1923. С. 188.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. С. 327–331.
- ¹⁰ См.: Государственная уставная грамота Российской Империи // Антология мировой политической мысли. Т. 3. С. 650.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Мнение адмирала Мордвинова об оскорблении Величества // ЧИОИДР. 1859. Кн. II., апр.-июнь. Разд. V. С. 6–7.
- ¹³ Цит. по: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995. С. 40.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Мнение адмирала Мордвинова о неклеимении лица у преступников // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV. С. 21–22; Мнение адмирала Мордвинова о кнуте, орудии наказания // Там же. С. 23–25.
- ¹⁶ Дополнительные статьи адмирала Мордвинова о смертной казни // Там же. С. 32.
- ¹⁷ См.: Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
- ¹⁸ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. СПб., 1806.
- ¹⁹ Козодавлев О.П. Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ними гражданскую свободу // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России конца XVIII – первой четверти XIX века. Сб. док. / Подг. мат. и введ. ст. А.Н. Долгих. Липецк, 2003. С. 146.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 12.
- ²¹ Там же. Л. 87.
- ²² АМ. Т. 3. Д. 718. С. 182–193.
- ²³ Там же. С. 182–183.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 183.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 360–361.
- ²⁸ Письмо Д.П. Трощинского А.Р.Воронцову (1801) // Архив князя Воронцова. Кн. 12. М., 1877. С. 405.

- ²⁹ См.: Articles ou materiaux qui peuvent server a la confection d'un edit ou manifeste de privileges, franchises etc. // Русский архив. 1908. кн. 2. № 6. С. 16; Минаева Н.В. Указ. соч. С. 49.
- ³⁰ Мнение адмирала Мордвинова по делу о продаже людей без земли // ЧИОИДР. 1859. Кн. II., апр.-июнь. Разд.V. С. 1–2.
- ³¹ Там же.
- ³² Козодавлев О.П. Указ. соч. С. 156.
- ³³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Т. I, 1820. Д. 10. Л. 73.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Ф. 1149. Оп. 1. Т. I. Д. 10. Л. 360.
- ³⁶ Козодавлев О.П. Указ. соч. С. 147.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Т. I, 1820. Д. 10. Л. 5.
- ³⁸ См.: Письмо графа Северина Потоцкого с поднесением проекта о введении в России майоратов для улучшения дворянских имуществ и благосостояния крестьян (3 мая 1818 г.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С.126–130.
- ³⁹ Там же. С. 129.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Архив ГС. Т. 3. Ч. I, разд. X. С. 766.
- ⁴² Там же. С. 779.
- ⁴³ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 52 / 48. Л. 14–15.
- ⁴⁴ Архив ГС. Т. 3. Ч. I, разд. X. С. 763.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 87.
- ⁴⁶ Сборник материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. Прилож. к «Русскому архиву». 1908. Кн.2, т. 6. С. 17.
- ⁴⁷ Некоторые исследователи утверждают, что Н.С.Мордвинов был автором и непосредственным инициатором издания этого указа. См.: Иконников В. С. Указ. соч. С. 36; Минаева Н.В. Указ. соч. С. 64; Политическая история: Россия – СССР– Российская Федерация: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 160.
- ⁴⁸ АМ. Т. 3. Д. 718. С. 187.
- ⁴⁹ Там же. С. 184–185.
- ⁵⁰ Там же. Д. 715. С. 143–144.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Цит по: Минаева Н.В. Указ. соч. С. 64.
- ⁵³ См.: Румянцев С.П. Записка, поданная государю о вольных земледельцах (ноябрь 1806 года) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 45–48;
- ⁵⁴ См. подробнее: Долгих А.Н. Указ о вольных хлебопашцах (к истории крестьянского вопроса в России) // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Елец, 2000. Вып.3. С. 29–39; Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 70; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 73.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 38. Л. 3.

-
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Архив ГС. Т. 3. Ч. II., разд. X. С. 783–787.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп.1. Т. I, 1811. Д. 140. Л. 97–98.
- ⁵⁹ Там же. Л. 97.
- ⁶⁰ Предложение В.П. Кочубея было одобрено общим собранием Государственного Совета 12 апреля 1809 г., см.: Там же. Л. 98.
- ⁶¹ В данном случае Н.П. Румянцев писал о необходимости бережного отношения к трудовым ресурсам при использовании труда вольнонаемных рабочих с точки зрения основных теоретических положений политической экономии.
- ⁶² РГИА. Ф. 1152. Оп.1. Т. I, 1811. Д. 140. Л. 98.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 994. Оп. 2. Т. XVI. Д. 598. Л. 2.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. Д. 2.
- ⁶⁶ Архив ГС. Т. 3. Ч. I, разд. X. С. 781.
- ⁶⁷ Крестьянский проект Е.Ф. Канкрин (1818 г.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С.166.
- ⁶⁸ Там же. С. 165.
- ⁶⁹ Там же С. 167–168.
- ⁷⁰ Там же С. 168.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 34. Л. 1–6.
- ⁷² Там же. Л. 2.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. Л. 6.
- ⁷⁶ Там же. Л. 2.
- ⁷⁷ Там же. Л. 3.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 18 / 14. Л. 5, 6, 27.
- ⁷⁹ См.: Записка о проекте А.А. Аракчеева по освобождению крестьян (1818) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 160–163.
- ⁸⁰ См. подробнее: Мироненко С.В. Указ. соч. С. 102–103.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 363–364.
- ⁸² Там же. Л. 367.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. Л. 369.
- ⁸⁵ См.: Гумбольдт В. Идеи конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 187.

Глава IV.

Власть и общество в России: правительственная элита о методах повышения эффективности государственного управления

§ 1. Оценка административных преобразований и идеалы организации системы управления

Параллельно с попыткой оценить степень «готовности» или «неготовности» той или иной социальной группы к либерализации межсословных взаимоотношений, многие представители правительственной элиты России особое внимание обращали на достоинства и недостатки сложившейся в стране системы государственного управления. Занимая высокие государственные посты, они вынуждены были четко сформулировать свое отношение к проводившимся в стране преобразованиям, определить характер и возможные формы своего участия в процессе реформирования.

С самого начала выработка самостоятельной позиции по данному кругу вопросов проходила на фоне личных впечатлений от пребывания на государственной службе. В процессе продвижения по строго иерархичной служебной лестнице все они «изнутри» знали недостатки существующей системы управления, хорошо изучили особые «правила игры» в рамках достаточно замкнутой бюрократической системы, усвоили общепринятые в ней нормы поведения, как с подчиненными, так и с вышестоящим начальством. К моменту назначения на должность министра, председателя департамента или какого-либо комитета Государственного Совета, у них уже сложилось представление о механизме разрастания бюрократических преград в ходе реализации принимаемых высшими органами власти государственных решений. Практически сразу же после вступления в должность министров многие представители либерально настроенной правительственной элиты были способны дать точную характеристику состояния дел в подвластной им отрасли. Так, И. И. Дмитриев в первые же месяцы пребывания на посту министра юстиции писал: «При первом обзоре всех частей моего министерства, я увидел, что многого недостает к успешному ходу этой машины: излишние инстанции, служащие только

проволочке дел и в пользу ябеднических изворотов; недостаточность в назначении сумм на содержание судебных палат...; определение чиновников к должности большею частью наудачу, по протекции или чрез покровительство; неравенство в жалованье и производстве в чины»¹.

Впоследствии все эти «знания» стали основанием для критики сложившейся в России административно-бюрократической системы управления. Знакомые с первых лет пребывания на государственной службе недостатки по мере накопления опыта работы в Государственном Совете приобретали еще более актуальное звучание. Многоступенчатая система реализации решений, благоприятствующая распространению взяточничества и административного произвола, отсутствие четких критериев оценки профессиональной пригодности чиновников среднего и низшего звена, – все это значительно снижало оперативность исполнения принимаемых правительством решений, а, следовательно, уменьшало и эффективность управления страной. По словам Н. С. Мордвинова, на практике принятое в Государственном Совете или министерствах решение могло «...проходить по разным высшим инстанциям, и оставаться без исполнения продолжительное время; а когда получает разрешение, то нередко бывает, что оно не согласно с случаем и неудобноисполнительно по местным обстоятельствам»². В этих условиях основанное на стремлении к самовыражению желание принять личное участие в процессе сближения России с ведущими странами Европы не могло быть полностью удовлетворено.

С вершины административного аппарата поиск причин малой эффективности системы государственного управления проводился одновременно в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны, в качестве главной причины низкой эффективности назывались личные качества исполнителей. Широко распространенная практика получения чиновниками разного уровня дополнительного, помимо положенного по закону, дохода от своей служебной деятельности в форме взяток неоднократно осуждалась как во «всепопданнейших докладах», так и в многочисленных «мнениях» и «записках»³.

Взяточничество, продвижение дел по личным связям без всестороннего рассмотрения их содержания, назначение на должности вне зависимости от профессиональных качеств, а по протекции высокопоставленных покровителей – все это, по мнению Д. А. Гурьева, В. П. Кочубея, Н. С. Мордвинова, М. М. Сперанского и др., значительно замедляло во-

площение в жизнь первоначальных замыслов молодого императора Александра I и его либерально настроенного окружения. Так, в 1814 г. в одной из докладных записок В. П. Кочубей, наряду с внешнеполитическими факторами, главным тормозом реформ называл «...интриги людей, кои, основывая всегда благосостояние свое на коростолюбивых видах, искали безопасности своей в беспорядках и... злоупотребления усилили до бесконечности, и невежество, лихоимство, пристрастие водворилось там, где должно было ожидать благоразумия, безкорыстия и справедливости»⁴.

Одновременно с указанием на существующие недостатки предлагались конкретные меры борьбы с ними. Несовершенству человеческой природы и естественному, с точки зрения заложенного в каждом человеке от рождения, но недопустимому на государственной службе, стремлению улучшить свое благосостояние всеми возможными способами, некоторые либерально настроенные представители правительства предлагали противопоставить особые административные барьеры.

Например, Д. А. Гурьев в записке «Об устройстве верховных правительств в России» (1815 г.), предлагал ввести правило, в соответствии с которым скорость продвижения по службе определялась бы не силой влияния высокопоставленного покровителя, а находились бы в непосредственной зависимости от заслуг, профессионального опыта и честности человека⁵. И. И. Дмитриев в целях искоренения злоупотреблений и повышения профессионализма чиновников своего министерства предлагал создать специальные «училища законоведения», без обучения, в которых молодой человек не мог поступить на службу, связанную с необходимостью правильно истолковывать и исполнять любые законодательные нормы⁶. Наибольшую активность в деле разработки мер по снижению чиновничьего произвола и улучшению профессиональной подготовки государственных служащих проявил М. М. Сперанский. По его инициативе в 1808 г. был издан указ, обязывавший всех чиновников, претендующих на получение восьмого ранга и выше, сдавать квалификационные экзамены по специальным дисциплинам, а также математике, русскому, латинскому и некоторым современным иностранным языкам⁷.

С другой стороны, выделяя субъективные факторы, многие представители правительственной элиты России первой четверти XIX в. сходились во мнении о том, что основная причина низкой эффективности механизма выработки и реализации необходимых стране преобразований,

кроется в несовершенстве самой системы государственного управления. Особенно отчетливо такая позиция проявлялась при анализе результатов проведенных в 1802–1811 гг. административных преобразований. Документальное подтверждение этому – критические замечания, записки и размышления о возможных способах исправления существующих недостатков Д. А. Гурьева, В. П. Кочубея, Н. С. Мордвинова, Д. П. Трощинского, М. М. Сперанского.

Так, например, министр внутренних дел (1802–1807 и 1819–1823 гг.), граф В. П. Кочубей в записке «Об учреждении министерств»⁸, представленной императору Александру I 28 марта 1806 г., писал о том, что главная цель реформирования системы государственного управления, даже по прошествии четырех лет с момента начала преобразований, так и не была достигнута. Принципы «ответственности», «единства и скорости действий», без которых управление таким обширным государством как Россия представлялось невозможным, по мнению В. П. Кочубея, не были внедрены на практике. Внешне более стройная система государственного управления, установленная с момента учреждения в 1802 г. министерств, нуждалась в серьезной доработке. Анализируя деятельность министерств за несколько лет, он призывал императора более четко определить границы компетенции и порядок взаимоотношений различных министров как между «собой, чтоб каждый знал точные пределы своей власти», так и между ними и Комитетом министров, Государственным Советом, Сенатом⁹.

Новая система управления, по мнению В. П. Кочубея, была еще более зависима от субъективных факторов: многое определяли личные качества министров. Подобная зависимость в различных обстоятельствах могла привести и к позитивным, и к негативным последствиям. Для предотвращения последних автор предлагал законодательно закрепить принцип личной ответственности министров за положение дел в подвластной им отрасли. На практике принцип личной ответственности должен был бы проявляться двояко. Для того чтобы у министров была возможность проявить, необходимую в процессе реформирования инициативу, все министры в равной степени должны были иметь право прямого обращения к императору: «доверенность к министрам, – утверждал В. П. Кочубей, – есть столько же необходимое, как и постоянное правило на коих оные действуют»¹⁰. Одновременно, в целях предупреждения злоупотреблений властью Виктор Павлович считал нужным «принять за правило», что все министры, вне

зависимости от личных симпатий к ним Государя, должны были бы в случае, если они не справлялись со своими служебными обязанностями, незамедлительно отстраняться от занимаемых ими должностей¹¹.

В развернутом виде предложения В. П. Кочубея по дальнейшей модернизации системы управления были изложены им в декабре 1814 г. в записке «О положении Империи и мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разных отраслях правительством составляющих»¹². В этом документе В. П. Кочубей, подчеркивая, что император Александр I и его ближайшее окружение осознавали неизбежность сближения России и Европы, писал о целесообразности дальнейшего усовершенствования административной системы: «Император... удостоверился, что... Россия, следующая большими шагами за просвещенным образованием поставила себя в числе держав Европейских, необходимо должна и установления свои располагать образом соответствующим Европейской Державы, что установления, которые могли быть удобны за век или полвека назад, не могли быть свойственны Государству приближающемуся ежечастью к другим народам, большое общество Европейское составляющим...»¹³. В первую очередь, по мысли В. П. Кочубея, для приведения отечественной системы управления в соответствие с европейскими образцами, нужно внедрить на практике принцип разделения властей на «законодательство, управление и судоправление»¹⁴. Целесообразность установления данного принципа для автора записки была очевидна. Ведь разделение властей, как особая форма оптимизации системы управления, в том или ином виде, существовало уже в различных странах, таких как Франция, Англия, Турция и др. Исторический опыт стран с разными культурными традициями доказывал применимость данного принципа, его универсальность «какова бы ни была форма правительства»¹⁵. Кроме этого разделение властей, предполагавшее предельно четкое разграничение функций различных государственных органов, способствовало бы, по мнению В. П. Кочубея, повышению оперативности их работы, а главное, могло бы в условиях, когда «Государь есть глава всех трех частей правительства», оградить его «от обмана и верных ошибок»¹⁶.

Именно отсутствие в России, даже после структурных преобразований в сфере государственного управления 1802–1811 гг.¹⁷, четкого определения пределов власти различных государственных учреждений, оставалось к 1814 г. одной из важнейших проблем, осложняющих процесс

реформирования российской действительности: неупорядоченность взаимоотношений между Государственным Советом, Комитетом министров и Сенатом, предметы ведения которых имели множество точек пересечения, еще более усиливало тенденцию к чрезмерной бюрократизации всего государственного аппарата.

Имея к 1814 г. богатый опыт работы в министерстве Внутренних дел и Комитете министров, а также опыт тесного взаимодействия с Государственным Советом и Сенатом, В. П. Кочубей настаивал на том, чтобы предельно четко определить сферу деятельности каждого из этих органов власти. Государственный Совет должен был на постоянной основе заниматься законодательной деятельностью. По словам автора записки, «полезно... сохранить Государственный Совет, предоставляя ему исключительно дела законодательные, коих то: новые законы, учреждение толкования законов, определение росписи доходов и расходов государственных»¹⁸. Сенат должен был быть высшей судебной инстанцией, без каких-либо дополнительных административных полномочий¹⁹. Высшим административным органом исполнительной ветви власти должен был стать Совет министров, в котором осуществлялась бы координация действий всех министерств, и кроме этого, по мере необходимости, готовились бы предложения императору и Государственному Совету по усовершенствованию законодательства.

В целом положительно оценивая работу министерств после повышения в 1810–1811 гг. личной ответственности министров, В. П. Кочубей писал о появлении новой негативной тенденции: увеличение количества министерств, усложнение порядка делопроизводства в Комитете министров – все это вело к излишней бюрократизации исполнительной ветви власти. Для предотвращения укрепления данной тенденции Виктор Павлович предлагал упразднить или объединить близкие по своим функциям министерства. Целесообразным представлялось слияние министерства Полиции и министерства Внутренних дел, министерства Народного просвещения и министерства Духовных дел, министерства финансов и Государственного Казначейства²⁰. Кроме этого снижение темпов бюрократизации системы государственного управления, видимым проявлением которой стало повсеместное распространение «ненужной и многочисленной переписки», могло быть достигнуто за счет упрощения официального порядка делопроизводства и сокращения штатов. Например, без какого-

либо ущерба для дела можно было бы, по мнению автора записки, сократить количество служащих в личных канцеляриях министров, оставив каждому из них по 3–4 помощника²¹. Общей целью всех предложений В. П. Кочубея было создание мобильной, оперативно действующей и экономической системы управления.

Двойственное отношение к осуществленным в 1802–1811 гг. административным преобразованиям прослеживается так же и в записке министра финансов Д. А. Гурьева «Об устройстве верховных правительств в России». В ней Дмитрий Александрович положительно оценивал переход от изжившего к началу XIX в. принципа коллегиальности к более эффективной организации управления по принципу единоначалия. К числу явных преимуществ новой системы управления он называл гибкость, оперативность, а также возможность, в случае установления на вершине административной пирамиды (Государственный Совет, Комитет министров, Сенат) оптимального соотношения элементов коллегиальности и единоначалия, отслеживать основные тенденции и динамику происходящих в стране социально-экономических процессов. Сбор статистических сведений о состоянии дел в различных сферах, составление ежегодных отчетов по всем министерствам – все это, по словам Д. А. Гурьева, «...озарило весь ход правительственных дел и необходимо открывало недостатки и средства к исправлению оных» и «...долженствовало предохранять правительство от мер и предприятий пристрастных и незрело обдуманых»²². В данном контексте преобразования 1802–1811 гг. формировали главное условие проведения преобразований – возможность всестороннего анализа сложившегося положения и выработки на его основе конкретных мероприятий правительства.

Однако, так же как и В. П. Кочубей, Д. А. Гурьев не идеализировал результаты преобразований в сфере управления. Основным недостатком реформ он считал появление после серии манифестов 1805, 1807, 1810–1811 гг. на вершине российской административной системы нескольких учреждений с пересекающимися сферами компетенции: Государственный Совет, Правительствующий Сенат, Комитет министров и министерства. В итоге, по словам Д. А. Гурьева, в стране сложилось положение, когда «четыре власти, без строгого разделения и означения предметов их деятельности, могут только взаимно пресекать одна другую, замедлять и разрушать порядок и связь их действий»²³.

Выход из сложившегося положения Д. А. Гурьев, как и многие другие представители правительственной элиты того времени, видел в разделении властей на «законодательную», «исполнительную» и «судную»²⁴. При этом подчеркивалось, что положительный эффект от подобного разделения можно было бы ожидать только при примерном равенстве всех ветвей государственной власти и установлении четкого механизма их взаимодействия, который гарантировал бы своевременность обновления законодательства, корректировку действий правительства в соответствии с этими изменениями, и неукоснительное соблюдение законов на все территории Российской империи. В противном случае, если какая-либо из ветвей власти будет находиться в привилегированном положении относительно двух других, вероятность совершения серьезных ошибок властью в целом значительно возрастает. Яркой иллюстрацией опасности неоправданного усиления одной власти, указывал Дмитрий Александрович, является положение в ряде европейских государств: «Причин непрочности различных конституций, которые порождались в Европе в недавнем времени, конечно, должно искать более в погрешности образования исполнительной власти, нежели обеих других, и сие от того, что ... почитали исполнительную власть просто как подчиненную и обязанную только исполнять повеления власти законодательной»²⁵.

В идеале характер взаимодействия высших административных органов должен был бы определяться, прежде всего, их функциями. Государственный Совет должен был бы разрабатывать новые законы, разъяснять смысл нововведений, дополнять или отменять устаревшие нормы действующего законодательства, рассматривать ежегодные сметы расходов и доходов, а также способы их выравнивания, заслушивать ежегодные отчеты всех министров о положении дел во вверенных им отраслях²⁶. Функции министерств заключались бы в исполнении указов императора и решений Государственного Совета; составлении проектов законов, которые через Правительствующий Сенат²⁷ вносились бы на рассмотрение Государственного Совета; издании предписаний, разъясняющих порядок исполнения законов и указов; разрешение, возникающих в процессе реализации законов затруднений; надзоре за точным и своевременным их исполнением²⁸. Судебный Сенат становился бы верховным органом судебной ветви власти и должен был осуществлять контроль за деятельностью судов. Таким образом, разделение властей не означало противо-

поставления, а напротив – предполагало взаимодействие различных ветвей власти, координацию их деятельности по совершенствованию нормативно-правовой базы и практики исполнения законов.

Сравнительный анализ различных точек зрения на административные преобразования 1802–1811 гг. показывает, что в сознании многих представителей правительственной элиты сосуществовали две противоположные друг другу позиции. С одной стороны, практически все они, в большей или меньшей степени, считали необходимым частичное сохранение и усовершенствование «совещательного» или «коллегиального начала», которое способствовало всестороннему рассмотрению различных вариантов разрешения важнейших общественно-значимых проблем, а с другой стороны, – признавали целесообразным укрепление вертикали власти за счет установления принципов единоначалия и разделения властей. Конкретное соотношение «коллегиальности» и «единоначалия» было, отчасти, обусловлено личным опытом работы в высших правительственных учреждениях еще до восшествия на престол императора Александра I.

В наиболее отчетливой форме сосуществование указанных выше интенций прослеживается в двух записках Д. П. Трощинского. В первой записке «О неудобствах, происходящих от государственного управления по форме единоличной, введенной закрытием коллегий и отменой коллежского обряда и подтвержденной общим учреждением министерств 1810 и 1811 годов» он называл упразднение коллегий необоснованным и преждевременным шагом: вместо «...правильного товарищественного управления, – писал Д. П. Трощинский, – введено управление канцелярское, т. е. произвольное и единоличное»²⁹. В данном контексте необходимо отметить, что подобное убеждение в «полезности товарищественного управления» было сформировано в результате личного знакомства с коллегиальной формой разрешения важных государственных проблем «изнутри», в процессе работы с июня 1798 г. в Сенате, а с 30 марта 1801 г. – в Непременном (Государственном) Совете. Участие в работе этих органов укрепило уверенность в жизнеспособности принципа коллегиальности.

Упразднение коллегий, по мнению Д. П. Трощинского, привело к ряду негативных последствий. Теперь, в случае личной заинтересованности министров в том или ином исходе дела, они могли бесконтрольно манипулировать доверием императора и становились, по словам Дмитрия Прокофьевича, самовластными «суперарбитрами»³⁰. В большинстве же

случаев министры оказывались в зависимости от честности и порядочности, предоставлявших им необходимую информацию нижестоящих чиновников.

Критикуя административные преобразования, Д. П. Трощинский особо подчеркивал, что создание новых управленческих структур не устранило недостатки старых. Система управления не стала ни более оперативной, ни менее затратной. Напротив, увеличение после манифестов 1810–1811 гг. количества инстанций, через которые проходили дела в процессе их обсуждения и реализации с 4 до 12, значительно снизило оперативность управления и требовало дополнительных финансовых средств на содержание разросшегося бюрократического аппарата³¹. Выход из сложившегося положения Д. П. Трощинский видел, как и многие другие члены Государственного Совета, в сокращении ряда административных инстанций и обращении более пристального внимания на законодательство второй половины XVIII в.³².

Определенная корректировка позиции по отношению к учреждению министерств произошла немного позднее. В 1816 г. в записке «О таких предметах, кои не могут быть вносимы в комитет министров, а требуют личного доклада Государю Императору»³³, Д. П. Трощинский, занимавший к этому времени пост министра юстиции, не отказываясь от выдвинутого им тезиса о «полезности» сохранения элементов коллегиальности, писал о необходимости в целях повышения оперативности управления наделить министров в особых случаях, обозначенных им как «...случаи, которые сомнительно класть на бумагу и которые определить весьма трудно, но ведать их нужно одному только Государю...» правом прямого обращения к императору³⁴.

В общем виде, при всем многообразии и уникальности личного опыта каждого участника обсуждений в Государственном Совете, суммируя их многочисленные проекты, можно отметить, что оценка жизнеспособности «совещательного» или «приказного» порядка сопровождалась активным поиском приемлемых лично для себя форм участия в процессе реформирования, определением своего места в новой системе государственного управления. В этом смысле огромное влияние на характер восприятия либеральных ценностей оказывало положение индивида в структуре властных отношений. Развитое с детства чувство собственного достоинства, стремление повысить свой социальный статус, но не

традиционными методами «выслуживания чина и места», а посредством активного участия в разработке новых, более эффективных способов управления страной, становились мощным стимулом для рационального осмысления происходивших в стране экономических социально-политических процессов. Зафиксированное в проектах желание создать предельно стройную, экономичную и оперативно действующую систему управления, тесным образом переплеталось с внутренним, не всегда четко осознаваемым стремлением сконструировать удобный для себя и, одновременно, приемлемый с точки зрения «общественной пользы», порядок рассмотрения и реализации решений.

Содержательно стремление рационализировать систему управления выражалось не только в требовании четко определить функции различных государственных учреждений, искоренить чиновничий произвол и взяточничество, а имело еще и более широкий контекст: все важнейшие государственные проблемы предварительно должны были бы подвергаться тщательному анализу, что позволило бы значительно снизить вероятность принятия ошибочных решений. Многие участники проходивших в Государственном Совете дискуссий действенным методом снижения количества ошибок считали взаимовыгодное сотрудничество императора и дворянства. Оптимальным признавалось положение, когда император обращается за советом к наиболее компетентным в том или ином вопросе представителям «просвещенного» дворянства, а дворяне по собственной инициативе активно участвуют в разрешении актуальных для страны вопросов, предлагая императору всевозможные проекты преобразований. Такой алгоритм взаимодействия верховной власти и дворянства обеспечивал бы жизненно необходимую самодержавию открытость для поступления «полезных» импульсов «снизу» от «приуроченного воспитанием и наукой»³⁵ дворянства.

Важность обмена мнениями между монархом и образованной частью российского дворянства определялась, прежде всего, неспособностью одного человека, даже если этот человек император, самостоятельно просчитать все возможные варианты развития, происходивших в стране социально-политических и экономических процессов, а так же его неспособностью выработать адекватный сложившейся обстановке план действий во всех сферах жизни общества одновременно. Именно поэтому многие представители правительственной элиты, не оспаривая законность

существующего в России порядка наследования верховной власти, и прав, возведенного в результате дворцового переворота молодого императора Александра I, высказывали сомнение в эффективности единоличного управления. Так, В. П. Кочубей, размышляя в одной из записок Александру I над проблемой «как действительно Государю обнять все отрасли управления...», убеждал российского самодержца в ошибочности, распространенного в кругах консервативного дворянства суждения о том, что император всеми делами обязан управлять единолично: «Правило сие не может быть совместно и для малых государств, а в больших оно совершенно пагубно»³⁶. Ответ на поставленный вопрос, по мысли автора записки, очевиден – для помощи в деле управления страной «есть люди», которые в силу своих личных и профессиональных качеств «...имеют к тому более времени, и более к тому привычку»³⁷.

Кроме этого отсутствие взаимодействия монарха и дворянства в условиях, когда вся полнота власти сконцентрирована в руках одного человека, который лишь по праву происхождения, а не в связи с наличием у него каких-либо выдающихся талантов и способностей поставлен управлять страной, повышало потенциальную опасность возникновения деспотии. Негативное отношение к «самовластию», кристаллизованное в формуле «чтоб быть деспотом справедливым надобно быть почти Богом»³⁸, так же укрепляло уверенность в необходимости создания прочной системы взаимосвязей между верховной властью и обществом.

В результате дальнейшего осмысления своего положения в новой системе государственного управления, проходившего на фоне «очеловечивания» образа монарха, произошла корректировка представлений о назначении и роли императора. Анализ многочисленных записок, писем, «мнений» и «голосов» показывает, что примерно с 1806 г. в сознании ориентированной на Запад дворянской элиты российский самодержец обладал не только рядом неоспоримых прав наследственного правителя, но и был наделен новыми обязанностями, исполнение которых становилось одним из главных критериев «просвещенности» монарха и оценки его царствования. Именно с этого времени В. П. Кочубей, Н. С. Мордвинов, А. Чарторыйский и другие представители европеизированного дворянства пытались объяснить молодому императору Александру I его роль и обязанности в процессе управления страной.

В первую очередь, по мнению, например, князя А. Чарторыйского, император должен преодолеть внутренний страх показаться несамостоятельным, зависимым от чьего-либо влияния: «Желание руководиться исключительно личными побуждениями, делать все единолично, чтобы доказать, что не находитесь ни под чьим влиянием и обладаете всеми необходимыми данными для исполнения стольких самых разнообразных обязанностей, исходящих только лишь от верховной власти, – писал он в одном из писем Александру I, – не должно было бы, казалось, всецело руководить Вами, ибо государство неизбежно пострадает от этого»³⁹. Нежелание обращаться за помощью, основанное на страхе или самонадеянности не могло быть, по мысли князя, основным мотивом деятельности императора. По его мнению, «просвещенный» монарх должен был обладать прямо противоположными качествами – умением выслушивать и «внушать к себе доверие»⁴⁰. Более того, император сам должен был быть заинтересован в помощи со стороны образованной части общества. Обращаясь к Александру I, А. Чарторыйский прямо пишет об этом: «Простите меня за смелость моих слов, но это Вы, Ваше Величество, должны были бы одобрять, объединять, искать советов, обсуждать их, обдумывать и относиться к ним с интересом»⁴¹. В идеале «просвещенный» монарх обязан был бы поощрять инициативу «с низу», и всеми доступными способами привлекать к обсуждению важных государственных вопросов наиболее компетентных и «знающих» людей.

Постепенно чувство сопричастности к службе «на благо Отечества», переплетаясь с заимствованными из трудов либеральных европейских мыслителей образами «просвещенного монарха», укрепляло, зародившееся еще в конце XVIII в. стремление объяснить носителю верховной власти его обязанности. Сравнительный анализ высказываний В. П. Кочубея, М. М. Сперанского, А. Чарторыйского, Н. С. Мордвинова об императоре и его роли в процессе преобразований позволяет утверждать, что в сознании приверженцев либеральных ценностей в России в начале XIX в. произошло разграничение функций монарха и дворянской элиты.

В наиболее отчетливой форме дифференциация приоритетных направлений деятельности императора и дворянства зафиксировано в личной и служебной переписке с Александром I. Так, в одном из писем в апреле 1806 г. А. Чарторыйский, объясняя императору свое представление о функциях российского самодержца, писал: «К поставленному в центре

государственной жизни, к нему стекаются все дела, как радиусы к центру круга, но он должен намечать лишь великие пути, лишь основные контуры»⁴². Практически одновременно, в конце марта 1806 г., аналогичную мысль в послании на имя императора высказал В. П. Кочубей, четко определив основную задачу самодержца: «дело Государя думать и повелевать в больших чертах»⁴³.

Таким образом, как видно из приведенных выше примеров, главная обязанность императора – анализ поступающих к нему от образованного дворянства предложений и определение на их основе стратегических целей развития страны. Конкретный же механизм достижения этих целей должны были бы, согласовывая свои действия с общим направлением движения указанным самодержцем, разрабатывать и воплощать в жизнь министры, сенаторы, члены Государственного Совета. Очевидно, что подобный алгоритм взаимодействия верховной власти и дворянской элиты предполагал постоянное согласование позиций по наиболее актуальным общественно-важным проблемам, и совместную корректировку итоговых решений. Однако речь шла не об ограничении властных полномочий российского самодержца, а лишь о целесообразности более тесного и систематического взаимодействия императора с образованной частью российского общества.

В действительности взаимодействие верховной власти и дворянской элиты имело прямо противоположный характер. Многие представители образованного дворянства, не без сожаления, признавали, что молодой император, даже после учреждения им в марте 1801 г. Непременного (Государственного) Совета и формального провозглашения открытости власти для предложений извне, продолжал прислушиваться лишь к мнениям отдельных, особо приближенных сановников. Хорошо знакомая в правительственных кругах практика обращения монарха за помощью к фаворитам, в качестве которых с момента образования министерств выступали некоторые министры, чье влияние многократно превышало установленные законом границы, многими признавалась не менее опасной, чем «самовластное» правление. Главный недостаток такого положение, так же, как и в случае установления «самовластия», – повышенная зависимость от личных качеств и «человеческих слабостей» фаворитов. Именно исходя из таких соображений, С. Р. Воронцов в письме императору Александру I предостерегал его от чрезмерного доверия какому-либо одному ми-

нистру: «Нет в мире ничего более опасного как решать дела с глазу на глаз с министром. Каким образом Ваше Величество может удостовериться, что он не введет Вас в ошибку, вольную или невольную?.. В природе человека стремление к влиянию, к власти: этим создается деспотизм министра, и Ваше Величество создаете деспотизм невыносимый, верша дела с глазу на глаз с тем или другим министром»⁴⁴.

По мере укрепления с 1803 г. практики личных докладов министров императору, содержание которых, как правило, оставалось для членов Совета тайной, все чаще говорилось о том, что чрезмерное возвышение какого-либо министра не только не соответствует оптимальному характеру взаимоотношений императора и дворянства, но и напротив, может стать реальной угрозой внедрению в России основ либеральной модели общественного устройства. В данном контексте жесткую негативную оценку фаворитизму дал Н. С. Мордвинов: «Я охотно верю, что настоящие министры сердцем праведны..., но к несчастью для России они смертны, и на их места могут заступить человеки коим страсти свойственны. Могут они быть властолюбивы, мстительны, угодливы, тогда честь свобода и собственность всех пострадает»⁴⁵.

Не соответствовало идеальной модели взаимоотношений между самодержцем и обществом также и положение Государственного Совета. Учрежденный рядом документов в марте–апреле 1801 г. для «...рассмотрения и уважения государственных дел и постановлений»⁴⁶, он постепенно утратил свое значение. Первоначально члены Совета обратили внимание на то, что с августа 1803 г. количество министров, которые обязательно должны были бы присутствовать на заседаниях Совета сократилось с пяти до одного⁴⁷. Позднее, примерно с 1813 г., ежегодные отчеты министров либо вообще не представлялись в Совет, либо поступали на его рассмотрение с большим опозданием и, как правило, уже одобренными императором, хотя законодательно, установленную ранее процедуру ежегодных слушаний министерских отчетов никто не отменял. Все эти изменения, по выражению статс-секретаря Департамента Государственной экономии Н. И. Тургенева, привели к тому, что «...функции Государственного Совета почти целиком свелись к простой регистрации указов по финансовой части»⁴⁸.

Снижение роли Совета в кругах европеизированной дворянской элиты вызывало чувство недоумения и разочарования. Вполне отчетливо

осознавалось противоречие между продекламированной в указе императора нормой и реальным положением дел: с одной стороны, в «Наказе Совету» от 5 апреля 1801 г. им было предоставлено право предлагать «...всякого рода дело для постановления лучшего, пресечения какого-либо зла или отвращения злоупотреблений»⁴⁹, а с другой, – на практике отсутствовал понятный всем порядок внедрения в жизнь решений Государственного Совета. Сожаления по поводу данного несоответствия высказывались как в мемуарах, так и в личной переписке. Так, Н. С. Мордвинов, в письме князю Н. Н. Новосильцеву писал: «Я откровенно Вам скажу, что я ничего не могу сделать. Я и мой Департамент Государственного хозяйства устранены от всех дел финансовых, и мы не участвуем ни в мале, ни во взысканиях недоимок, ни в новых учреждениях»⁵⁰. Такое положение не только не соответствовало оптимальной модели взаимоотношений «просвещенного» дворянства и императора, но и порождало противоречие между желанием служить на благо Отечества и возможностью в полном объеме исполнить свой гражданский долг.

§ 2. Инструментализация опыта европейского конституционализма

В процессе определения своей роли в системе государственного управления, поиска приемлемых форм взаимоотношений императора и дворянства некоторые члены Государственного Совета предлагали обратиться к опыту развитых европейских стран. Именно там, по их мнению, можно было бы заимствовать общие принципы взаимодействия верховной власти и общества. В начале XIX в. информация о содержании и практике исполнения действовавших в ряде европейских стран конституций была доступна практически для любого заинтересованного читателя⁵¹. Такие известные российской читающей публике журналы как «Дух журналов», «Сын Отечества» и «Вестник Европы» нередко печатали материалы, отражающие основные положения европейских конституционных актов⁵². В результате сравнительного анализа объема прав российского дворянства и европейского опыта сотрудничества с верховной властью в качестве возможного образца все чаще называли органы сословного представительства, которые играли более значительную роль в законотворческом процессе, нежели Государственный Совет в России.

Впервые такого рода мысли в Совете были озвучены при обсуждении вопроса «О правах и преимуществах Сената» в апреле – мае 1802 г.⁵³. И хотя, в ходе рассмотрения данного вопроса большинство членов Совета признали нецелесообразным наделение Сената дополнительными полномочиями, некоторые участники обсуждения, такие как А. Р. Воронцов, С. П. Румянцев, Н. С. Мордвинов, высказались за изменение порядка формирования и функций Сената. При этом практически все они, предлагая конкретные проекты реформирования Сената, опирались на свой личный опыт пребывания в Европе. Так, например, А. Р. Воронцов, посетивший к этому времени Париж, Лондон, Вену, Страсбург, Мадрид, Лиссабон, и достаточно хорошо знакомый с работой ряда европейских парламентов⁵⁴, говорил о целесообразности наделения Сената законодательными функциями. По мнению Александра Романовича, Сенат должен был бы получить право суспензивного вето, которое предполагало повторное рассмотрение какого-либо дела, если «против» проголосовало две трети сенаторов. Аргументируя необходимость наделения Сената таким правом, он ссылаясь на опыт Англии, где мажоритарное вето, предусматривавшее принятие законопроекта большинством голосов, значительно снижало вероятность принятия ошибочных решений: «...большинство голосов имеется... в камерах английского парламента, в прежнем французском парламенте...»⁵⁵. Более того, предполагалось, что каждый сенатор, несогласный с мнением большинства, имел бы возможность довести свое мнение до Общего Собрания и Государя. В компетенцию Сената должны были быть включены вопросы введения новых налогов, выдвижения кандидатов на пост губернаторов и глав коллегий, представление на рассмотрение императора «нужд народа»⁵⁶.

Параллельно с предложением А. Р. Воронцова наделить Сенат законодательными функциями в Совете обсуждались и проекты, направленные на повышение статуса Сената как высшего органа контроля за соблюдением «коренных законов», а, следовательно, органа, призванного обеспечить неприкосновенность частной собственности и личности в России. При этом некоторые члены Совета, отчетливо осознавая необходимость создания в нашей стране подобных структур, предлагали принципиально новый порядок формирования Сената.

Так, например, граф С. П. Румянцев 1 мая 1802 г. в мнении «О правах Сената»⁵⁷ представил на рассмотрение Государственного Совета про-

ект структурной реорганизации Сената. По проекту Сергея Петровича, Сенат должен был быть разделен на две самостоятельные палаты – «Высшую Палату Правительства», сферу деятельности которой составляли бы «казенные доходы», а также награждение и порядок ротации государственных чиновников, и «Высшую Палату Правосудия», где должны были быть сосредоточены важнейшие гражданские и уголовные дела «до безопасности и благосостояния граждан касающиеся»⁵⁸. Такое разделение позволило бы Сенату более эффективно выполнять, присущие ему еще со времени Петра I функции. Однако главная, и достаточно актуальная в начале XIX в., задача преобразования Сената – сделать его действенным помощником императора могла быть решена другим способом: для этого предполагалось изменить порядок его формирования.

Высшая Палата Правительства в силу того, что рассматриваемые в ней финансовые вопросы требовали от кандидатов широких познаний в сфере экономической теории и практики, назначалась бы императором. Сенаторы Высшей Палаты Правосудия должны были бы обладать большей независимостью от самодержца. И хотя первый состав данной палаты должен был быть так же назначен императором, в дальнейшем предполагалось, что они будут пожизненно избираться из числа представителей губернских судебных палат. Дополнительно независимость сенаторов гарантировало положение, в соответствии с которым они могли быть отстранены от должности только в том случае, если они будут обвинены в совершении какого-либо преступления и их вина была бы доказана «не иначе как публичным судом»⁵⁹.

В общем виде реформирование Сената могло бы заложить две позитивные тенденции: оно способствовало укреплению прав и личной ответственности сенаторов, и одновременно, формированию основ взаимовыгодного сотрудничества «просвещенного» монарха и дворянства. Члены Государственного Совета, многие из которых имели личный опыт работы в Сенате, считали полезным повысить статус сенаторов, руководствуясь при этом не только желанием укрепить свои личные позиции, но и рассматривали этот шаг как способ предотвратить в дальнейшем возможность политической дестабилизации в стране, как в форме дворцовых переворотов, так и в форме народных восстаний. Отождествляя, таким образом, государственное, общественное и личное «благо», они искали оптимальную форму участия в управлении, особую форму поддержки и

помощи императору, которая, с одной стороны, не ставила бы под сомнение законность самодержавной власти, а с другой, – обеспечивала бы стабильность функционирования властных структур, и, следовательно, возможность безболезненного разрешения острых социальных проблем. В качестве одного из возможных вариантов достижения идеальной формы участия в управлении звучали предложения создать Сенат на выборной основе. Такого рода предложения, хотя и без детальной разработки условий и механизма проведения выборов, высказывали, например, действительный тайный советник Алексеев и Саблуков⁶⁰.

Более или менее развернутую программу поддержания стабильности политической системы и, одновременно, предотвращения возможности установления в будущем «деспотического правления» посредством превращения Сената в выборный орган помощи монарху зафиксирован в мнении Н. С. Мордвинова «О правах Сената»⁶¹. В нем автор, отталкиваясь от очевидного для него постулата о пагубности деспотического правления и необходимости внедрения в России либерального принципа разделения властей, утверждал, что Сенат, призванный стоять на защите законных прав граждан, должен был иметь достаточную для предотвращения злоупотреблений власти поддержку в обществе. Существующий же порядок формирования Сената, по мнению Н. С. Мордвинова, предопределял зависимость его позиции от сиюминутной политической конъюнктуры, симпатий и антипатий императора, а так же и многих других «случайных» факторов, которые вынуждали сенаторов по-разному трактовать одни и те же законодательные нормы.

Главная причина такого положения – отсутствие широкой опоры Сената на «просвещенное» дворянство. «Права, на некоторых только лицах основанные, не могут иметь твердости: малейшая власть может их изменить или совсем нарушить», – писал Н. С. Мордвинов, подчеркивая при этом, что такая ситуация может сохраняться «доколе Сенат не будет избранный от народа...»⁶². Конечно, речь шла не о предоставлении права делегирования своих представителей в Сенат от неграмотного крестьянства, горожан или даже купечества. Рассуждая о целесообразности превращения Сената в «тело политическое», Николай Семенович высказывал широко распространенную в дворянских кругах мысль о том, что политические права, концентрированным выражением которых является право избирать и быть избранным, в современных условиях должны принадле-

жать дворянству, т. к. многие представители данного сословия обладают общественным доверием: «Права политические должны быть основаны на знатном сословии, весьма уважаемом, дабы и самые права восприяли таковое же уважение»⁶³. Кроме этого, формирование Сената из выборных от дворян воспринималось как органичное продолжение политики Екатерины II, предоставившей дворянству право «избирать между собою свободно своих судей и предводителей». К началу XIX в., по мысли Н. С. Мордвинова, Россия созрела для дальнейшего усовершенствования прежнего законодательства и «введения избрания... сенаторов от каждой губернии»⁶⁴. Предполагалось, что выборы сенаторов будут осуществляться на основании правил, составленных для избрания губернских дворянских предводителей сроком на три года. Каждая губерния должна была быть представлена в Сенате двумя депутатами. Главной их обязанностью объявлялось «попечение о благе той губернии, от которой они избраны». Пребывание в должности сенатора рассматривалось в качестве бескорыстного общественного «служения» на благо Отечества: все выборные сенаторы не получали бы жалованья.

Повышенный интерес и содержание проектов реформирования Сената в самом начале царствования молодого императора Александра I (июнь 1801–апрель–май 1802 гг.), позволяют понять одну очень важную особенность системы ценностных координат представителей правительственной элиты России того времени. В процессе размышления над проблемой модернизации системы государственного управления большинство сенаторов и членов Государственного Совета привлекала перспектива усовершенствования привычных, проверенных опытом органов, нежели конструирование на их месте абсолютно новых структур. На этом фоне появление либеральных инноваций связывалось с модернизацией традиционных институтов, одним из которых и был Сенат. Обновленный, он должен был стать основным генератором и проводником либеральных преобразований в России. Ярким свидетельством существования в образованных кругах российского дворянства такого рода надежд является высказывание А. Чарторыйского относительно убеждений братьев Александра и Семена Воронцовых: «Сенат стал их *idée fixe*. В нем они видели средство, основу и возможный источник всяких улучшений без каких-либо опасностей для государства. ...По их мнению, учреждение это, бу-

дучи облечено должной властью и авторитетом, может вполне обеспечить выполнение проектируемых реформ»⁶⁵.

Обращение к исторически сложившимся институтам, стремление получить положительный эффект не от спонтанного разрушения проверенных временем структур, а за счет органичного соединения старого и нового с последующим, если это будет необходимо, усовершенствованием полученного результата, позволяет говорить о складывании в сознании европеизированной части российского дворянства либерального, по своей сути, представления о прогрессе как о процессе постоянного перерождения старого в новое. Такой взгляд предполагал бережное отношение к традиции и, одновременно, внимательное изучение новейших достижений человеческой мысли, всего того, что признавалось современниками полезным индивиду и обществу.

Внимательное отношение к собственному национальному опыту и к опыту ряда европейских стран, где существовали непривычные для России организационные формы взаимодействия верховной власти и общества, предполагало обращение к теории и практике европейского конституционализма. В начале XIX в. наличие конституции воспринималось не только как юридически зафиксированная возможность политического самовыражения определенной части общества, но рассматривалось и в более широком контексте: конституция могла стать основой стабильного развития в будущем, придать дополнительный импульс для раскрытия творческого потенциала свободной личности. Сопоставляя темпы социально-экономического развития ведущих европейских государств и самодержавной России, адепты либеральных ценностей в правительственных кругах того времени одной из возможных причин устойчивости европейской экономики считали действующие в этих странах конституции. Так, например, Н. С. Мордвинов, анализируя положение во Франции и Англии, в 1816 г. писал: «Франция, сделавшись конституционной монархией очень быстро умножает богатство и могущество, в то время как другие европейские страны, оставшиеся со своими старыми законами, развиваются крайне медленно. Англия благодаря конституции, которая сделала ее богатой и могущественной, смогла сопротивляться силам Европы, собранным в руках Наполеона...»⁶⁶. Отсутствие конституции в нашей стране являлось, по мысли Н. С. Мордвинова, тормозом социально-экономического развития: «Россия, со своим самодержцем останется дол-

го бедною и слабою, и не будет успешно развиваться по сравнению с конституционными странами»⁶⁷.

К явным преимуществам европейского конституционализма причисляли создание действенного механизма помощи монарху и юридическое оформление «естественных» прав личности на свободу и неприкосновенность частной собственности. Однако, в целом, высоко оценивая содержание европейских конституций, российские адепты либерализма, достаточно хорошо знакомые с европейской историей, задумывались над проблемой обеспечения социального мира при переходе от абсолютной монархии к монархии конституционной. Европейский опыт установления конституционной формы правления под давлением низов в ходе революций считался абсолютно неприемлемым для нашей страны. Н. С. Мордвинов, А. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, М. М. Сперанский неоднократно подчеркивали, что Россия, ориентируясь в своем развитии на «просвещенные» страны Европы, должна была стараться не повторять их ошибок.

Предотвратить развитие политического процесса по сценарию европейских революций представлялось возможным при условии превентивного провозглашения октроированной конституции, которая была бы пожалована российским гражданам самим монархом добровольно, а не под давлением агрессивно настроенной толпы или группы заговорщиков. М. М. Сперанский в «Введении к уложению государственных законов» прямо писал об этом: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению Верховной власти, которая устраивая политическое бытие своего народа может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»⁶⁸. Именно император, по мнению многих представителей ориентированной на запад дворянской элиты, должен был стать инициатором и главным гарантом соблюдения конституции в России.

Доверие царю, уверенность в том, что он, как и любой дворянин, не позволит себе нарушить данное им публично обещание, предопределило положение, когда даже в самых смелых проектах российские адепты либеральных ценностей недвусмысленно высказывали лояльность по отношению к императору. Причина этого – усвоенное с детских лет представление о дворянской чести и уважительное отношение к царствующей особе. На этом фоне само понятие «конституция» воспринималась лишь

как инструмент поддержания стабильности в процессе либерализации общественных отношений, и не предполагало жесткого противостояния монарха и российского общества. Граф П. А. Строганов, например, размышляя над значением этого слова, писал: «Конституция – это основной закон, регулирующий метод, который должен быть применен при составлении административных законов... в той манере, ...которая закрывает дверь всякому произволу и, в заключение, уменьшает вред, который может появиться из-за различия положения глав государства»⁶⁹.

Понимание конституции как «регулирующего метода» было типичным в кругах европеизированного дворянства. При этом оно формально не диссонировало с определением термина «конституция» в работах известного европейского правоведа И. Бентама, который, обозначая основную функцию конституции в обществе, писал: «Конституционное уложение будет заключать в себе изъяснения и толкования, что действием таким-то случаев или происшествий облакаются такие-то гражданские лица такою-то властью: наследования, избрание, уступка, покупка, и что действием таких-то происшествий или случаев такие-то частные лица лишаются такой-то власти: упущение, отречение, сложение»⁷⁰. Высокопоставленному чиновнику и титулованному дворянину такой «инструменталистский», по своей сути, подход, с одной стороны, помогал устранить определенный психологический дискомфорт, который испытывали многие при употреблении данного слова в связи с революционными событиями в Европе. Для этого, намеренно отождествляя конституцию с «коренным» законом, «закрывающим дверь всякому произволу», акцентировалась приверженность мирным, легальным способам проведения преобразований. Лишенная, таким образом, всякого революционного подтекста данная трактовка понятия «конституция» не могла вызвать негативную реакцию в обществе, а главное, значительно снижала вероятность быть неверно понятыми российским самодержцем, который, несмотря на «очеловечивание» его образа, оставался для дворянина главной фигурой социального соотношения. С другой стороны, признание неразрывной связи конституции с либеральным принципом верховенства закона давало надежду на установление дополнительных юридических гарантий личной безопасности, укрепляло уверенность в завтрашнем дне для себя и своих детей.

Рассматривая конституцию в качестве инструмента либерализации российской социально-политической системы, дворянину было проще

сформулировать, прежде всего для себя и окружающих его друзей, родственников, сослуживцев, свое отношение к существующим на тот момент времени европейским конституциям. В процессе более или менее детального ознакомления с конституционными актами Англии, Франции и ряда других стран, в кругах либерально настроенной правительственной элиты постепенно сложилось убеждение в том, что любая современная конституция может быть использована лишь как внешняя форма, содержание которой должно быть обязательно адаптировано к российской действительности.

Такой взгляд на проблему внедрения в России основ конституционного правления просматривается при сопоставлении трактата М. М. Сперанского «Введение к уложению Государственных законов»⁷¹, записки «Для составления Палат Государственных»⁷² Н. С. Мордвинова, проекта «Государственной уставной грамоты Российской Империи»⁷³ Н. Н. Новосильцева, а так же «Конституционной Хартии Царства Польского»⁷⁴, разработанной при активном участии Н. Н. Новосильцева и А. Чарторыйского.

Авторы всех указанных выше проектов универсальным, формообразующим положением современных им европейских конституций, которое можно было бы принять за основу при создании в России собственного «коренного закона», называли принцип незыблемости «естественных» прав личности на свободу, обладание собственностью и безопасность. Для М. М. Сперанского, например, возможность рецепции данного принципа была очевидна, т. к. он полностью соответствовал сущностной природе человеческого общества, в котором каждый индивид вне зависимости от его социального статуса желал бы иметь твердые правовые гарантии личной безопасности: «Противно природе человеческой предполагать, – писал Михаил Михайлович, – чтоб кто-либо согласился жить в таком обществе, где ни жизнь, ни имущество его ничем не обеспечены»⁷⁵.

Впервые озвученный в процессе обсуждения на заседаниях Негласного Комитета проекта «Жалованной грамоты российскому народу» А. Р. Воронцова еще до официального восшествия Великого князя Александра Павловича на престол, европейский принцип свободы личности и неприкосновенности частной собственности, в последствии неоднократно воспроизводился как в написанных по поручению императора проектах

конституции, так и в сочинениях, представленных российскому самодержцу по личной инициативе. К примеру, более ста рукописных страниц «Введения к уложению государственных законов» (1809 г.) М. М. Сперанский посвятил рассмотрению сущности и объема «естественных» прав граждан. Позднее, в 1815 г. право личности на «свободу передвижения» и «неприкосновенность частной собственности» было официально подтверждено в статьях 24 и 26 «Конституционной Хартии Царства Польского», разработанной под руководством Н. Н. Новосильцева и А. Чарторыйского⁷⁶, а в 1818–1819 гг. наличие у российских подданных «естественных» прав и свобод было зафиксировано в статьях 82–85 и 97 «Государственной уставной грамоты Российской Империи»⁷⁷, которая предположительно должна была стать первой общероссийской конституцией.

Второй элемент европейского конституционализма, который, по мнению отечественных адептов либеральных ценностей, мог быть использован при строительстве основ конституционного правления – принцип сословного представительства. Создание в России по аналогии с европейскими структурами законодательного (или законосовещательного) органа при императоре представлялось оптимальным вариантом разрешения проблемы низкой эффективности управления, и, одновременно, цивилизованной формой помощи монарху. В полном соответствии с европейскими теоретическими схемами авторы конституционных проектов, аргументируя необходимость введения в нашей стране принципа сословного представительства, подчеркивали, что основа государственной власти, «ее начало и источник» заложена в народе⁷⁸. Именно народ, в лице избранных им представителей, а не фавориты и временщики имели право советовать царю.

В 1808–1809 гг. М. М. Сперанский предложил императору Александру I комплексный проект структурных преобразований системы государственного управления,⁷⁹ одним из важнейших элементов которого было создание в России новой вертикали законодательной ветви власти: на местном уровне должны были быть созданы волостные, окружные и губернские Думы, а в центре – общероссийская Государственная Дума. Выборы депутатов проводились бы при участии всех «свободных сословий», однако в состав Думы любого уровня могли войти только избранные большинством голосов «владельцы недвижимой собственности». Предполагался четырехступенчатый порядок формирования Государственной

Думы: первоначально на местном уровне избирались бы депутаты в волостные Думы, на второй ступени они избирали бы депутатов в окружные Думы, которые, в свою очередь, делегировали своих представителей в Думы губернские. Центральная Государственная Дума формировалась бы по выбору депутатов от губернских Дум. Таким образом, по проекту М. М. Сперанского, законодательная вертикаль власти в России должна была быть выстроена в форме пирамиды, где «волостные Думы представляют, так сказать, стихию законодательного порядка, который возникая в волостях, постепенно восходит трехгодичными выборами депутатов и образует Государственную Думу»⁸⁰.

Провозглашая Государственную думу главным помощником русского самодержца, М. М. Сперанский желал наделить выборных депутатов правом отлагательного вето, в соответствии с которым «никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы» и утверждения его императором, а «закон признанный большинством голосов неудобным оставляется без действия»⁸¹. Наряду с рассмотрением гражданского и уголовного законодательства Государственная Дума могла обсуждать вопрос о повышении старых или введении новых налогов и податей. Наиболее важные с точки зрения депутатов законопроекты могли бы рассматриваться не только на общем собрании Государственной Думы, но и в создаваемых из их числа специальных комитетов и комиссий. Кроме этого, для предотвращения злоупотреблений в процессе исполнения новых законов, автор проекта предлагал предоставить депутатам Государственной Думы, «в случае явного нарушения Государственного уложения, ... право взыскивать ответа от министров, представляя о том Государю»⁸².

В 1810–1811 г. свой вариант адаптации основных принципов европейского конституционализма предложил Н. С. Мордвинов. В записке «Для составления палат государственных»⁸³ он прямо писал о целесообразности учреждения в России двухпалатного органа представительного правления, который не только помогал бы императору в его законотворческой деятельности, но и мог стать дополнительной преградой на пути деспотизма. Верхняя палата нового законодательного органа, никак не названного Николаем Семеновичем, должна была формироваться по выбору губернских дворянских собраний по 1–2 человека от каждой губернии. Депутаты этой палаты оставались в данном качестве пожизненно и содержались на средства государства из расчета 500 т. р. ежегодно. К вы-

борам в нижнюю палату могли быть допущены все свободные российские граждане недворянского происхождения, обладавшие собственностью на сумму не менее 10 т. р. серебром, а так же «вольные владельцы», к числу которых относились государственные крестьяне, наделенные по указу от 12 декабря 1801 г. правом приобретать незаселенные земли и крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости на основании указа 1803 г. «О вольных хлебопашцах» при условии, если они имели 1000 десятин земли. Общее количество депутатов верхней и нижней палаты российского парламента не должно было превышать 400 человек.

В общем виде трактат М. М. Сперанского, записка Н. С. Мордвинова и другие, аналогичные им проекты перехода России к конституционной монархии, отражают характерные особенности мировоззрения ранних русских либералов. Практически все они в процессе поиска приемлемых для России вариантов формирования органов сословного представительства, обращали свой взгляд в будущее, желая предотвратить возможность возникновения острых социальных конфликтов вследствие принятия избранными депутатами недостаточно продуманных решений. В этой связи далеко неслучайным представляется тот факт, что во всех конституционных проектах того времени, вышедших из-под пера М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, А. Чарторыйского, Н. Н. Новосильцева и др., право выбора было ограничено имущественным цензом.

Наличие собственности у претендентов на роль помощников российского императора считалось неременным условием их вхождения в правительственные сферы. Иногда авторы конституционных проектов выдвигали тезис, провозглашающий, что «...люди имеющие собственность все без различия должны быть допускаемы к участию в правах политических»⁸⁴. Обладание собственностью уже само по себе являлось показателем способности человека осуществлять всесторонний анализ ближайших и отдаленных последствий принимаемых им решений. Именно собственность, по мнению либерально настроенной дворянской элиты, воспитывала в человеке чувство ответственности, а, следовательно, служила дополнительной гарантией принятия депутатом «взвешенного» решения. Подобное объяснение целесообразности введения имущественного ценза кристаллизовалось в не требующей доказательства аксиоме: «...чем более человек приемлет участия в собственности, тем естественно более он печется о ее сохранении»⁸⁵. В кругах европеизированной части

российского дворянства широко было распространено убеждение в том, что любой собственник, получив новый для него статус законодателя, всегда будет бережно относиться к свободе и собственности другого человека, т. к. он, в случае принятия нормативных актов, ущемляющих право на обладание собственностью, автоматически вступал бы в противоречие со своими личными интересами.

Размер имущественного ценза был обусловлен, прежде всего, оценкой собственных материальных возможностей, знаниями о среднегодовом уровне доходности дворянских имений, а так же размером регулярно получаемого на государственной службе жалованья. Суммируя все свои источники дохода, авторы проектов предполагали, что установленный ими имущественный ценз не будет являться сколько-нибудь серьезным препятствием для любого предприимчивого человека. Именно поэтому, предусмотренный по «Государственной уставной грамоте Российской Империи» имущественный ценз в 1000 р. серебром ежегодного дохода для депутатов Высшей Палаты (Сенат), и исправная выплата всех установленных законом налогов и податей для депутатов нижней (Посольской) палаты Государственного Сейма, казался вполне приемлемым. Даже достаточно высокий имущественный ценз в 10 т. р. серебряною монетой, который был предложен Н. С. Мордвиновым, на фоне среднегодового дохода чиновника высшего звена не казался непреодолимой преградой.

Так, например, Н. С. Мордвинов, возглавляя с 17 января 1810 г. Департамент Государственной экономии Государственного Совета, только «столовых денег» получал 12 т. р. в год,⁸⁶ а М. М. Сперанский – жалованья 10 т. р., «столовых денег» 12 т. р. и параллельно, назначенную ему с 1801 г. пожизненную пенсию в размере 2000 р. ежегодно⁸⁷. Не всегда располагая достоверной информацией о динамике изменений и уровне доходов в других социальных группах, особенно недворянского происхождения, в сознании либерально-ориентированной дворянской элиты формировалась уверенность в том, что для образованного и умело распоряжающегося своей собственностью гражданина имущественный ценз будет лишь формальностью, которая, однако, не позволит прийти к власти тем, кто в силу своего воспитания и материального положения склонен к радикальным методам разрешения сложных общественных проблем.

Внимательное отношение к тому, кто сможет участвовать в работе нового законодательного или законосовещательного органа при императоре было обусловлено, прежде всего, усвоенным с детства представлением об иерархичной природе российского социума, которое по мере продвижения по службе трансформировалось в особый взгляд «сверху вниз» на все недворянские группы населения. Оценивая с этих позиций степень готовности того или иного сословия к участию в управлении страной, отечественные адепты либеральных ценностей убеждались, что абсолютное большинство населения страны – крестьянство было неграмотно, и не имело даже элементарных понятий о значении и функциях проектируемого российского парламента, а купечество и мещанство заботилось только о собственном материальном благополучии, не высказывая желания участвовать в политике.

В сложившихся условиях, по мнению большинства членов Государственного Совета, целесообразно было, внимательно изучив западноевропейский опыт, пытаться заимствовать лишь те его элементы, которые соответствовали бы исторически сложившимся особенностям российской социально-политической системы. Так, например, В. П. Кочубей, размышляя о возможных вариантах использования опыта европейского конституционализма, утверждал, что России, как «...государству приближающемуся ежечастно к другим народам, большое общество европейское составляющим, ...следует, не повинуюсь слепо учреждениям чужеземным, соображать свои собственные с настоящим положением государства и усовершенствовать оные»⁸⁸. Своевременным и безопасным шагом, по его мнению, было не немедленное создание аналогичных европейским выборных органов сословного представительства, а модернизация уже существующих государственных структур: «В России... принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту как Государственному Совету. Не могут они присвоены быть Депутатам Губернским, ...ибо степень просвещения есть еще слишком в Империи ограничена, чтоб можно было нам подражать другим»⁸⁹. Отсутствие необходимой «степени просвещения», под которой понимался не только определенный уровень образования, но и способность личности к всестороннему анализу ближайших и отдаленных последствий принимаемых решений, называлось достаточно часто в качестве причины несвоевременности немедленного внедрения на практике принципа сословного представительства.

Основанием правомерности данного утверждения, по мнению российских сторонников идей конституционализма, являлся опыт Европы, где парламенты опирались на поддержку широких слоев населения. Сравнивая уровень «просвещенности» населения в России и ряде европейских государств, Д. П. Трощинский подчеркивал, что «Английский парламент ничего бы сам по себе не значил, если бы не был поддерживаем многочисленным и просвещенным средним чином...», а «во Франции, в Англии и даже в Испании, действие правления под различными формами возбуждается или общественною волею, или общественным мнением, к коим оно почти всегда обязано иметь уважение»⁹⁰. В России же, по его словам, «...находится много людей просвещенных, однако же главная масса народа и не столько просвещена и просвещение ее не такое, как просвещение главных народных масс европейских государств»⁹¹.

Призыв В. П. Кочубея, Д. П. Трощинского, как и многих других членов Государственного Совета, отказаться от «слепого подражательства» Европе при реформировании системы взаимоотношений граждан и верховной власти не означал отказа от стратегической цели – установления в России просвещенной конституционной монархии, опирающейся в своем правлении на мнение народных представителей. Сам В. П. Кочубей, объясняя свою позицию, подчеркивал, что наша страна в будущем «последует... примеру других государств»⁹².

Такой взгляд на содержание и темпы европеизации России не противоречил либеральным принципам. Более того, подобные рассуждения внимательный российский читатель мог найти в работах известных европейских мыслителей. Например, в сочинении Д. Юма «Идея совершенного государства», а также в трактате В. Гумбольта «Об учреждении земельных сословных конституций в прусских пределах», авторы прямо предостерегали от непродуманного «...проведения экспериментов на основе всего лишь доверия к каким-либо предположительным соображениям или к философии»⁹³, подчеркивая при этом, что любое нововведение может стать полезным только в силу «внутренней необходимости»⁹⁴.

В итоге, очевидное несоответствие уровня развития отечественной экономики, а также степени «просвещенности» населения России и Европы, привело к складыванию в сознании отечественных адептов либеральных ценностей своеобразной концепции заимствования. Любое заимствование извне всего того, что могло существенно изменить направление

общественного развития, по их мнению, должно было проходить под руководством правительства, главная задача которого состояла в тщательном отборе и адаптации лучших мировых достижений к российской действительности. В результате такого отбора все привносимые извне элементы «чужой» культуры должны были отвечать двум параметрам: с одной стороны, их внедрение способствовало бы ускорению развития страны и сближению ее с развитыми странами Европы, а с другой – не повышало бы вероятность возникновения социальных конфликтов. В противном случае, по выражению современников, даже «...самые лучшие преобразования, не быв приспособлены к народному характеру, производят только насилие и сами собою сокрушаются»⁹⁵. Именно такой алгоритм рецепции европейского опыта обеспечивал органичную связь традиции с инновацией, и был для ориентированной на Запад правительственной элиты оптимальным вариантом достижения компромисса между стремлением к обновлению российской социально-политической системы по европейским образцам и ограниченными возможностями внедрения либеральных принципов на практике.

Примечания

¹ Цит по: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Указ соч. С. 112.

² Мнение адмирала Мордвинова о коллегиальном и министерском управлении в России // ЧИОИДР. 1864. Кн. III, июль-сент. Разд. V. С.156.

³ См., например: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 133. Л. 7–9.

⁴ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 50. Л. 3–4.

⁵ Гурьев Д.А. Об устройстве верховных правительств в России. 1815 год // Сб. РИО. Т. 90. С. 67.

⁶ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Указ. соч. С. 114.

⁷ См.: Хартли Дж. Александр I. Ростов н / Д., 1998. С. 121–122.

⁸ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 14.

⁹ Там же. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 25.

¹¹ Там же. Л. 25–26.

¹² Там же. Д. 50.

¹³ Там же. Л. 3.

-
- ¹⁴ Там же. Л. 6.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 7.
- ¹⁷ См. подробнее: Ерошкин Н.П. Указ соч. С. 143–148, 155–173; Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 т. Т. 1. Спб., 1998; Развитие русского права в первой половине XIX в. М., 1993. С. 87–101.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 50. Л. 9.
- ¹⁹ Там же. Л. 17–18.
- ²⁰ Там же. Л. 14.
- ²¹ Там же. Л. 11–13.
- ²² Гурьев Д.А. Указ. соч. С. 59.
- ²³ Там же. С. 65.
- ²⁴ Там же. С. 92–93.
- ²⁵ Там же. С. 79.
- ²⁶ Там же. С. 94.
- ²⁷ Д.А.Гурьев предлагал разделить Сенат на Правительствующий, который был бы высшим исполнительным органом, и Судебный Сенат.
- ²⁸ Там же. С. 79.
- ²⁹ Троцинский Д.П. О неудобствах, происходящих от государственного управления по форме единоличной, введенной закрытием коллегий и отменой коллежского обряда и подтвержденной общим учреждением министерств 1810 и 1811 годов // Сб. РИО. 1868. Т. 3. С. 40.
- ³⁰ Там же. С. 41.
- ³¹ Там же. С. 69–70, 79
- ³² Там же. С. 88, 91, 93–94.
- ³³ Троцинский Д.П. О таких предметах, кои не могут быть вносимы в комитет министров, а требуют личного доклада Государю Императору // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV. Смесь. С. 49–54.
- ³⁴ Там же. С. 54.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65. Л. 90.
- ³⁶ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 14. Л. 21.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 52 / 48. Л. 19.
- ³⁹ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка ... С. 115.
- ⁴⁰ Там же. С. 114–116, 121.
- ⁴¹ Там же. С. 121.
- ⁴² Там же. С. 115.
- ⁴³ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 14. Л. 21.
- ⁴⁴ АМ. Т. 1. С. 14.

- ⁴⁵ Цит. по: Майков П.М. Адмирал Н.С. Мордвинов и его архив // Русская старина. 1905, январь. С. 199.
- ⁴⁶ См.: Архив ГС. Т. 3. С. XVII–XXVII.
- ⁴⁷ Сафонов М.М. Филиппова Э.Н. Журналы Непременного Совета // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. 1979. С. 43.
- ⁴⁸ Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 65.
- ⁴⁹ См.: Архив ГС. Т. 3. С. XIX–XXIII.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 230. Л. 26 об.
- ⁵¹ См. подробнее: Жуковская Т.Н. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810 годов. Петрозаводск, 2002.
- ⁵² См., например: Речь Государственного Совета советника Портамиса, которому поручено было от консулов представить на рассмотрение Законодательного Совета новый проект гражданского уложения для Франции // Вестник Европы. 1802. Ч.1. № 3. февраль. С. 65–77; Государственный устав испанской монархии // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132; О конституции Норвежского государства // Вестник Европы. 1816. Ч. 88. № 16. С. 48–67; Государственное уложение Баварского королевства // Архив исторический и политический: из Духа журналов. СПб., 1818. С. 525–572; Государственное уложение Великого герцогства Баденского // Архив исторический и политический: из Духа журналов. СПб., 1818. С. 629–660; Польза представительного правления Письмо из Брюсселя // Архив исторический и политический: из Духа журналов. СПб., 1819. С. 77–79; Конституция Северо-Американских областей // Дух Журналов. 1820. Ч. 38. Кн. 2. С. 73–77; 78–88; 97–116; 157–174; и др.
- ⁵³ См.: Архив ГС. Т. 3. Ч. I. С. 15–50.
- ⁵⁴ См.: Воронцов А.Р. Заметки о моей жизни и различных событиях, совершившихся в течении этого времени как в России, так и в Европе // Русский архив. 1883. № 2.
- ⁵⁵ Цит. по: Минаева Н.В. Указ. соч. С. 57.
- ⁵⁶ См.: Воронцов А. Р. Примечания о правах и преимуществах Сената // ЧИОИДР. 1864. Кн. I. С. 108–111; Мнение графа Воронцова о правах Сената // Архив ГС. Т. 3. Ч. I. С. 39–46.
- ⁵⁷ Архив ГС. Т. 3. С. 31–37.
- ⁵⁸ Там же. С. 35.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Л. 29–30.
- ⁶¹ АМ. Т. 3. Д. 748. С. 221–225.
- ⁶² Там же. С. 224.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 211, 212.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 119. Л. 1; Д. 602. Л. 1–1 об.

-
- ⁶⁷ Цит. по: Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 70.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 29.
- ⁶⁹ Цит. по: Хартли Дж. Указ. соч. С. 62.
- ⁷⁰ Бентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении: В 3 т. Т.1. СПб., 1805. С. 430–431.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 9–206.
- ⁷² АМ. Т. 4. С. IV–V.
- ⁷³ См.: Антология мировой политической мысли. Т. 3. С. 647–654.
- ⁷⁴ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. СПб., 1907.
- ⁷⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 85.
- ⁷⁶ Конституционная хартия 1815 года... С. 42.
- ⁷⁷ См.: Антология мировой политической мысли... С. 650–652.
- ⁷⁸ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 15–16.
- ⁷⁹ См. подробнее: Томсинов В.А. Светило Российской бюрократии: исторический портрет М.М.Сперанского. М., 1991; Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997; Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. М., 1993.
- ⁸⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 6.
- ⁸¹ Там же. Л. 4.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ АМ. Т. 4. С. IV–V.
- ⁸⁴ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 101–102.
- ⁸⁵ Там же. Л. 100.
- ⁸⁶ Шилов Д.Н. Указ. соч. С. 434.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 506. Л.10.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 50. Л. 3.
- ⁸⁹ Там же. Л. 8.
- ⁹⁰ Записка Д.П.Трощинского о министерствах // Сб. РИО. 1868. Т.3. С. 48.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² РГИА.Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 50. Л. 8.
- ⁹³ См.: О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 98.
- ⁹⁴ Там же. С. 192–194.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 52 / 48. Л.12.

Заключение

Становление национальной модели либерализма в России в первой четверти XIX в. происходило в процессе борьбы и взаимовлияния привнесенных извне либеральных ценностей с непосредственно окружавшей европеизированную часть дворянской элиты социокультурной средой. Данное обстоятельство было обусловлено сущностной природой самого либерализма, который не является жесткой, раз и навсегда сформировавшейся доктриной, а представляет собой достаточно гибкую и динамичную систему ценностных ориентиров, открытую влиянию со стороны и чутко реагирующую на изменение среды распространения. Благодаря этому либерализм обладает способностью мимикрировать, быстро адаптируя свою внутреннюю структуру к новым условиям. Корректироваться могут приоритеты в проблематике, представления о темпах и механизме проведения преобразований. Неизменным остается лишь устойчивый интерес к человеку и его роли в системе социальных взаимосвязей, а также стремление эволюционными методами создать максимально благоприятные условия для раскрытия всех творческих способностей личности.

В начале XIX в. либеральные идеалы свободы личности, верховенства закона и неприкосновенности частной собственности при соприкосновении с социокультурной средой их распространения в России неизбежно дополнялись новыми элементами, которые более точно, нежели теоретическое описание либеральной модели общественного устройства в сочинениях европейских мыслителей, соответствовали как личным потребностям отечественных адептов либерализма, так и общему положению дел в стране. Высокий социальный статус рода и иерархичность внутрисемейных отношений в период первичной социализации дворянина; наличие крупной недвижимой собственности и крепостных крестьян; знакомство в процессе обучения в ведущих европейских университетах или в ходе неоднократных заграничных поездок с трудами либеральных европейских мыслителей; материальная ответственность за благополучие собственных детей; принадлежность к системе обсуждения и принятия важных государственных решений; высокая самооценка и «очеловечивание» образа монарха; усваиваемый с детских лет патерналистский взгляд

на социальную структуру российского общества – все это, в совокупности, предопределило сложность мировоззрения приверженцев либеральных ценностей в кругах правительственной элиты России.

Концептуально предлагаемая европейскими мыслителями либеральная модель общественного устройства соответствовала умонастроению дворянина-собственника и служила теоретическим обоснованием права «просвещенного» дворянства оказывать непосредственное влияние на характер принимаемых верховной властью решений. Кроме этого, многие члены Государственного Совета, связывая свои личные потребности с потребностями общества в целом, рассматривали либеральные принципы в качестве инструмента разрешения целого ряда сложнейших социально-экономических проблем. Они надеялись на то, что внедрение на практике либеральных постулатов поможет запустить естественные механизмы саморазвития российского социума, основным двигателем которого является частная инициатива свободных граждан.

Сравнительно-сопоставительный анализ биографических данных и содержания многочисленных «мнений», «голосов», «записок» и проектов показал, что мировосприятие ориентированной на Запад дворянской элиты обладало синкретичностью, внутренней противоречивостью и, одновременно, слабой дифференциацией составляющих его элементов.

Наиболее отчетливо противоречивость мировоззрения ранних русских либералов просматривается в двух принципиальных положениях. Во-первых, убеждение в возможности быстрого оздоровления отечественной экономики посредством предоставления личности свободы самовыражения сосуществовало с ярко выраженными антиэгалитаристскими настроениями в отношении политических прав граждан. Предоставление политических прав, под которыми чаще всего подразумевалось право на соучастие в управлении государством, рассматривалось в тесной взаимосвязи со способностями человека, наличием у него достаточного для проведения всестороннего анализа актуальных проблем образования и личного опыта управления недвижимой собственностью.

Во-вторых, высокий уровень самооценки, признание за дворянством особой социальной роли на фоне безинициативности и очевидной «невежественности» большинства населения страны приводили к своеобразному синтезу индивидуалистических и патерналистских ценностей. Согла-

шаясь с тем, что основным двигателем общественного развития является свободная экономически активная личность, а не какие-либо официально созданные структуры, отечественные приверженцы либеральных ценностей говорили об обязанности государства оказывать «покровительство» и «отеческое вспомоществование» тем, кто в силу различных причин не способен самостоятельно позаботиться о себе.

Не менее рельефно своеобразие внутренней структуры российской модели либерализма проявилось в процессе выработки оптимальной стратегии и тактики либерализации общественных отношений. Очевидное несоответствие теоретических конструкций либеральных европейских мыслителей и окружающей российской действительности, отличительными особенностями которой было существование достаточно большой по своей численности социальной группы полностью зависимых от воли помещика крепостных крестьян, низкий уровень «просвещенности» свободных сословий и постепенно возрастающий на фоне усиления внешнеполитической нестабильности дефицит государственного бюджета обуславливали необходимость определения пороговых ограничений и механизма заимствования европейских идей.

Размышляя над проблемой заимствования, российские адепты либеральных ценностей подчеркивали, что «слепое», бессинтезное использование достижений «чужой» культуры не принесет позитивных результатов, а в некоторых случаях может оказать разрушающее воздействие на внутриэкономическое развитие страны и мирный характер сосуществования различных сословий. По их мнению, любое заимствование извне могло быть полезным только в том случае, если оно проводилось по мере созревания «внутренней необходимости» и обязательно сопровождалось бы осознанным отбором всего того, что, с одной стороны, безусловно способствовало интенсивному развитию страны и «процветанию» отдельной личности, а с другой – не повышало вероятность возникновения острых социальных конфликтов.

Стратегическая установка на постепенность и осторожность использования европейских теоретических схем породила адекватную российским условиям тактику проведения преобразований. Понимая, что гетерогенность социальных интересов в процессе разрешения наиболее острых проблем неизбежно раскалывает общество на сторонников и

противников преобразований, многие члены Государственного Совета говорили о целесообразности поиска компромиссных решений под руководством государства. Именно оно, по их мнению, могло и должно было выступать в роли справедливого и беспристрастного арбитра, способного учесть разнонаправленные потребности различных сословий и воплотить либеральные принципы в жизнь, обеспечивая в стране сохранение социального мира и общественного порядка.

На практике стремление обеспечить баланс интересов различных участников общественных отношений отражалось в негласно принятом порядке обсуждения на заседаниях Государственного Совета различных «записок», «голосов», проектов и предложений по реформированию российской экономической и социально-политической системы. В большинстве случаев все присутствовавшие на заседании члены Государственного Совета внимательно знакомились с предысторией рассматриваемого вопроса. Подобная тактика «движения с оглядкой» в прошлое, состоявшая в сознательной актуализации исторического опыта разрешения сложных социально-экономических проблем с параллельным анализом современного положения дел, была признана единственно возможным способом выявления всех отрицательных и положительных последствий предполагаемой либерализации общественных отношений.

В основании тактики «движения с оглядкой» лежала уверенность в возможности корректировать направление и скорость общественного развития. По мнению адептов либеральных ценностей, использование прямых исторических аналогий позволило бы определить типичную для различных социальных групп российского общества ответную реакцию на те или иные действия правительства, в соответствии с которой оно могло принять превентивные меры по предотвращению повторения негативного опыта европейских революций. В данном контексте, очевидная для многих современников отсталость России в сравнении с ведущими европейскими странами нередко оценивалась как важное преимущество, позволяющее избежать ошибок и выработать наиболее безболезненный путь продвижения к намеченной цели.

В целом, становление национальной модели либерализма в России первой четверти XIX в. сопровождалось усилением консервативных элементов. Содержательно в структуре нового учения как необходимые и ак-

туальные воспринимались лишь те элементы либерализма, которые могли быть органично адаптированы в рамках сложившейся социокультурной среды. На уровне отдельной личности усвоенные через призму социальных взаимосвязей в процессе становления личности фоновые ценности, основанные на устойчивых, тяготеющих к традиции, представлениях о функциях каждого сословия и оптимальных формах межсословных взаимодействий, сталкивались с новой, альтернативной системой ценностей. В результате такого столкновения некоторые заимствованные извне либеральные ценности были восприняты в привычных с детства патерналистских категориях «заботы» и «покровительства».

В итоге, синкретичное переплетение либеральных и патерналистских ценностей сформировало особый взгляд на содержание и тактику либерализации общественных отношений: заимствованные извне идеалы задавали лишь общие ориентиры развития, достижение которых представлялось возможным традиционными методами. Одновременное сосуществование таких разнонаправленных компонентов позволяет говорить о складывании особой национальной модели либерализма – русского консервативного либерализма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГИА – Российский государственный исторический архив

Архив ГС – Архив Государственного Совета: В 10 т.:

Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.) СПб., 1878;

Т. 4. Царствование императора Александра I (1810–19 ноября 1825 г.).

Журналы по делам департамента государственной экономии. СПб., 1881.

Сб. РИО – Сборник императорского русского исторического общества.

ЧИОИДР – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.

АМ – Архив графов Мордвиновых. В 10 тт. СПб., 1901–1903.

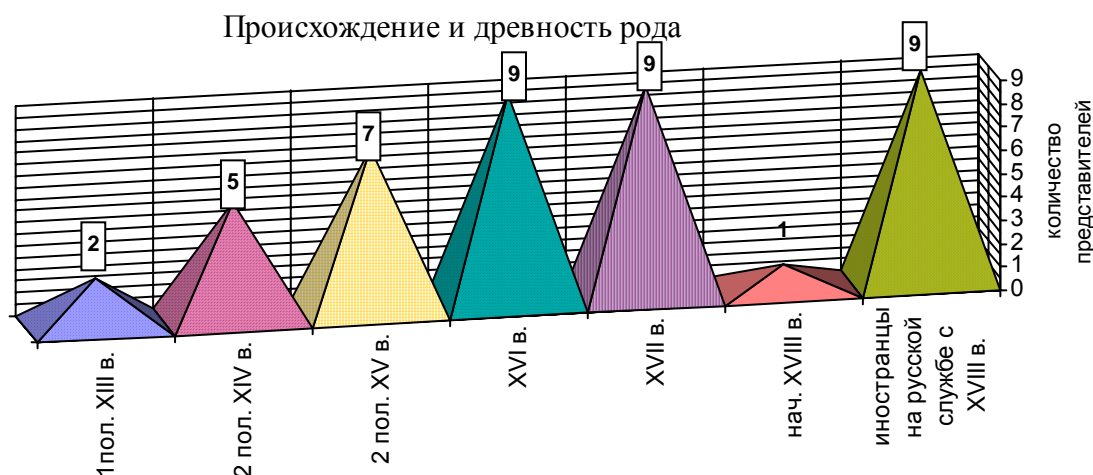
ПРИЛОЖЕНИЯ¹

Приложение 1

Персональный состав исследуемой группы представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в.:

Аракчеев А. А.	Лопухин П. В.
Балашов А. Д.	Меллер-Закомельский П. И.
Барклай-де-Толли М. Б.	Мещерский П. С.
Будберг А. Я.	Мордвинов Н. С.
Васильев А. И.	Муравьев Н. Н.
Воронцов А. Р.	Нессельроде Н. В.
Вязмитинов С. К.	Новосильцов Н. Н.
Голицин А. Н.	Оленин А. Н.
Головин Н. Н.	Попов В. С.
Голубцов Ф. А.	Разумовский А. К.
Горчаков А. И.	Румянцев Н. П.
Гурьев Д. А.	Румянцев С. П.
Державин Г. Р.	Салтыков Н. И.
Дмитриев И. И.	Сперанский М. М.
Завадовский П. В.	Строганов П. А.
Кампенгаузен Б. Б.	Татищев А. И.
Канкрин Е. Ф.	Траверсе И. И.
Козодавлев О. П.	Трощинский Д. П.
Коновницин П. П.	Чарторыйский А. А.
Кочубей В. П.	Чикагов П. В.
Куракин А. Б.	Шишков А. С.
Ланской В. С.	
Лобанов-Ростовский Д. И.	

¹ Приложения 2–7 составлены на основании следующих источников: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 1–3; Ф. 1162. Оп. 6. Д. 16, 124, 160, 224, 250, 256, 300, 337, 338, 360, 369, 379, 506, 593; История родов русского дворянства: в 2 кн. / Сост. П.Н. Петров. М., 1991; Русский биографический словарь. СПб., 1914. Репринт. М., 1994; Государственные деятели России XIX – нач. XX в. Биографический справочник / Сост. И.И. Линьков, В.А. Никитин, О.А. Хотенков. М., 1995; Дворянские роды Российской империи. В 10 т. Т. 1–2. Князья. / Сост. Гребельский П., Думин С., Шушков А. СПб., 1995; Миронов Г.Е. История российского государства. Историко-биографические очерки. XIX век. М., 1995; История государства российского: жизнеописания. XIX век. Первая половина. / М.А. Опалинская, С.Н. Синегубов, А.В. Шевцов. М., 1997; Дворянская семья: из истории дворянских фамилий России / Сост. и научн. ред. В.П. Старк. СПб., 2000; Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX в.: пути и судьбы: Очерки. М., 2000; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001.

Таким образом, из 42 человек, данные по которым удалось найти, – 4,7 % вели свою родословную с первой половины XIII в.; 11,9 % – со второй половины XIV в.; 16,6 % – со второй половины XV в.; 21,4 % с XVI в.; 21,4 % – с XVII в.; 2,3 % – с первой четверти XVIII в.; обрусевшие иностранцы – 21,4 %.

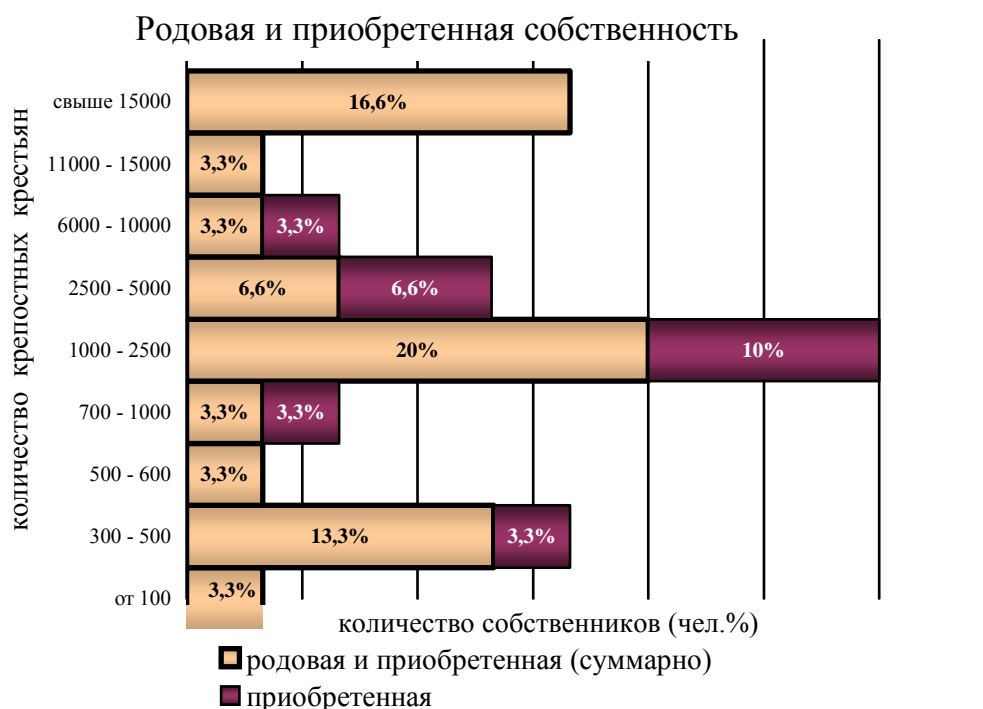
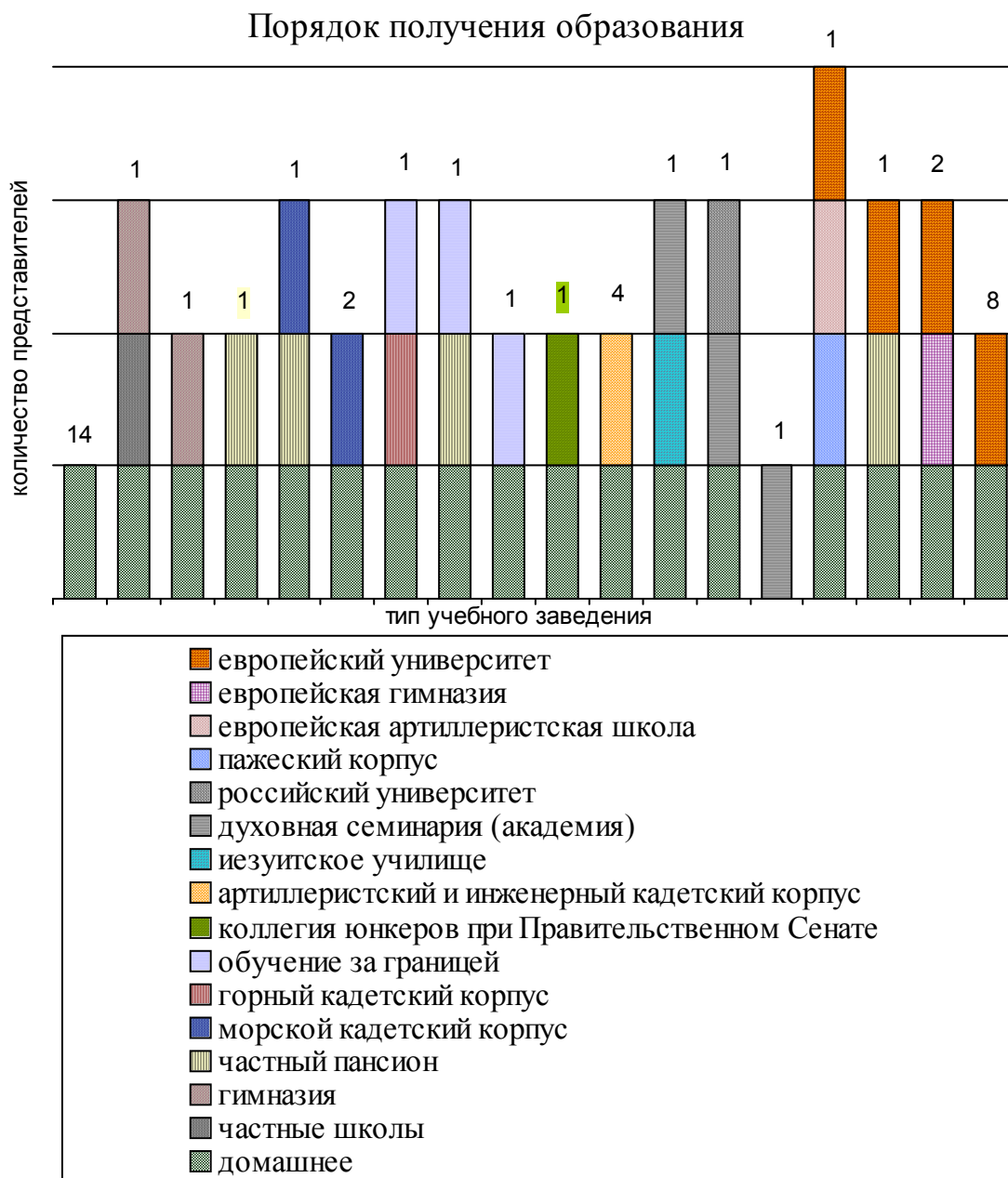
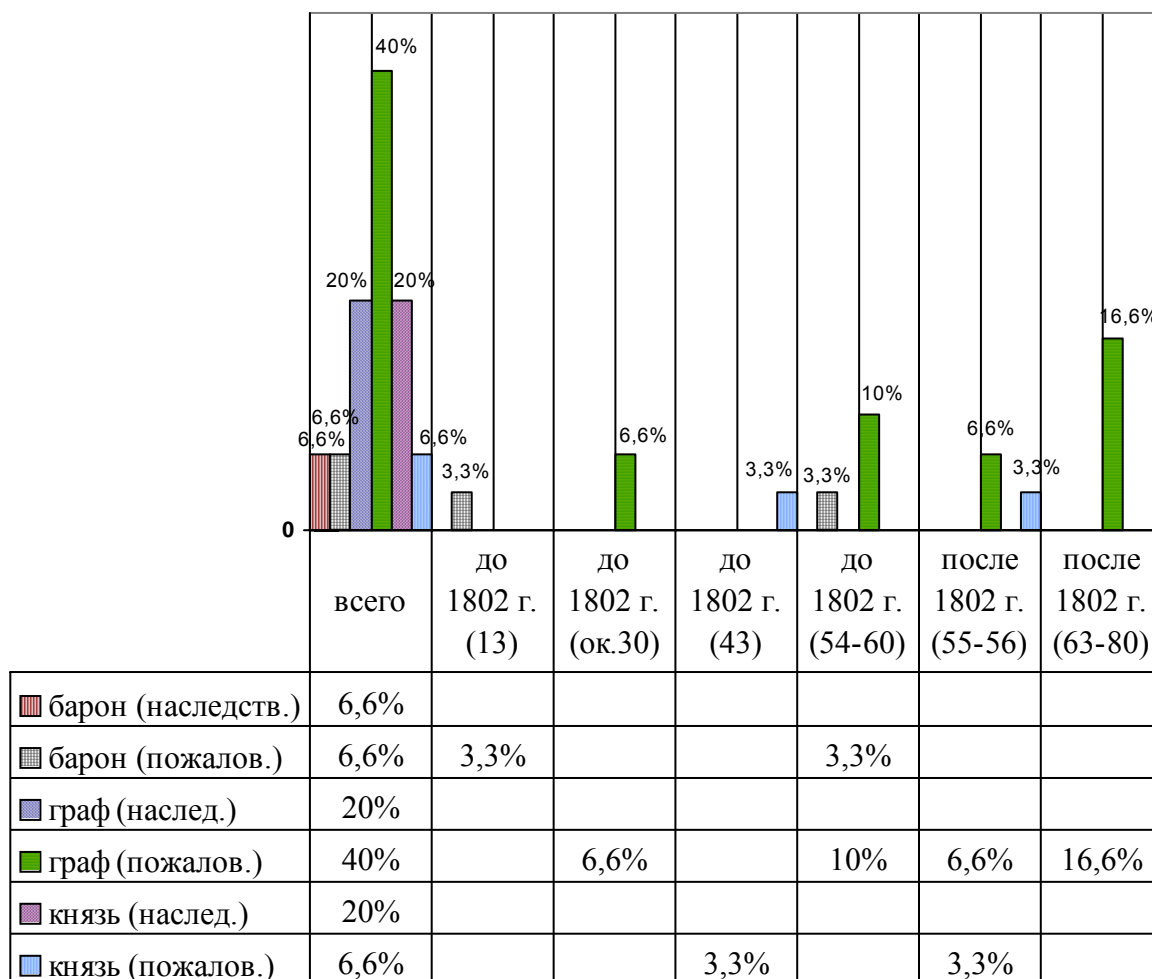

Диаграмма отражает наличие в собственности представителей дворянской элиты крепостных крестьян. Данные разделены по хронологическому признаку: 1 группа – родовая собственность, т. е. собственность принадлежащая дворянину от рождения, обладание которой воспринималось им с детства как естественное и неотчуждаемое право, а так же собственность приобретенная дворянином в течение жизни самыми различными способами от покупки до получения в качестве награды за службу; 2 группа, – приобретенная собственность – отражает материальное положение дворянина в том случае, если данных о наличии у него родовой наследственной собственности обнаружить не удалось.

Подсчет проводился по 43 биографиям: 29 чел. (67,4 %) из них, помимо домашнего, получили образование в учебных заведениях самого различного типа. Высшее образование, включая выпускников духовной академии (2 чел), получили 15 чел. (34,8 %); среднее – 14 чел. (32,5 %). Суммарно в различных учебных заведениях Европы обучалось 18 чел. (41,8 %). При этом, если было известно о том, что тот или иной представитель проходил обучение в Европе, но тип учебного заведения установить не удалось, данные обозначены в легенде под рубрикой «обучение за границей».

Титул: возраст и способ получения

Из 44 представителей высших правительственных кругов России первой четверти XIX титул имели 30 чел., т. е. 68,1 %. Из них бароны – 13,3 %, графы – 60 %, князья – 26 %. При указании года в скобках дан возраст на момент получения титула. При подсчете в том случае, если человек в течение жизни повышал свой социальный статус, переходя из баронов в графы или из графов в князья, учитывался хронологически первый титул, т. к. именно он, на наш взгляд, играл более важную роль в процессе укрепления чувства собственного достоинства. Кроме этого такой принцип подсчета исключает включение одного и того же человека дважды, что существенно могло бы исказить результаты анализа биографических данных.

Положение в чиновничьей иерархии к 1801 г.

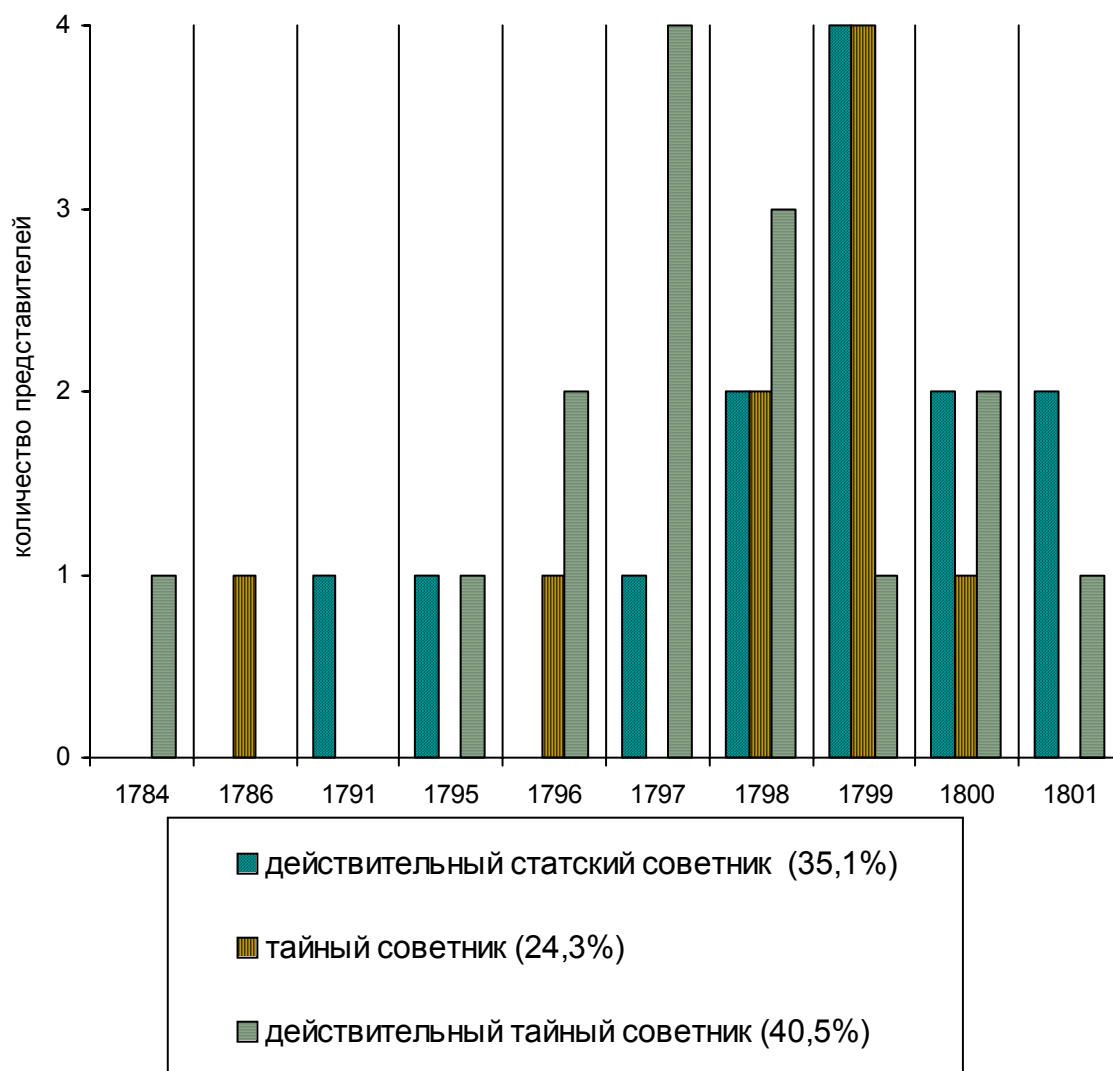
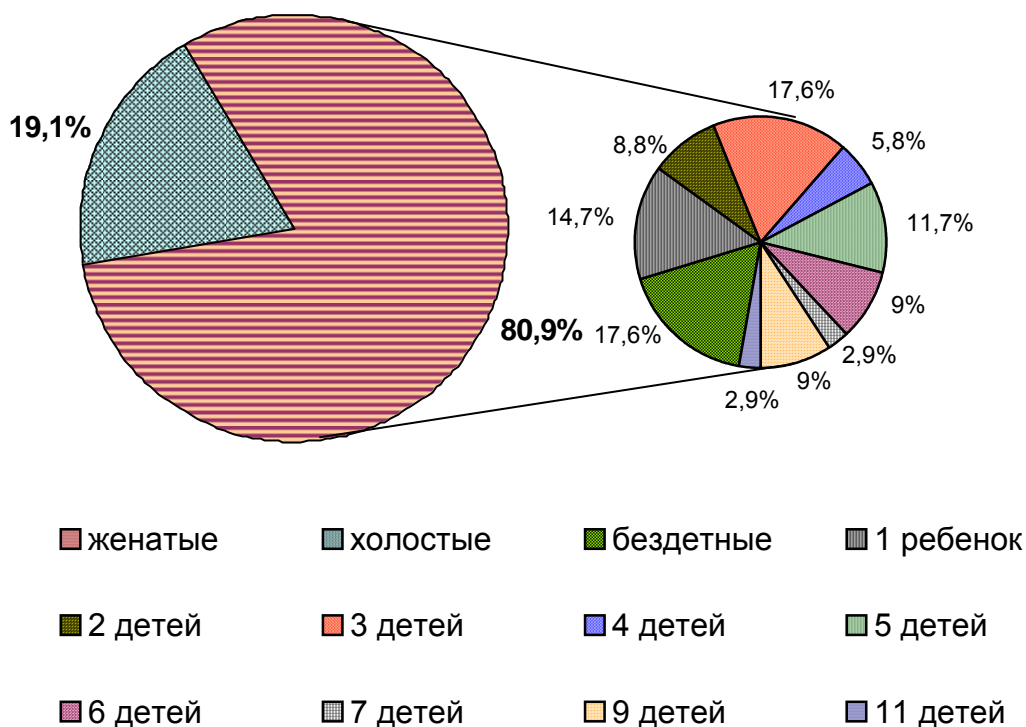

Диаграмма составлена на основании биографических данных 42 представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в.: к моменту восшествия на престол императора Александра I, 37 чел. (88,8 %) из них находились на вершине чиновничьей иерархии (I–IV ранг). При подсчете учитывались только хронологически близкие к 1801 г. чины. При этом, если человек состоял на военной службе, его военное звание приравнивалось к гражданскому в соответствии с действующим на тот момент времени положением «Табели о рангах».

Семейное положение и количество детей

Среднестатистический возраст вступления в брак 26–49 лет. Всего имели детей 82,3 % от числа женатых. Количество детей суммировалось, если человек вступал в брак неоднократно и имел детей от разных браков. Подсчет производился без учета детей, умерших в младенческом возрасте, а также внебрачных детей, которые не были официально зарегистрированными членами семьи, но нередко находились под опекой отца, выражавшейся в оказании материальной поддержки и содействии в продвижении по службе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Примечания	22
Глава I. Социокультурная среда формирования либерально-консервативной системы ценностей в сознании представителей правительственной элиты России первой четверти XIX века.....	26
§ 1. Детские и юношеские годы: факторы первичной социализации	26
§ 2. Культурные нормы внутри- и межсословных взаимодействий.....	39
Примечания	58
Глава II. Идеалы и практика экономических взаимоотношений личности и государства в проектах членов Государственного Совета	62
§ 1. Экономические права индивида и стратегические цели государства	62
§ 2. Оптимальные модели исполнения государственных обязательств в сфере экономики	82
Примечания	111
Глава III. Проблема модернизации социальных отношений в представлениях российских либералов первой четверти XIX века.....	115
§ 1. Трактовка принципа свободы и неприкосновенности личности....	115
§ 2. Стратегия ликвидации крепостной зависимости	125
Примечания	150
Глава IV. Власть и общество в России: правительственная элита о методах повышения эффективности государственного управления.....	153
§ 1. Оценка административных преобразований и идеалы организации системы управления	153
§ 2. Инструментализация опыта европейского конституционализма..	168
Примечания	183
Заключение	187
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	192
ПРИЛОЖЕНИЯ	193

Научное издание

Тимофеев Дмитрий Владимирович

Европейские идеи в России: восприятие либерализма
правительственной элитой в первой четверти XIX века

Монография

По вопросам приобретения обращаться к автору по E-mail:

tdv@csu.ru

dmitrtim@yandex.ru

Издательство ООО фирма «ПИРС»,
454119, г. Челябинск, ул. Машиностроителей, 8.

Лицензия ИД №06422 от 10.12.2001.

Подписано к печати 17.03.2006 г.

Отпечатано на «RISO». Бумага офсетная. Печ. л. 10,57.

Тираж 500. Заказ 181.

Отпечатано с файла заказчика в типографии СтандАРТ
(ИП Ериклинцева Е.В.), св-во 002839968 ИМНС РФ
по Калининскому р-ну г. Челябинска,

454076, Челябинск, ул. Рылеева, 10,
т/ф. 268-17-13, E-mail: vvp74@list.ru

